

Неспешная
игра

*Правила
книга третья*

Моника Мерфи

Александрия Ашер, недавно разорившаяся, просто хочет жить нормальной жизнью. После того, как её родители были отправлены в тюрьму по обвинению в растрате, она поступает в университет под девичьей фамилией своей матери и изо всех сил пытается притвориться кем-то другим. Тристан Прескотт представляет собой именно то, чего Алекс пытается избежать. На первый взгляд эгоистичная, ленивая, богатая дрянь, она выливает своё пиво ему на голову, когда на одной из вечеринок он пристаёт к ней, чем только подстёгивает Тристана к действию. Вызов для него — всё! А красавица Алекс — именно тот тип вызова, который его интригует. Вопреки своему нежеланию Алекс быстро втягивается в отношения с Тристаном. Под внешностью плейбоя скрывается хороший парень, милый и сексуальный, в которого она, несомненно, влюбляется. О чём они оба даже не догадываются, так это о том, что действия родителей Алекс являются причиной стольких трагедий в семье Тристана. И, когда парень узнает, кем на самом деле являются Алекс и её семья, сможет ли он простить и забыть?

Серия: Правила #3 (про разных героев)

Переводчик: Кузьма Петрович

Редактор: ByTalis

Вычитка: Rina

Русификация обложки: BySashka

Специально для группы: Книжный червь / Переводы книг — vk.com/tr_books_vk

ГЛАВА 1

Алекс

В помещении жарко и настолько тесно от тел, которые, кажется, двигаются, как один, в такт, и я танцую вместе с ними. Закинув руки за голову, сжимаю в одной бутылку с водой, в другой — телефон, и пытаюсь забыться в... чём-то. Подойдёт всё, что угодно; лишь бы забыть, хотя бы ненадолго.

Парень, танцующий рядом со мной, небрежно двигается и размахивает руками, что особенно опасно, учитывая полную кружку пенистого пива, которую он держит.

Я это знаю, потому что с ужасом и изумлением наблюдаю, как он расплёскивает жидкость на пол и часть её капает на него. Если он прольёт хоть каплю этого дешёвого пойла на мой костюм, у него, чёрт возьми, будут большие неприятности.

С изящным поворотом, которым мой старый учитель балета мог бы гордиться, отворачиваюсь от него, заметив разочарованное выражение на его лице. Ну и ладно. Он совершенно не в моём вкусе. Ни один из этих парней не в моём вкусе.

Я здесь со своей новой подругой Келли. В течение первого месяца нам обоим трудно давалась статистика и на почве практически провала в тесте мы сошлись. Взаимные мучения — отличный способ завязать дружбу.

За последние несколько недель мы с Келли очень сблизились. Она познакомила меня с Джейд, одной из своих лучших подруг, а сегодня вечером та познакомила меня с Люси, которая встречается с лучшим другом парня Джейд.

Да уж, язык сломаешь, пока выговоришь. Но они все кажутся очень милыми, и парни супергорячие, и это, видимо, уже кое-что, верно? Я завожу новых подруг, избегаю горячих

богатых парней. А эти парни богаты, судя по дому парня Джейд, в котором сейчас нахожусь, — это место просто огромное. В общем, веду себя как нормальная девушка, которую никто толком не знает.

Как раз так, как я предпочитаю.

Протискиваюсь мимо какого-то раздражающего меня качка, поймав на себе чей-то косой взгляд, чья идея костюма — надеть футболку — как оригинально, и направляюсь на кухню в поисках ещё одной бутылки воды или содовой, или чего-нибудь безалкогольного. Сегодня вечером я по собственному желанию «трезвый водитель». Когда наблюдаешь, как твои родители топят свои чувства в алкоголе, дабы это помогло им забыться, ты становишься склонна избегать спиртного.

По крайней мере, я так думаю.

— Александрия! — Джейд улыбается и машет мне рукой, а затем продолжает раскладывать на тарелке брауни, которые, судя по виду, только что из духовки. Скорее, даже по запаху. Насыщенный аромат шоколада витает в кухне, заглушая ужасное сочетание запахов тел, пива и травы, которыми пропитан воздух. — Не могу насмотреться, настолько твой костюм великолепен!

Кружусь и чувствую, как колышутся прикреплённые к спине пушистые белые крылья. Хлипкий нимб, кажется, вот-вот свалится с моей головы, и я протягиваю руку, чтобы поправить его. В прошлом году я хорошо потратилась на костюм, который сейчас на мне. Тогда, покупая его для другой вечеринки на Хэллоуин, я думала, что у меня есть деньги и никаких забот в мире. Другая вечеринка, другая жизнь.

Но я больше не та девушка.

И никогда больше ей не буду. Та девушка никогда не надела бы один и тот же костюм два Хэллоуина подряд.

— Особенно мне нравятся перья, — признаётся Джейд, кивая в их сторону. Она просто по-женски отпадно крутая в своём костюме Робин. А её парень Шеп — её партнёр в борьбе с преступностью. Он весь вечер разгуливает по дому и бормочет самым хриплым голосом, на который только способен: «Я Бэтмен».

Скорее всего, к завтрашнему дню горло будет убивать его.

— Спасибо, — наконец произношу я, протягивая руку через весь островок, чтобы взять с тарелки крошечный кусочек брауни. Откусываю немного и тут же стону от удовольствия. Он не только вкусный, но ещё и тёплый. Прямо из духовки, как я и надеялась. — О, Боже, как вкусно, — бормочу, проглотив кусок.

— Домашние, — хвастается Джейд, сияя от гордости. Она придвигает тарелку ближе ко мне. — Бери ещё один.

Я качаю головой и неэлегантно запихиваю остаток пирожного в рот, затем облизываю пальцы дочиста.

— Нет, спасибо. Обычно я не ем сладкое.

Джейд хмурится.

— Почему нет?

Потому что моя мать с юных лет вбила мне в голову, что сахар — зло, что всё, что хорошо на вкус или на ощупь, на самом деле вредно. Но её больше нет. Мне не нужно беспокоиться о том, что она следит за мной, контролируя каждую потребляемую мной калорию, каждую милю, которую я пробегаю, каждую сделанную страницу домашнего задания.

Теперь я сама по себе, так почему я всё ещё позволяю ей управлять мной?

— К чёрту, — бормочу я, хватая ещё один кусок пирожного и съедая его в два укуса.

Оно стоит каждой секунды.

Смеясь, Джейд берёт тарелку и направляется к французским дверям, ведущим на задний двор.

— Я иду на улицу. Присоединишься?

— Пожалуй, я побуду здесь, на кухне.

Почему-то сейчас здесь никого нет, и это странно. Бочонок снаружи, но и здесь есть, что выпить, плюс еда.

— Я вернусь через минуту. Эти брауни буквально разлетятся, — быстро улыбнувшись мне, Джейд поворачивается и проскальзывает через дверь, закрывая её за собой.

Я иду к ящикам со льдом, которые стоят у стены, роюсь в одном из них, пока не нахожу свежую бутылку воды. Откручиваю крышку и делаю большой глоток, чувствуя сильную жажду после съеденного сладкого. Из гостиной всё ещё доносится музыка, такая громкая, что я с трудом соображаю. Мимо проносится девушка в сексуальном костюме ведьмы, и в тот момент, когда она проходит мимо меня, направляясь на улицу, начинает безудержно хихикать.

Проведя свободной рукой по волосам, смотрю вниз на свою юбку, отмечая, насколько она короткая. В прошлом году я только и делала, что привлекала парней. В этом — вряд ли. Я пытаюсь быть сдержанной, а этот костюм с глубоким вырезом и едва прикрывающей бёдра юбкой — какой угодно, но только не сдержанный. Чуть раньше я заметила, что многие парни смотрели на меня, без сомнения, заинтригованные девственно-белым платьем и перистыми ангельскими крыльями. Выгляжу так, словно сошла с подиума Victoria's Secret.

Почти. Я не настолько тщеславна, чтобы думать, что могу быть моделью. Кроме того, мои сиськи довольно маленькие...

— Вы посмотрите, кто это тут у нас?

Я замираю от звука мужского голоса, доносящегося из-за моей спины. Супер. Я привлекла мужское внимание, которого старалась избежать. Хотя, я идиотка, раз могла подумать, что с таким костюмом у меня это получится. Одно неверное движение, и моя задница будет выставлена на всеобщее обозрение.

Медленно поворачиваюсь и вижу перед собой высокого парня. Мне приходится приложить много усилий, чтобы не закатить глаза.

Большинство парней на этой вечеринке в честь Хэллоуина сегодня просто противны, либо носят самые нелепые костюмы, либо ведут себя как придурки. Есть что-то такое в маскараде и слишком большом количестве выпивки в самую жуткую ночь года, что пробуждает в них худшее.

Этот парень в своём дешёвом костюме сутенёра не исключение. И разве его наряд не изжил себя ещё несколько лет назад? Сшитый из дешёвого жатого фиолетового бархата, отделанного леопардовым принтом с широким воротником и расклешёнными брюками, увенчанный подходящей шляпой. На нём зеркальные солнцезащитные очки, поэтому я не вижу его глаз, что заставляет меня подумать, что в этом парне есть нечто жуликоватое. На его лице огромная ухмылка, такая широкая и самодовольная, какая бывает у красивых улыбающихся парней.

Потому что он такой и есть. Смазливый. И он знает об этом.

О, и у него есть трость, которой он целится прямо в меня, на уровне примерно середины

бедра.

Словно он пытается приподнять подол моей юбки.

Я делаю шаг в сторону и посылаю ему свой самый злобный взгляд.

— Ты выглядишь смешно.

— А ты выглядишь чертовски сексуально, — он опускает трость и делает шаг ко мне, его уверенная усмешка идеально подходит к его ужасному костюму. Он похож на хищного сутенёра. Или как мы, обычные люди, представляем себе, как должен выглядеть хищный сутенёр.

— Как красноречиво, — цежу я, скрещивая руки на груди. Я игнорирую лёгкое шипение удовольствия, которое доставляет мне его комментарий. Мне *не должно* нравиться, что он назвал меня чертовски сексуальной. Это так грубо. Он свинья.

Парень наклоняет голову вниз и на самом деле тянется, чтобы сдвинуть очки на переносицу, чтобы... что? Разглядеть меня получше?

У него крепкие нервы.

— Отличное декольте, ангел.

У меня нет того, что составляет большое декольте, но каким-то образом он заставляет меня чувствовать себя грязной из-за низкого выреза. Должно быть, из-за тона его голоса. Или, что более вероятно, из-за похотливого взгляда, которым он меня оценивает. Неужели девушки действительно находят его поведение привлекательным? Конечно, он хорошо выглядит, насколько я могу судить, но его отношение — отвратное.

— Само собой, ты промышляешь грязными комментариями? Или ты добываешь пропитание костюмчиком? — я хлопаю ресницами, строя из себя самую невинность, как и подразумевает мой ореол.

Он снова надвигает тёмные очки, прикрывая неожиданно грозные голубые глаза. Казалось, всего минуту назад он был бесконечно доволен собой, ситуацией, в которой оказался, и я удивлена этой внезапной переменой.

— Клянусь Богом, сегодня с этим костюмом мои навыки флирта спущены в унитаз, — бормочет он.

От его грубоватой честности мне становится смешно, и он медленно улыбается в ответ.

— Новость дня: девушки не находят сутенёров настолько привлекательными. Нас с юных лет учат бежать в противоположном направлении, как только замечаем одного из них.

— Это я уже выяснил, — он потирает подбородок, обхватив его большим и указательным пальцами, и я с едва сдерживаемым восхищением наблюдаю, как двигаются эти пальцы. У него красивые руки. Широкие ладони, длинные пальцы...

— И часто ты наталкиваешься на сутенёров?

Его глубокий голос прерывает мои мысли, и я слегка качаю головой.

— Ты у меня первый.

И вот так слабая ухмылка возвращается. Внутри меня всё холодеет. Он слишком наглый, как по мне. Чересчур уверен в себе. Я уже имела дело с таким количеством подобных парней, которого мне хватит на всю жизнь.

— Что ж, позволь представиться...

— Тристан! Держись подальше от неё, — как по волшебству, рядом со мной материализуется Джейд. Я даже не слышала, как она вошла в кухню. — Серьёзно, она хорошая девушка. Я не позволю тебе дурить голову одной из моих подруг.

Я едва знаю Джейд, и мне приятно, что она так быстро бросилась на мою защиту. Мне

почти хочется обнять её, но сдерживаюсь.

Тристан — имя ему не подходит, но думаю, что костюм сутенёра мешает мне мыслить — делает шаг назад, держа руки перед собой, словно защищаясь.

— Нет вреда, нет вины, Джейд. Серьёзно, — он вылетает из кухни, прежде чем мы успеваем сказать что-нибудь ещё.

— Да уж. Это было интересно, — подаю голос, сделав ещё один большой глоток из бутылки с водой.

Джейд ставит пустую тарелку на стойку и поворачивается ко мне.

— Ты не захочешь с этим парнем.

Я приподнимаю бровь.

— Не захочу что?

— Ничего, — подчёркивает она, качая головой. — Он игрок, который переплюнет всех. И с тех пор, как Гейб начал встречаться с Люси, он стал только хуже. Такое ощущение, что он пытается компенсировать отсутствие Гейба и Шепа на рынке, трахая каждую встречную цыпочку. — Джейд вздыхает. — Он двоюродный брат Шепа и, по большей части, неплохой парень, но, когда дело касается женщин? Забудь про это. Я бы не пожелала его своему злейшему врагу.

Морщусь.

— Я не собиралась позволять ему поиметь меня. Ты видела его костюм?

Джейд покатывается со смеху.

— Я знала, что мы прекрасно поладим. Но, определённо, держись от него подальше. С ним приятно флиртовать, но не более того.

— Я запомню это, — уверяю её, наблюдая, как она снуёт по кухне.

В общем, я прячусь. Раньше я жила ради вечеринок, но больше нет. Я согласилась прийти сюда, только потому что Келли, действительно, хотела, чтобы я поехала, а я даже не знаю, где она.

Учитывая, что хотелось бы уйти до того, как вечеринка выйдет из-под контроля, мне нужно её отыскать.

И как можно скорее.

Тристан

— Кто этот ангел? — кричу на ухо Шепу.

Мы стоим на краю импровизированного танцпола, музыка такая громкая, что едва слышу свои собственные мысли. Не то, чтобы я много думал, так как мой мозг онемел от слишком большого количества алкоголя.

Друг хмуро смотрит на меня.

— О каком именно ты говоришь? Только в этой комнате их пять.

Я оглядываюсь и с удивлением вижу, что он прав. Забавно, а я заметил только одного. Высокая, худая девушка с маленькой грудью и блестящими светлыми волосами. Подруга Джейд.

От этого напоминания я аж вздрагиваю. Джейд и я... мы либо ладим, либо нет. И большую часть времени последнее. О, мы вежливы друг с другом. Иногда мы смеёмся и хорошо проводим время. Иногда она бросает на меня злобные взгляды и уводит Шепа подальше. Она считает, что я плохо на него влияю.

И она, несомненно, права.

— Вот она, — указываю на девушку, заметив, что она выходит из кухни. У неё лицо

манекенщицы, точнее, даже ангела. Изящные скулы и пухлые розовые губы, идеально очерченный нос и льдисто-голубые глаза. Одним словом — она прекрасна. Обычно мне нравятся весёлые и милые девушки, которые находят мои шутки забавными и цепляются за каждое моё слово. Хотя, разговаривая с этой конкретной девушкой, у меня было отчётливое чувство, что я показался ей каким-то посмешищем. Мой наряд не помог, но всё же...

Нет нужды говорить, что она меня заинтриговала.

— Ну... — кивает Шеп. — Я уже встречал её раньше. Вроде миленькая. Она подруга Келли.

Блин! Келли. Возможно, как-то несколько месяцев назад мы с ней случайно поцеловались. Мы оба были пьяны, и, наверное, она оттолкнула меня от себя примерно через пять минут неуклюжих, неловких объятий. Определённо, не самое приятное воспоминание.

— Как её зовут?

Я всё ещё указываю на неё, и она замечает меня, встретившись со мною глазами. Я избавился от солнечных очков, как только вышел из кухни, и сейчас хотел бы, чтобы они снова были на мне. Чтобы я мог спрятаться от её пронизывающего насквозь взгляда. Такое чувство, что цыпочка может заглянуть прямо мне в душу или что-то в этом роде, и от этого как-то не по себе.

Судя по усмешке, появившейся на её идеальных губах, ей не нравится то, что она видит.

— Не знаю. Элисон? Алексис? — он щёлкает пальцами. — Александрия!

— Так как? — я не отвожу от неё глаз. Такое ощущение, что просто не могу. О, чёрт, она идёт прямо ко мне. Выпрямляюсь, чувствуя, как алкоголь струится по венам, а голова слегка кружится. Я пьян. Она всё ещё идёт к нам, перемещаясь по комнате очень плавно, и её оперённые ангельские крылья покачиваются в такт её шагов.

Я начинаю потеть, и не только потому, что здесь чертовски жарко.

— Александрия, — Шеп приветствует её, как старого доброго друга. Странно. Никогда до этого не видел эту цыпочку. Я бы точно её запомнил. — Ты знакома с моим кузеном?

— Привет, Шеп, — она улыбается ему, и её улыбка просто ослепительна. Но как только её взгляд останавливается на мне, улыбка исчезает. — Я только что встретила Тристана на кухне с Джейд.

— Удивительно. Джейд — поклонница Тристана номер один, — Шеп хлопает меня по спине, отчего я, спотыкаясь, подаюсь вперёд. И почти сталкиваюсь с девушкой, но она делает шаг в сторону, уклоняясь с моего пути. На один короткий, мучительный миг я оказался достаточно близко, чтобы почувствовать её запах.

И, чёрт возьми, она пахнет чертовски восхитительно.

— Я слышала, — сухо отвечает она, — вы двоюродные братья?

К нам подходит девушка в костюме развратного копа — не помню, как её зовут, — с дарами. Держа в каждой руке по красному пластиковому стаканчику, она протягивает один мне, другой — Шепу.

— Похоже, вы оба не прочь выпить, — вклинивается она, слегка шепелявя.

С благодарностью беру пиво и делаю большой глоток, хлебнув, в основном, пену.

— Ой, прости, милая, — бросает распутный коп Александрии, её снисходительный тон очевиден. — Я не заметила тебя, иначе принесла бы и тебе выпить.

Брехня.

Я собираюсь поступить правильно и предложить девушке глоток моего. Или ещё лучше

— сам принесу ей напиток. Только я приоткрываю рот, собираясь стать настоящим джентльменом, как Шеп опережает меня.

— Хочешь мой? — Шеп протягивает Александрии свой стаканчик. Она берёт его, но не пьёт, а просто улыбается моему другу, словно он её герой.

Проклятье. Просто взял и всё испортил.

— Спасибо, — бормочет она, поднося стаканчик ко рту, чтобы сделать глоток. Я зачарованно смотрю, как она обхватывает розовыми губами край, откидывает голову назад и морщится, сделав глоток.

Нет ничего хуже пенного пива.

Но её влажные от напитка губы — лучшее, что я видел за весь вечер. Может, даже за месяц.

— Эй. — Шеп снова хлопает по спине, но на этот раз я удерживаюсь на месте. — Увидимся позже. Мне нужно найти свою девушку.

И, прежде чем мы успеваем сказать ещё хоть слово, Шеп уходит, а мне только и остаётся хмуро смотреть на то место, где он только что стоял. Мой кузен — абсолютный подкаблучник. Без понятия, как он выдерживает быть всё время с одной девушкой. Гейб тоже потерял с тех пор, как лишился рассудка из-за девчонки, что просто не укладывается у меня в голове. Я последний, кто ещё не сдаётся, последний истинно верующий в принцип одной ночи: поматросил и бросил.

Бред, конечно, но это правда.

— Ну, что ж, Тристан, — Развратная девушка-коп кладёт одну руку мне на грудь, а другой тянется за спину и вытаскивает пару наручников? О, блин. — Повеселимся позже?

Клянусь, я слышу смех Александрии и, повернув голову в её сторону, вижу, как она пальцами прикрывает улыбку, ладони же порочного копа скользят по моей голой груди — рубашка на мне расстёгнута практически до пупка. Я возвращаю своё внимание к ней, делая шаг назад, так что рука девушки падает.

— Я не сторонник наручников на первом свидании, — отвечаю ей.

Девушка-коп — проклятье, никак не вспомню её имени — упирает руки в бока и притворно надувает губы.

— Это не первое наше свидание.

Морщусь. Да уж. Я тот мудака, который спит с девушкой и не помнит этого. Казалось бы, я живу мечтой?

— А как насчёт того, что я вообще никогда не надеваю наручники?

— Умная тактика, — бормочет Александрия, от чего я улыбаюсь.

А развратный коп дымится от ярости.

— Тогда развлекайся со своим ангелочком, — ехидно бросает она, посылая нам обоим полный отвращения взгляд. — По крайней мере, ты знаешь: я не против перепихнуться.

Я смотрю, как она, покачивая бёдрами, уходит, маленькая чёрная юбка на ней неприлично короткая. Правильный ли выбор я сделал, позволив ей уйти? Эй, она стопроцентный вариант, в то время как Александрия выглядит так, как будто скорее даст мне по яйцам, чем ускользнёт в ванную для качественного обнажённого времяпрепровождения.

— Знаешь, ты мог бы догнать её, — предлагает она, и её насмешливый голос заставляет меня резко обернуться к ней.

— Ты о чём?

— Я видела, как в уголке твоего рта появилась слюна, — Александрия натянуто улыбается. Она что, ревнует? Не может быть. — Ты же в курсе, она согласна перепихнуться, так что...

— Она меня не интересуется, — делаю шаг ближе к ней, радуясь, что она не убегает. С такого близкого расстояния замечаю, что самый кончик её носика изящно вздёрнут. Её пухлые губы идеальной формы. Кожа безупречна. Волосы выглядят такими мягкими, что мне хочется прикоснуться к ним, а её запах...

Я хочу зарыться лицом в любое место, которое она мне позволит, и просто вдыхать его.

Она выгибает бровь.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно, — позволяю себе пройтись взглядом по ней, отмечая плавный изгиб её груди. Да, она не очень большая, но ничего страшного, узкая талия и длинные-предлинные ноги компенсируют это. Обычно меня не привлекает такой тип телосложения, но я всецело за то, чтобы изменить свои вкусы.

— Теперь, я что, должна предположить, что ты вместо этого интересуешься мной? — она держит красный стаканчик перед собой так, словно это какой-то щит, но меня этим не остановить. Я не дам ей так легко сбежать.

— Ты заметила, а? — я наклоняюсь к ней и делаю глубокий вдох, на мгновение закрыв глаза. Полевые цветы. Пьяняще и сладко. Чертовски приятно.

Когда открываю глаза, она смотрит на меня так, словно думает, что я лишился грёбаного рассудка.

— Что это ты делал?

— Ты пахнешь потрясающе, — признаюсь я ей. С ней я на сто процентов честен. Не совсем обычный для меня стиль поведения, но эта девушка — полная противоположность тем, за кем я обычно охочусь, действуя чисто инстинктивно.

— То есть, ты просто обнюхал меня.

— Ну... — мой голос срывается. Только не говорите мне, что она злится. — Да.

— Ты не в моём вкусе, — резко заявляет она.

Ауч!

— Конфетка, ты тоже не в моём вкусе, но из правил всегда есть исключения, — затем, чтобы добить, обнимаю её за талию. Стоит мне только положить руку на её бедро, как она вздрагивает. И сквозь тонкую ткань костюма чувствую тепло её кожи, тонкую нитку, которая, должно быть, резинка её трусиков.

И вот мой член оживает.

— Что ты себе позволяешь? — она вырывается из моих объятий.

— А что, по-твоему, я делаю? — снова пытаюсь обнять её, но она отмахивается свободной рукой. — Какого чёрта?

— Ты действительно думаешь, что можешь вот так запросто подкатить к какой-нибудь случайной девушке и облапать её?

Неужели она никогда раньше не была на вечеринке в университете?

— Ты не случайная. Мы уже познакомились.

Она смеётся.

— Я очень случайная. Как и ты. Мы не подходим друг другу.

— А разве нужно подходить друг другу, чтобы трахнуть? — спрашиваю скептически.

Шокированный, полный отвращения взгляд на её лице выглядит почти комично.

Почти.

— Ты полный придурок, — заявляет она, прежде чем поднять свой стаканчик с пивом и... вылить его весь мне на голову.

ГЛАВА 2

Тристан

— ... определённо, не самый приятный твой момент, приятель, — заканчивает Шеп, и они с Гейбом тут же закатываются от смеха.

Ублюдки.

Я свирепо смотрю на них. Мы в нашем логове для завтрака. Утро понедельника, ни свет, ни заря, место заполнено такими же студентами колледжа, как и мы. Мы сидим в кабинке у дальней стены, у нас у всех троих занятия начинаются в девять, так что, как правило, мы встречаемся еженедельно.

Мне повезло: они стебуются над моей задницей из-за того, что случилось на вечеринке в честь Хэллоуина.

— Всё-таки, что ты ей сказал? — интересуется Гейб, как только успокаивается. Шеп всё ещё хихикает, и, прежде чем ответить, бросаю на него злобный взгляд.

— Я сказал ей, что для того, чтобы трахнуть, нам необязательно подходить друг другу, — невозмутимо признаюсь, отчего они снова ржут. — Слушайте, вы, придурки, это не так уж и смешно.

— Зато выражение твоего лица и то, как ты злишься, чертовски забавны, — заявляет Гейб, качая головой. — С чего ты вообще заявил это такой горячей девушке, как Алекс?

— Лучше бы Люси этого не слышала, — предупреждает Шеп, толкая Гейба локтем под рёбра. Тот пожимает плечами.

— У нас с Люси прочные отношения. Именно она в моей постели каждую ночь. Ей не о чем беспокоиться.

Сдерживаюсь, чтобы не скривиться или не сказать что-нибудь грубое. Он настолько запал на Люси, что за этим почти больно наблюдать. Стоит только упомянуть её имя, как в его глазах появляется мечтательное выражение.

Он жалок.

— Я бы не назвал Александрию горячей, — бурчу я, заставляя их обоих замолчать. Они смотрят на меня так, словно я сошёл с ума. — Она... красивая.

Улыбка, медленно расплывающаяся на губах Шепа, вызывает у меня желание стереть её.

— Ой-ой. У тебя что-то с подругой Келли?

— Разве ты не целовался с Келли? — спрашивает Гейб.

Я чуть ли не рычу от разочарования.

— Один раз. Единственная моя ошибка. Это длилось всего пять минут, а потом мы очень быстро поняли, что это не ведёт ни к чему, кроме сожаления.

— И ты думаешь, что мы драматизируем, — Шеп закатывает глаза. — Это ты целуешься с лучшей подругой Джейд, а её новая подруга выливает тебе на голову пиво.

— Мы с Келли целовались несколько *месяцев* назад, — подчёркиваю я. — Я едва это помню. Это ничего не значило.

Действительно, так оно и было. В этом плане я не заинтересован в Келли. Чёрт, какое-то время она засматривалась на Гейба. Девушка практически крутилась вокруг него, после того как её бросил бывший парень-неудачник.

Прекрасный пример того, почему отношения — отстой. Они никогда не заканчиваются

хорошо, а когда заканчиваются? Кто-то — или оба — в конечном счёте становятся неуправляемыми.

— Ты пытался подцепить Алекс? — спрашивает Гейб.

— Алекс или Александрию? — не знаю, нравится ли мне думать о ней как об Алекс.

Это какое-то мужское имя. А она совсем не напоминает парня.

Гейб пожимает плечами, в то время как Шеп объясняет:

— Обычно она откликается на Алекс. Так мне сказала Джейд.

— Ты её знаешь? — смотрю на Гейба.

— Перебросился парой слов с ней вчера вечером, — он ухмыляется. — После инцидента с пивным душем.

Предатель. Хочется спросить, говорила ли она что-нибудь обо мне, но я держу рот на замке.

— Она спросила, в чём твоя проблема, — добавляет Гейб.

Значит, она говорила обо мне. Ничего не могу поделаться, я в восторге. Больше он ничего не говорит, и я тоже. Мы все трое набиваем рты едой, а потом пьём кофе маленькими глотками. Шеп выпивает стакан ледяной воды, и мы по-прежнему молчим.

Наконец, я больше не могу этого выносить.

— Что ты ей наплёл?

Гейб вытирает рот салфеткой.

— Я поведал ей, что ты похотливый кобель с большой буквы «П» и «К» и что ей следует держаться от тебя подальше.

Супер.

— Ты выставил меня полным засранцем.

— Ты и *есть* засранец, — друг указывает на меня. — Я не собираюсь бесить девочек, позволяя тебе заманить одну из их подруг в твою временную ловушку. Джейд и Люси — обе сказали, что она довольно милая. Келли упомянула, что Алекс мало говорит о себе и кажется одинокой, но она ей нравится. Они хотят взять её под своё крыло. Так что тебе не разрешается прикасаться ни к одной девушке в пределах стада.

— Я уже прикасался к Келли, — указываю я.

— И посмотри, что из этого вышло.

Молчу, потому что Гейб прав. Поцелуй с Келли был ошибкой. К счастью, она считала так же, и наши отношения из-за этого не стали странными.

— Это превратится в ситуацию «я-хочу-то-что-не-могу-иметь».

Вероятно, мне не следовало признаваться в этом, но, что сделано, то сделано. В моём словарном запасе нет такого слова, как отрицание. Они намекают мне, что Александрия под запретом? Этим они заставляют меня только ещё больше хотеть её, даже несмотря на инцидент с пивом, несмотря на её отвращение ко мне и к глупостям, которые я наговорил. Я ни о чём не жалею, но что такого я сказал Александрии, что она вылила мне на голову своё тёплое пенистое пиво?

Мне жаль, что так вышло. Это было жестоко и холодно, но не могу винить её за сделанное.

Гейб и Шеп обмениваются взглядами, прежде чем переключить своё внимание на меня.

— Мы в курсе, каково это, — медленно произносит Шеп.

— Точно, — фыркаю я, делая ещё один глоток всё ещё горячего кофе.

— Именно так я себя и чувствовал, когда начал влюбляться в Джейд, — добавляет Шеп.

У меня пропадает аппетит. Вот так просто.

— Я слишком долго отказывался бегать за Люси, — говорит Гейб, качая головой. — Мы играли в кошки-мышки. Я так хотел её, что это сводило меня с ума.

Последнее, что хотелось услышать. Отталкиваю от себя тарелку.

— С меня хватит.

В любое другое время было бы забавно видеть одинаково скептическое выражение на их лицах. Но не сейчас. Ничего из того дерьма, которым они делятся, не смешно.

— Но ты же почти ничего не съел, — замечает Шеп. Блин, такое ощущение, что я слышу свою мать.

— Потерял аппетит, — бормочу я, бросая салфетку на тарелку. — Мне пора. Увидимся позже, парни?

— Да, — соглашаются они оба, когда я выскальзываю из кабинки и покидаю закусочную.

Как только выхожу на улицу, мне в лицо ударяет холодный ноябрьский воздух, напоминая, что зима, действительно, не за горами. Насколько возможно, кутаюсь в толстовку и спешу через кампус, направляясь в аудиторию. Девушки улыбаются и кивают мне, когда я прохожу мимо, и я делаю то же самое в ответ. Моя репутация следует за мной повсюду, куда бы я ни пошёл, и обычно я в восторге. Я распускаю хвост, как грёбаный павлин, желая, чтобы девушки слетались ко мне. Все они говорят одно и то же, снова и снова.

Он гуляка. У него большой член. Он хорош в постели. Он бог секса. Он очаровашка. Он забавный.

Это, что касается хорошего. Но также они говорят и другое.

Он эгоист. Он использует девушек, как туалетную бумагу. У него нет сердца. Он аморален. Он слишком много пьёт. Он использует девушек и отбрасывает их в сторону.

Меня охватывает стыд, но я мысленно прогоняю его прочь. Я студент. Если хочу быть эгоистом и трахаться направо и налево, то имею на это полное право. Меня не должно волновать, что думают другие люди, особенно ревнивые, мстительные девушки, которые злятся на меня за то, что не был с ними достаточно долго, чтобы захотеть остаться.

Мой взгляд цепляется за блондинку впереди, я замедляю шаги, рассматривая её. Она тонкая и гибкая, совсем как Александрия. Её волосы струятся по спине, переливаясь медово-золотистыми нитями на утреннем солнце, и, клянусь Богом, моё сердце учащённо бьётся, когда я думаю, что это может быть она.

Но, когда у следующего здания она поворачивает налево, разочарование грозит поглотить меня. Это не Александрия. Моя реакция на такую возможность была чересчур бурной.

Что чертовски пугает.

Алекс

— Можно спросить кое о чём? — наклонив голову, дёргаю воображаемую нитку на внутреннем шве моих джинсов. Чувствую себя очень глупо, спрашивая про это, но слова вертелись у меня на языке с вечера вечеринки. Я просто не знала, как подступиться к данному вопросу. Как подойти к ней.

— Давай, — Келли замолкает, и я поднимаю глаза, встречаясь с ней взглядом. — Речь ведь не о последней главе, да? Потому что я вообще не врубаюсь в новую формулу. — она вздыхает и откидывается на спинку сиденья. — Я завалю этот дурацкий предмет, абсолютно

уверена.

Мы сидим в библиотеке, спрятанной на четвёртом этаже, на столе перед нами разложены книги по статистике. Мы пока не знаем, что, чёрт возьми, делаем, но продолжаем с трудом продираться. В конце недели у нас тест, и очевидно, что Келли нервничает из-за этого.

Как и я. Но ещё больше я боюсь спросить у неё о том, что у меня на уме. Надеюсь, она не возненавидит меня за это.

— Да, дело не в главе, — морщась, машу рукой на наши книги. Господи, ненавижу математику. — Речь идёт о... Тристане Прескотте.

Теперь я полностью завладела вниманием Келли. Её глаза сужаются, а губы кривятся в озорной улыбке, от которой у меня сжимается желудок.

— Что ты хочешь знать?

С трудом сглатываю, в горле пересохло. Я говорила сама себе, что не хочу ничего знать. Он так разозлил меня, когда сделал едкое замечание вскользь в субботу вечером. Кто вообще говорит такое?

А разве нужно подходить друг другу, чтобы трахнуть?

Как подумаю об этом, тут же закипаю.

— Вы двое когда-нибудь были... вместе? — мои слова звучат робко, неуверенно, и мне хочется дать себе пощёчину. Прежняя Алекс никогда бы не стала колебаться, задавая подруге вопрос о парне. Я всегда была решительной. Временами даже чересчур. Я ко всему относилась очень наплевательски, и не раз из-за этого нарывалась на неприятности.

Но сейчас я зажата. Сдержанная. Скрытная. Не хочу, чтобы люди пытались узнать меня. Лучше сказать им то, что они хотят знать, или вообще ничего не говорить?

А посему, им не стоит ничего знать.

Келли — другое дело. В некотором роде. Её подруги Джейд и Люси? Они мне тоже нравятся, но я знаю их ещё недостаточно хорошо, чтобы начать откровенничать.

Так что держу свой рот на замке. Пока что.

Келли хихикает и качает головой.

— Никто никогда не бывает «вместе» с Тристаном. Он развлекается с девушками, но никогда не встречается с ними.

Ну, конечно же. Его замечание становится более понятным. Надеюсь, его волосы — его густые, тёмно-каштановые, мягкие на вид волосы — всё ещё пахнут пивом.

— Тогда вы двое... — я машу рукой, чувствуя себя полной дурой. Так не хочется произносить эти слова вслух. Это могло бы сделать их реальными. Потому что, если Келли когда-нибудь... тьфу, трахалась с Тристаном Прескоттом, тогда надо просто забыть.

Забывать. Его.

— Нет. Никогда, — Келли машет рукой так же, как я только что. — Дело вот в чём. Как-то вечером я была в отчаянии из-за того, что мой парень порвал со мной. Тристан флиртовал со мной всю ночь, пытаюсь заставить меня почувствовать себя лучше. Мы выпили. Хорошо выпили. Я повисла на нём, и в следующее мгновение он уже целовал меня.

Я жду продолжения, но она молчит. Просто возобновляет работу над домашним заданием, в тишине нашей секции библиотеки скрежет от карандаша по бумаге звучит раздражающе громко.

— И это всё? — спрашиваю, когда больше нет сил терпеть.

Келли смеётся и поворачивается ко мне.

— А что ещё можно сказать? Поцелуй был... ужасным. Неловкий и странный, и мы быстро пришли к выводу, что лучше нам быть просто друзьями.

— Он плохо целуется? — я хмурюсь. У него красивые губы. И ещё лучше, когда он держит их закрытыми, потому что, боже, он говорит просто отвратительные вещи.

— Нет, просто... это было неправильно. Не было ни искры, ни химии. Словно поцелуй с братом. — она театрально вздрагивает, чтобы подчеркнуть это.

У меня же нет никаких братских чувств к Тристану Прескотту. Лёгкое раздражение — да. Удовольствие — и оно тоже. Безумный гнев — о, да, который охватил меня, стоило ему отпустить тот грёбаный комментарий.

Но больше я не злюсь. Я бы не прочь с ним поговорить. Узнать его поближе.

Он последний человек, с которым стоит знакомиться. Он такой же засранец, как и все остальные, с кем ты встречалась в прошлом. Тебе не нужен ещё один богатый, надменный придурок, указывающий тебе, что делать.

Выпрямившись, подтягиваю книгу к себе, готовая сосредоточиться на том, что действительно нужно сделать — на домашнем задании.

— Почему ты спрашиваешь о нём? — я смотрю на Келли, а она на меня. — Он тебе понравился?

— Нет, — твёрдо отвечаю я. Честно. Маленькая ободряющая речь в моей голове сделала своё дело. — Он симпатичный. Но не в моём вкусе.

— Раньше это никого не останавливало, — сухо замечает она.

Поднимаю глаза и встречаюсь с ней взглядом.

— Я сыта по горло дерзкими богатыми парнями, — отвечаю я ей. — Он из тех, кто только болтает и ничего не делает.

Келли смеётся так громко, что тут же зажимает рот рукой.

— Он много говорит и делает, — уверяет она, как только опускает руку. — По крайней мере, я так слышала.

Да уж. Мне не нужно это слышать. Не помогает и то, что у меня не было секса, кажется, целую вечность. Когда вокруг тебя всё рушится, как-то забываешь об удовлетворении своих потребностей. Не то, чтобы какой-то парень, которого я знала до крушения жизни моей семьи, прикоснулся бы ко мне после всего, что случилось. Я быстро стала парией¹ заодно с родителями.

Спасибо вам, мама и папа.

— Ты ни с кем не встречаешься на данный момент? — интересуется Келли спустя какое-то время обоюдного молчания.

Я так сильно прижимаю карандаш к бумаге, что графитовый кончик ломается.

— Я пытаюсь сосредоточиться на учёбе.

— Мы все так говорим, когда нечем похвастаться, — пристально смотрю на неё, и она показывает мне язык, чем смешит меня. — Тебе стоит составить мне компанию завтра и развеяться. Запойный вторник.

— Разве это не должен быть четверг? — спрашиваю я.

— Завтра вторник, — медленно произносит она, как будто я не понимаю. — А в моём любимом баре запойные и вторник, и четверг. Двойной удар. — её лицо проясняется. — Сегодня Дамский вечер. Мы должны пойти.

— Уже так поздно... — мой голос срывается. Я так ждала, когда вечером свернусь в своей постели калачиком и посмотрю старые эпизоды «Друзей» на Netflix. Или, может,

«Секс в большом городе».

— Ты что, старушенция? Пойдём. — и подталкивает меня локтем.

— Да, пойдёмте. Ночь для девушек — самая крутая.

Глубокий мужской голос заставляет нас обеих одновременно вскинуть головы. У меня сердце в пятки уходит, но стоит увидеть, кто это, как оно начинает колотиться.

Тристан Прескотт.

— Ты заболел? Что ты здесь делаешь? — спрашивает Келли скептически.

— Мне нужно написать работу. И предполагается, что я должен включить в список использованной литературы настоящую печатную книгу, — он показывает книгу. — Профессор пытается научить нас ценить жизнь без интернета.

Келли фыркает.

— Как бы не так. Забавно, что ты здесь оказался. Мы с Алекс только что говорили о тебе.

Я пинаю её ногой под столом. Сильно. Она бормочет проклятия и посылает мне свирепый взгляд, в то время как я безмятежно улыбаюсь Тристану, который откровенно на меня пялится.

Под его пристальным взглядом мне становится жарко, и в ответ я точно так же откровенно разглядываю его. На нём джинсы и тёмно-синяя толстовка с капюшоном. Волосы взлохмачены ветром, а челюсть покрыта щетиной. Всё в нём буквально кричит о сексуальности. Мои же чёрный оверсайз-свитер и потрёпанные джинсы не кричат о сексуальности. Скорее, они кричат, что мне всё равно. Ну, и небрежный пучок на голове и отсутствие макияжа тоже кричат, что мне на всё плевать.

Супер.

— Так значит, говорили обо мне, да? — он улыбается, при этом смотрит на меня. — Звучит многообещающе.

— Она хотела знать, были ли мы когда-нибудь...

Я снова пинаю Келли, и на этот раз она ругается. Громко.

— Чёрт, Алекс, больно же.

— Заткнись, — шикаю я.

Тристан начинает смеяться.

— Это была ошибка, — объясняет он мне, не отводя взгляда. — Поцелуй. Без обид, Кел.

— Я и не обижаюсь, — быстро соглашается она.

— Тебе стоит сходить куда-нибудь сегодня вечером, — говорит он, засовывая руки в карманы. — Я угощаю.

— Выпивка за полцены, — вставляет Келли. — Поэтому-то он и предлагает.

— Думаю, мне не стоит идти, — указываю дрожащей рукой на сборник по статистике. — Я ещё не скоро закончу.

— Я помогу тебе, — он отодвигает ближайший ко мне стул и устраивается поудобнее, затем подтягивает к себе книгу. — У меня был этот предмет.

— Ты завалил его? — злорадствует Келли.

— Я получил «А»², — отвечает он легко, выхватывая бумагу из моих рук и просматривая её, прежде чем поднять на меня взгляд. — Я могу вам помочь. Обeim, — добавляет он.

— Было бы здорово, — выпаливает Келли, придвигая стул поближе. — Мы с Алекс окончательно запутались.

— Ты не возражаешь? — спрашивает он меня тихим голосом.

Я смотрю в его голубые глаза, на серьёзное выражение его лица. Он пытается заглядывать свой предыдущий промах на вечеринке? Помочь мне с этим дерьмовым предметом было бы здорово, но смогу ли я сосредоточиться, когда он сидит так близко? А что, если он и дальше захочет помогать нам? Я имею в виду, с чего бы ему хотеть мучить себя статистикой. Может быть, он какой-то чокнутый, который действительно любит математику.

— Я не против, — наконец, соглашаюсь тихим голосом. — Нам действительно нужна помощь. — особо подчеркиваю «нам».

— Я был бы рад помочь, — говорит Тристан. — Но после ты должна пойти с нами на Дамский вечер.

— Ему нравится подкатывать ко всем дамам, — вставляет Келли.

— Заткнись, Кел, — рычит Тристан. — Что скажешь, Александрия?

Мне нравится, как он произносит моё полное имя. Мне нравится, как он на меня смотрит. Но это неправильно. Мне стоило бы послать его, чтобы он свалил отсюда. Но мне нужна помощь с этим дурацким предметом...

— Ладно, — я облизываю губы, замечая, как его глаза следят за каждым моим движением. Сжав бёдра вместе, наклоняюсь вперёд и сосредотачиваюсь на раскрытом учебнике. — Но никаких обещаний, пока не объяснишь мне всё вплоть до последней формулы. Я на самом деле не понимаю.

— Я научу тебя, — уверенно произносит он. — Я хорошо разбираюсь в математике, особенно в статистике.

Он один из этих математических чудаков. Брр.

— Уверена, ты мог бы многому меня научить, — саркастически бросаю я, явно крадя его реплику. Некоторые из парней уже раз или два укоряли меня в этом.

— Мог бы, — его губы изгибаются в едва заметной улыбке, и моё сердце трепещет. — Повторяй за мной.

ГЛАВА 3

Алекс

Каким-то образом я смогла сосредоточиться, пока Тристан читал главу, на которой мы с Келли застряли. После того, как он разложил по полочкам несколько примеров, показывая нам шаг за шагом, как получить ответ, кажется, я, действительно, всё поняла. Пока я решала одно задание самостоятельно — Келли всё это время была слишком занята перепиской с кем-то, вместо того чтобы потрудиться и на самом деле попытаться разобраться — он коснулся меня, когда увидел правильный ответ.

— Молодец, — похвалил он и на короткое и волнующее мгновение накрыл своей рукой мою. От этого быстрого прикосновения у меня чуть не случился сердечный приступ.

Знаю: это глупо.

Как только мы закончили домашнее задание, я сбежала, пообещав Келли и Тристану встретиться с ними в баре «Преимущество», расположенном недалеко от кампуса. Никогда там не была. С момента моего приезда в Сент-Огастин, я не высывалась и была сосредоточена только на учёбе. Универ, домашние задания, дом. Несмотря на финансовый крах, разрушивший мою семью, у меня был траст, предназначенный для моего образования, которого никто не мог коснуться благодаря моей бабушке.

Но деньги утекают. Высшее образование стоит дорого, а первые два года я училась в частном колледже. Я перевелась в государственный университет, нашла дом, который делю

с тремя другими соседками, и через сайты реализации люксовых вещей тайно продаю свои дизайнерские сумочки. На этом я зарабатываю кучу денег. У меня много сумок от Луи Виттона и Шанель. Дизайнерской одежды и обуви тоже хватает, но кое-чем из этого я дорожу.

Даже не знаю зачем. Не то, чтобы мне было где носить эти вещи. Мне довольно трудно определиться, в чём пойти в бар. Не хотелось бы, чтобы Тристан подумал, будто я пытаюсь произвести на него впечатление, но и жуткой неряхой выглядеть тоже не хочется.

Поэтому выбираю самые обтягивающие джинсы и облегающий чёрный свитер, а также чёрные кожаные сапоги до колен, купленные в «Саксе» во время похода по магазинам с мамой.

Пока я вертелась перед зеркалом в полный рост, которое купила по дешёвке в «Уолмарте», меня переполняла тоска. Я скучаю по ней. И по папе тоже. Несмотря на то, какими ужасными они были для меня в конце. Когда всё только пошло наперекосяк, я отчаянно мечтала о брате или сестре. Чтобы хоть кто-то разделил со мной это бремя.

А теперь всё это в прошлом. Никому бы не пожелала того, через что я прошла.

В бар я иду пешком, так как это недалеко от моего дома, и, конечно, первый человек, которого вижу, это Тристан, стоящий снаружи на крыльце, его рука сложена чашечкой вокруг рта, он прикуривает сигарету.

Фу.

— Ты куришь? — приветствую я, поднимаясь по ступенькам. Я, вроде как, зла.

И разочарована. В смысле, он, действительно, курит? Как... мерзко.

Как будто, мне не всё равно.

Он гасит зажигалку и засовывает её в карман, сигарета свисает из его чувственного рта. Я бы не сказала, что курение сексапильно. Абсолютно нет. Но, стоя на улице с развевающимися на ветру волосами, одетый в серую тёплую рубашку с длинными рукавами и джинсы, он похож на по-настоящему плохого парня. Он без куртки. Ткань облегает его плечи и грудь почти любовно, и мой взгляд задерживается на его торсе слишком долго.

— Ты одна? — похоже, Тристан так же зол, как и я. — Мне не нравится это.

От его тона моя спина деревенеет.

— Я живу буквально в трёх кварталах отсюда, — указываю в том направлении, откуда пришла, прежде чем снова повернуться к нему лицом. Он втягивает сигарету так, словно от этого зависит его жизнь, и выпускает дым из уголка рта, прежде чем снова затянуться.

— Не важно, — отвечает он, вытаскивая изо рта раковую палочку. — Такая красивая девушка как ты не должна ходить одна.

— Я не беззащитная, — возражаю ему, уперев руки в бока. Он раздражающе сексуален. Его беспокойство о моей безопасности не должно заставлять меня чувствовать себя защищённой. Скорее, я должна злиться из-за того, что он считает меня беспомощной.

— А я и не утверждал этого, — Тристан вдыхает так сильно, что, клянусь, я слышу, как шелестит бумага горящей сигареты. Да уж.

— Ты в порядке? — вглядываюсь в него, замечая его волнение.

— Я курю, только когда нервничаю, — он одаривает меня мимолетной улыбкой, вытаскивает сигарету изо рта, отщипывает пальцами горящий кончик и бросает в ближайший мусорный контейнер. — Готова зайти?

Умираю от желания спросить, почему он нервничает, но, не утруждая себя протестами, вхожу в бар, а он придерживает для меня дверь. Тристан идёт прямо за мной, касаясь рукой

моей поясицы, ведя меня через переполненный бар. Его пальцы, кажется, прожигают ткань моего тонкого свитера, и мне хочется стряхнуть их, но это было бы грубо. Вместо этого я поворачиваюсь к нему лицом, его рука скользит по моему боку и животу, вызывая дрожь в моём теле.

— Г-где Келли? — спрашиваю дрожащим голосом.

Тристан наклоняется ближе, его губы приоткрыты. Я вижу, как у него во рту мелькает белая квадратная мятная конфета, и мне интересно, когда он её вытащил.

— Что ты сказала? Я тебя не слышу, — его губы у самого моего уха, так близко, что чувствую его тёплое дыхание.

Кто-то проходит мимо нас, толкая меня прямо на Тристана, и мы сталкиваемся, я скидываю руку и упираюсь ему в грудь. Его сердце под моей ладонью бьётся ровно и быстро, я смотрю на него, и, без сомнения, в моём взгляде он замечает проблеск изумления и удивления.

— Я спросила, где Келли, — кричу ему.

Он улыбается. Боже, он такой сексуальный. И привлекательный. Пугающе привлекательный. От него слегка пахнет мылом, воздухом и сигаретным дымом. Как бы удивительно ни звучало, это опьяняющее сочетание. Каким-то образом его рука вновь оказывается на моей поясице, пальцы растопырены, ладонь крепко прижата. Я пытаюсь отойти, но идти больше некуда, если только не хочу врезаться прямо в его грудь.

Это явно та ситуация, где нет ни победителей, ни проигравших.

— Она написала мне, что опаздывает, но скоро будет, — Тристан опускает голову, его рот снова у моего уха, и клянусь, что чувствую, как его губы касаются моей кожи. — Она тебя не предупреждала?

Я убираю руку с его груди и достаю телефон из заднего кармана джинсов. Да, есть сообщение от Келли, в котором она просит прощения и пишет, что опаздывает.

Оставив меня наедине с Тристаном, ей придётся сделать нечто большее, чем попросить прощения.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — спрашивает он и я киваю. — А что будешь?

— Удиви меня, — отвечаю, крича так, чтобы меня было слышно сквозь толпу.

Он убирает руку с моей спины и начинает уходить, но я останавливаю его, обхватив пальцами его толстое запястье. Он поворачивается и смотрит на меня с удивлением, его взгляд опускается туда, где я касаюсь его, прежде чем вернуться к моему.

— Только не отравляй мой напиток, — предупреждаю его, чувствуя себя глупо, произнося эти слова вслух. Не то, чтобы я думала, что он так поступит, но я его совсем не знаю. И по кампусу ходит достаточно историй о том, как парни пользуются девушками, подсыпав что-то в их напитки без их ведома, не говоря уже об историях по всей стране на эту же тему.

Тристан переворачивает руку запястьем вверх и сжимает пальцы, так что у меня нет выбора, кроме как смотреть, как моя рука скользит в его.

— Я бы никогда так с тобой не поступил, — высокомерно кричит он.

Я не представляла, что кто-то действительно может кричать так высокомерно, но Тристан только что доказал, что он может.

— Спасибо, — отвечаю я, выдёргивая руку, и он отпускает её.

— Оставайся здесь, — приказывает он, прежде чем повернуться и направиться к бару.

Я провожаю его взглядом, замечая поблизости девушек, которые тоже наблюдают за

ним. Он останавливается и разговаривает с одной из них, потом с другой, потом с группой парней, которые выкрикивают его имя, когда он приближается, и я понимаю, что Тристан чрезвычайно популярен. Все его знают, и он приветствует их так, словно они дружат всю жизнь. Он притягивает людей, как девушек, так и парней, как будто его магнетизм просто нельзя сдержать.

К нему подходит симпатичная брюнетка с длинными волосами, струящимися волнами, которые выглядят прямо как из рекламы шампуня. Она обнимает его за шею, прижимается всем телом и целует прямо в губы.

И он тоже не отстраняется от неё.

Я сжимаю руки в кулаки, наблюдая за ними, изо всех сил пытаюсь бороться с волнами ревности, охватившими меня. Меня не должно это волновать. Я здесь не ради Тристана и не для того, чтобы произвести на него впечатление. Он не для меня. С меня хватит токсичных отношений, которые у меня были, на всю оставшуюся жизнь. Не стоит добавлять ещё одни.

— И кто эта чёртова брюнетка?

Узнаю голос Келли и чуть не плачу от облегчения, когда понимаю, что она стоит рядом со мной. На секунду я испугалась, что мне только показалось, как она это сказала.

— Без понятия, — отвечаю я, не отрывая взгляда от Тристана и девушки. Она всё ещё целует его, и этот ублюдок позволяет. — Она просто вцепилась в него и не отпускает.

— Пустая трата моего времени, — бормочет она, качая головой. — А теперь я должна получить своё пиво.

— Ты о чём? — поворачиваюсь и смотрю на неё.

— О, ты ещё не догадалась? Тристан попросил меня появиться минут через пятнадцать после вас. — в шоке у меня открывается рот, а она ухмыляется. — Я же предупреждала — он мудака. Наверное, он верил, что сможет убедить тебя снять трусики меньше чем за пятнадцать минут. Не знаю, говорит ли это о его экстраординарных навыках убеждения или о том, что он основательно планировал заставить тебя снять трусики менее чем за пятнадцать минут, поэтому не уверена, следует тебе оскорбляться или нет.

— Ты серьёзно? — я смотрю на Тристана ещё раз — никаких сомнений, брюнетка вонзила в него свои когти, так как она всё ещё крепко сжимает его — и моё зрение затуманивается. В глазах красная пелена.

Боже, прямо сейчас я бы придушила его голыми руками. Парень чертовски самонадеян.

— Как сердечный приступ. Он хочет тебя. Я уже видела его в действии. Стоит ему только положить глаз на девушку, и он сделает всё, чтобы заполучить её.

— Ну, судя по всему, он даже не собирается. Ну и ладно! — добавляю я, когда она просто смотрит на меня своими полными сомнения глазами. — Что? Я серьёзно! Он меня не интересуется в этом плане.

Признание Келли только что излечило меня от этой конкретной проблемы, большое спасибо.

Тристан

Эта девушка словно осьминог. Она не может держать свои чёртовы руки подальше от меня.

— Лейла, пожалуйста. Прекрати.

Похоже, она не собирается останавливаться. Даже наоборот, она ещё сильнее прижимается ко мне, обнимая за шею. Она улыбается, хотя, клянусь, её глаза вот-вот закатятся. Она в стельку пьяна.

Самый последний тип людей, с которыми мне следовало бы тусоваться. Не говоря уже о том, что, расплющив сиськи о мою грудь и пытаясь трахнуть мой вялый член, она абсолютно меня не возбуждает.

— Отведи меня в ванную, Трис, — шепчет она, опасно приблизив свои губы к моим. Они покрашены тёмно-красной помадой, которая выглядит не сексуально, а просто пугающе. Хэллоуин был несколько дней назад. Девушке стоит снять костюмчик. — Давай я сделаю тебе минет.

М-да. Нет ничего лучше недвусмысленного предложения, чтобы сделать ночь намного интереснее, хотя я и не принимаю её предложение.

— Пожалуй, не стоит, — начинаю я, кладя руки ей на бёдра, чтобы оттолкнуть.

Она ещё крепче вцепляется в мои волосы, дёргая их так сильно, что становится больно.

— Да ладно тебе. Тебе же понравилось, когда я в прошлый раз сосала твой член, — она облизывает губы, тёмная помада блестит в тусклом свете бара. Я даже не помню, когда она в последний раз сосала мой член. Чёрт, она может лгать, кто её знает. — Слушай, тебе же нравится, когда я глубоко заглатываю тебя.

Наверное, она думает, что её слова меня заводят. Она ошибается.

— Не сегодня, — твёрдо говорю я, хватая её за бёдра и отстраняя от себя. Её руки падают с моей шеи, разочарование на её лице совершенно очевидно. Она выглядит подавленной. — Хотя, мне всегда приятно такое предложение, — заканчиваю, чтобы смягчить удар.

Лейла сердито смотрит на меня.

— Ты лишаешь себя чего-то потрясающего.

— Это шанс, который я не могу упустить, — бормочу я, оглядывая комнату в поисках Александрии. Я нигде не вижу её. Определённо, не там, где оставил её. Чёрт, знал же, что оставить её одну было ошибкой. Наверняка, какой-нибудь другой придурок приметил её.

— Ты даже не смотришь на меня, — она хватается за рубашку и тянет, заставляя сердито посмотреть на неё. — Ну и мудака же ты.

— Ты только сейчас это поняла? — приподнимаю бровь.

Она с неожиданной силой толкает меня в грудь, отчего я делаю несколько шагов назад.

— Надеюсь, твой член отвалится, — бросает она, прежде чем уйти.

Я слышу женский смех позади себя и вздрагиваю в предвкушении того, что, когда повернусь, увижу стоящую там Александрию, но это не она.

Это чёртова Келли.

— Bravo, — восклицает она, медленно хлопая в ладоши. — Ты сегодня лажаешь на каждом шагу, а я только пришла.

Игнорирую её замечание.

— Где Александрия?

Келли скрещивает руки на груди.

— Почему ты зовешь её Александрией? Её зовут Алекс.

— Это мужское имя, — морщусь я. — А она далеко не мужчина.

Келли смеётся.

— Согласна. А ещё она злится на тебя за то, что ты её обманул.

— Я её не обманывал.

— Я рассказала ей, что ты просил меня задержаться на пятнадцать минут после её появления.

Блин. Зашибись.

— Зачем ты это сделала? — сегодня всё идёт наперекосяк. — Думал, мы друзья.

— Я приехала немного раньше, а на улице так холодно, что я не захотела больше ждать и зашла. Я была права, что вы двое меня не увидите, учитывая, как здесь тесно, — она пожимает плечами. — И сразу же увидела Алекс, совсем одну. Потом я увидела тебя с какой-то горячей цыпочкой, которая пыталась облизнуть всё твоё лицо. Излишне говорить, что я решила: твои возможные отношения с Алекс пошли коту под хвост.

— Дерьмо, — цежу я, проводя рукой по волосам. — Где она?

— Болтает с каким-то парнем, — Келли кивает в ту сторону, где, могу только предполагать, стоит Александрия. Я резко поворачиваю голову вправо и сразу же замечаю её. Чёрт возьми, какая же она красивая. Она оживленно разговаривает с каким-то коротышкой, и, когда она откидывает голову назад и смеётся, я чувствую боль в груди.

Где-то рядом с моим ледяным сердцем.

Твою мать. Я хотел бы услышать её смех, увидеть улыбку, которая изгибает её губы, адресованную мне.

— Даже не думай об этом, — бормочет Келли, хватая меня за руку и останавливая. — Она в бешенстве. Ты позволил той цыпочке измочалить себя.

— У меня не было выбора. Она просто вцепилась в меня, — возражаю я, выдёргивая свою руку из её хватки. — Мне нужно извиниться.

— Тебе? Извиниться? — Келли качает головой. — Ты никогда не извиняешься.

— Всё когда-нибудь бывает в первый раз, — отвечаю, отходя от неё и направляясь прямо туда, где Александрия болтает с тем чуваком. Он едва ли выше её, с коротко подстриженными тёмными волосами и тёмными глазами, с широкой улыбкой на лице, за которую я не могу его винить, потому что, чёрт возьми, да. Он разговаривает с самой горячей девушкой во всём баре. Естественно, он лыбится от уха до уха. Я бы делал то же самое.

— Привет, — вмешиваюсь я, останавливаясь рядом с Александрией. Она бросает на меня испепеляющий взгляд, прежде чем снова обратить внимание на коротышку, словно я какой-то раздражающий жук, жужжащий ей в ухо. — Ты бросила меня.

Коротышка смотрит на меня с любопытством, но при этом не произносит ни слова.

— Это ты целовался с другой девушкой, — она улыбается, но натянуто. Зубов тоже не видно, только слегка приподнятые уголки губ. — Где мой напиток?

— Я принесу тебе выпить, — подаёт голос коротышка со всё ещё не исчезающей улыбкой на лице. Он поворачивается ко мне и протягивает руку. — Привет. Я Стивен.

— Тристан, — коротко пожимаю ему руку. Достаточно дружелюбный парень, хотя я ненавижу его за то, что он завладел всем вниманием Александрии. — Ты всё ещё чего-то хочешь? — спрашиваю её. Мне хочется сказать ей, что я сожалею о Лейле, но не сейчас, когда рядом Стивен.

Александрия качает головой, улыбаясь Стивену по-настоящему, с зубами и всем остальным.

— Думаю, Стивен мне принесёт, — она даже не смотрит в мою сторону.

Гнев бурлит в моих венах, и я делаю глубокий вдох. Всё понятно. Я ради этой девушки отказываюсь от предложения минета, а она посылает меня лесом. Женщины. Все они одинаковые.

Чертовски раздражают...

— Да пофиг, — цежу я, прежде чем повернуться и уйти. Я отказываюсь оглядываться назад. Если Александрия заинтересована во мне, пусть сама и бежит за мной. Хотя сомневаюсь, что она это сделает. Я дважды выводил её из себя. Держу пари — третьего шанса она не даст.

— Приятно было познакомиться, — кричит мне вслед Стивен.

Меня так и подмывает отшвырнуть его, но держу себя в руках. Он просто старается быть вежливым, я же понятия не имею, каково это. Меня очень трудно назвать милым. Шеп терпит меня, потому что мы родственники, а Гейб держится рядом, потому что они с Шепом лучшие друзья. Большую часть времени я — третий лишний.

Теперь же, когда у них появились подружки, стало ещё хуже. Господи, я с трудом выношу их присутствие. Я с трудом выношу, когда рядом вообще кто-то есть.

Единственный человек, который меня интригует, — Александрия. И большую часть времени она ведёт себя так, будто ненавидит меня.

Я в безвыходной ситуации.

Решив, что лучше зализывать раны в одиночестве, толкаю входную дверь бара и выхожу в холодную ночь, закурываю ещё одну сигарету и направляюсь к машине. Мне это дерьмо не нужно.

Мне никто не нужен.

ГЛАВА 4

Алекс

Захожу в крошечный офис мини-хранилища и улыбаюсь Бетти, которая по телефону даёт данные, какие есть по размерам хранилища и ежемесячные тарифы на них. Она управляет этим местом вместе со своим мужем Дэрилом, и они всегда добры ко мне. Бетти даёт мне советы; например, когда лучше заскочить сюда и покопаться в своих вещах.

— Приходить сюда ночью — плохая идея, — хмуро сказала она, застав меня как-то на закате, роющейся в своём отсеке. — В это время здесь околачиваются сомнительные личности, надеясь прокрасться и пожить чем-нибудь. Нужно быть начеку.

Я прислушалась к её совету, хотя и нашла термин «сомнительные личности» довольно забавным. Так можно было бы описать моих родителей, учитывая то, что они сделали. Не то, чтобы я когда-нибудь ей об этом расскажу.

Бетти и бровью не ведёт, что я прихожу хотя бы раз в неделю разбирать свои вещи. Когда я только начала приходить, мне казалось это немного странным, но я заметила, что другие люди тоже так делают, поэтому просто продолжила заниматься своим делом. Кроме того, распродажа своих старых вещей практически превращается для меня в бизнес. Способ быстро заработать деньги.

А с неизменно тающими трастовыми средствами мне нужно столько быстрых денег, сколько возможно получить.

— Не задерживайся слишком долго, — советует Бетти, вешая трубку. Я вручаю ей квитанцию о платеже за месяц, и она кладёт его в кассу. Это место чересчур старомодное. Они даже принимают чеки, хотя у меня нет чековой книжки. — Надвигается шторм. Очень сильный, судя по всему.

Я выглядываю в окно. Небо, действительно, тёмное и полное грозных туч, но мы в Калифорнии. Здесь нет такого понятия, как дождь.

— Я всё же рискну.

— Избавляешься от ненужного? — весело спрашивает Бетти. Я рассказала ей, как

продала через Интернет кое-что из вещей и несколько очень красивых сумочек. Она никогда не суёт нос, никогда не спрашивает, откуда у меня столько дорогих вещей. Просто мило улыбается и повторяет, что *нужно делать всё возможное, чтобы выжить в этот день и век.*

Её точные слова.

— Да. У меня есть несколько великолепных платьев, которые я никогда не ношу.

Мне больно думать о тех вечерних платьях, которые я собирала годами. С различных мероприятий с моей семьёй, с выпускных и официальных танцевальных вечеров; одно — когда я была королевой бала выпускников... все эти выходы требовали вечерних или коктейльных платьев, блестящих красивых вещей, которые стоили кучу денег. В то время я не смотрела на ценники и покупала то, что считала красивым или стильным. Деньги не были для меня проблемой, и я покупала лучшее, но теперь я скряга, который лишнего не заплатит.

Вместо этого я продаю.

Какой смысл иметь все эти красивые платья, если я не собираюсь их носить? Я не состою ни в одном сестринстве (старая Алекс состояла бы), так что дни танцев практически закончились. Наряды просто лежат в моём хранилище, занимая место, и, чем дольше пылятся в защитных чехлах, тем больше ветшают и выходят из моды. Несколько дней назад я заметила в центре города классный винтажный магазин. Идеальное место для моих платьев, чтобы продать их кому-то, кто действительно будет носить их, а не прятать.

— Жаль, что тебе некуда выйти в этих нарядных платьях. Ты такая красивая девочка, — вздыхает Бетти, и от её слов я краснею. Да, я слышала это раньше, но не чувствую себя красивой. Больше нет. Хорошенькой Александрии Макинтош больше не существует. Уже несколько месяцев, а может, и год.

Теперь я Алекс Ашер — я взяла мамину девичью фамилию. Мне нравится, как она звучит. Мне начинает нравиться, какой я стала, будучи Алекс Ашер. Прилежной, спокойной, практичной. Старая Алекс не обратила бы внимания на Стивена, с которым познакомилась в баре.

Новая Алекс даже дала Стивену свой номер телефона. Вчера вечером он написал мне, спрашивая, не хочу ли я поужинать.

Я согласилась. Может, он не мой обычный типаж, но в моей жизни больше нет ничего обычного. Встречаться с милым, среднестатистическим парнем — это как раз то, что мне нужно.

По крайней мере, он не такой сексуальный, как Тристан Прескотт.

— Вы слишком добры, Бетти, — я сильнее прижимаю сумочку к боку и иду к двери. — И вы очень красивая. Увидимся.

Дверь захлопывается за кудхтающим смехом Бетти — думаю, ей понравилось, что я назвала её красавицей, — и я направляюсь по узкой подъездной дорожке к своему складу. Она кажется бесконечной, всё выглядит одинаково. Как и предупреждала Бетти, на улице темно, небо, кажется, мрачнеет с каждой минутой. Я ускоряю шаг, намереваясь взять платья и уйти, не мешкая.

Я складываю одежду в сумки, когда поднимается ветер, такой сильный, что он захлопывает дверь помещения, окутывая меня темнотой. Я спешу разогнать её, дёргая за цепочку, чтобы включить единственную лампочку, свисающую с потолка. Я ношусь туда-сюда по узкому пространству, чуть не спотыкаясь о груды ящиков, набитых моими вещами.

Вещами, которые связывают меня с прежней жизнью, вещами, с которыми до сих пор не могу расстаться.

В конце концов, придётся отпустить все это.

В считанные минуты у меня в руках столько платьев, что, скорее всего, буду выглядеть нелепо, запрыгивая в автобус, чтобы вернуться домой, но мне, действительно, всё равно. Девушка должна делать то, что должна, и, в любом случае, у меня нет машины. Я, наверное, могла бы попросить Келли помочь — она купила симпатичный подержанный лаймово-зелёный «фольксваген-жук» прямо перед началом семестра, но не хочу рассказывать про свои дела. Она подумает, что я странная.

А потом начнёт задавать вопросы. Вопросы, на которые я не хочу отвечать.

Как только запираю склад, борясь с сильным ветром, начинается дождь. Накинув капюшон толстовки на голову, бегу к крытой автобусной остановке, которая находится перед складом, радуясь, что платья защищены пластиком. Я быстро перепрыгиваю через лужи, разбрызгивая воду повсюду, и всё время ругаясь себе под нос. Когда я, наконец, падаю на влажную скамью, прячу лицо в складках своей толстовки, молясь, чтобы автобус скоро появился.

Но, конечно же, это не так. Проходит пятнадцать минут, я уже чертовски мокрая. Мои «конверсы» промокли до носков, как и леггинсы до колен. Дождь стучит по пластиковым пакетам для одежды и скатывается, капая прямо на меня. Становится холодно, навес — слабая защита против усиливающегося ветра. У меня дрожат ноги, я прижимаю платья ближе к себе, застонав, когда все бисерные капли дождя падают с сумок на мою толстовку.

Великолепно.

Встаю и подхожу к краю тротуара, надеясь увидеть приближающийся автобус. От движения капюшон соскальзывает с моей головы в то же самое время, когда мимо проносится машина, так близко, что разбрызгивает скопившуюся вокруг близлежащего засоренного стока воду. Вода попадает мне прямо в лицо, заставляя визжать от шока.

Прямо как в каком-то нелепом, «не-могу-сделать-это-правильно», «самый-худший-день» комедийном фильме.

Я изо всех сил вытираю воду с лица, уговаривая себя не плакать. Я сильнее этого. Ну и что, что промокла под сумасшедшим ливнем? Мне приходилось сталкиваться и с худшим. Как только вернусь домой, сброшу всю одежду и отмокну под потрясающим горячим душем. Это должно меня согреть. Заставить забыть о бедах.

Надеюсь.

Подъезжает ещё одна машина, и я делаю шаг назад, натягивая на голову капюшон толстовки. Автомобиль замедляет ход и останавливается прямо перед тем местом, где стою; я хмурюсь, надеясь, что это не какой-нибудь извращенец, спрашивающий дорогу. Или ещё хуже: не подвезти ли меня. С тех пор, как начала ездить на общественном транспорте, уже не раз сталкивалась с подобным: жуткие парни останавливались и спрашивали, не подвезти ли меня, а это отстой.

Стекло со стороны пассажира опускается, и я вижу, как в него кто-то выглядывает. Кто-то очень знакомый с густыми каштановыми волосами и чересчур красивым лицом.

Тристан Прескотт.

У меня в животе завязывается узел, когда слышу его глубокий, слегка хриловатый, сексуальный голос.

— Александрия? Это, действительно, ты?

Я испепеляю его взглядом.

— Убирайся.

— Это, и в правду, ты, — он ухмыляется, как debil. — Залезай. Я подброшу тебя.

— Нет, — я задираю подбородок, стараясь выглядеть как можно более достойно, прекрасно понимая, что похожа на промокшую крысу. — Я дождусь автобуса.

— Ты вся промокла. В моей машине тепло и уютно. Ну же, — в его голосе слышится раздражение, которое только ещё больше бесит меня.

Ну почему он должен был увидеть меня в самый неподходящий момент? Я выгляжу ужасно. Мне холодно. И я просто хочу домой.

Тристан может отвезти меня домой...

Плотно сжимаю губы. Ни за что.

— Закрой окно и уезжай. Найди себе другую девушку, чтобы целоваться, — я вздрагиваю в ту же секунду, как слова срываются с моих губ. Говорю, как ревнивая злючка. А я не такая, клянусь. Он может целоваться, с кем хочет.

До тех пор, пока это не я.

Ложь, ложь, ложь.

— Ты ведёшь себя глупо, — он ставит машину на паркинг и поднимает стекло, прежде чем выйти, бросаясь ко мне под проливным дождем, смехотворно красивый с прилипающей от дождя на плечах и груди рубашкой, демонстрируя все эти восхитительные мышцы. И вот так, ни с того ни с сего, у меня начинает гудеть кровь. Тьфу ты. — Давай мне то, что ты держишь, я положу всё в багажник.

Я пихаю мокрую кучу платьев ему в руки и бегу к пассажирской двери, проскальзываю на сиденье и запираю себя внутри. В машине тепло и слабо пахнет пряностями и мужчиной.

Не делай этого. Ты же не чокнутая. Ты же не...

Сделав глубокий вдох, я закрываю глаза. Чёртов Тристан пахнет потрясающе. Он слушает какую-то гранж-станцию девяностых по спутниковому радио, но звук приглушён. Интерьер безупречен. Чёрные кожаные сиденья с серебряной отделкой. Я представляла его машину свалкой, заваленной пустыми пивными банками, но, похоже, ошибалась.

Не знаю почему, но это делает меня счастливой.

Скинув мокрый капюшон, пытаюсь пригладить влажные, спутанные волосы, опускаю козырек, чтобы рассмотреть себя в освещённом зеркале.

Да уж... Выгляжу просто кошмарно. Волосы растрёпаны, щёки ярко-розовые от холода, под глазами чёрные пятна туши. Я вытираю их, как могу, и захопываю козырёк, когда водительская дверь открывается и Тристан садится в машину. Он поворачивается и смотрит на меня, не говоря ни слова, я изучаю его, и у меня перехватывает дыхание.

Его присутствие, кажется, заполняет всё небольшое пространство машины, я сжимаю губы, пытаюсь что-то выдать из себя. Но слов нет. Всё, что могу делать, это пялиться, пожирая его взглядом. Его влажные волосы, то, как они вьются вокруг ушей и шеи. Щетина на скулах и подбородке, форма рта. Его губы... завораживают. Почти одинакового размера, нижняя губа немного полнее, и когда его язык проскальзывает, чтобы лизнуть самый центр этой идеальной нижней губы, мой мозг просто отключается.

— Отвезти тебя домой? — его голос прорывается сквозь туман, окутывающий мой разум, и я выпрямляюсь, приглаживая слабой рукой безнадежные волосы.

— Да, гм. Было бы здорово, — я смотрю прямо перед собой, желая сосредоточиться на ритмичном движении дворников, а не губах Тристана.

— Где ты живёшь? — спрашивает он, забавляясь за мой счёт. Или, может, я просто защищаюсь.

Выпаливаю на одном дыхании свой адрес, он останавливается на светофоре и спрашивает ещё раз, чтобы ввести его в свой навигатор. Я обхватываю себя руками за талию, пока мы ждём смены света, дрожь пробегает по мне, Тристан мимоходом окидывает меня взглядом, прежде чем протянуть руку и практически схватить меня за колено.

Но он тянется к какому-то переключателю, который настраивает на максимум.

— Подогрев сиденья, — объясняет он, когда встречаюсь с ним взглядом. — Ты замёрзла.

— Спасибо, — мямлю я.

— И промокла, — добавляет он. Я бросаю на него быстрый взгляд, чтобы понять, нет ли здесь двойного смысла — может, я единственный извращенец, — но он выглядит совершенно невинным. И очень обеспокоенным. — Тебе стоит снять толстовку.

— Да, конечно. Ты просто хочешь посмотреть, как я раздеваюсь.

— Эта толстовка выглядит довольно тяжёлой.

Ничего не говорю, потому что он прав. Толстовка холодная, мокрая, тяжёлая и чертовски жалкая. Когда загорается зелёный свет и его внимание полностью сосредотачивается на вождении, я выбираюсь из промокшей одежды и позволяю упасть ей на пол с хлюпающим шлепком.

— Господи, — бормочет он, качая головой.

— Извини, что намочила твои коврики, — мужчины довольно сильно трясутся над своими машинами, а эта машина очень красивая. Такая, какой восхищался бы мой отец, если бы не владел, при условии, что мог бы.

Но он не может. Ему пришлось продать все свои шикарные машины, чтобы вернуть деньги, которые он присвоил от своих клиентов.

— Не беспокойся о воде. Я просто не могу поверить, что твоя толстовка настолько мокрая. Ты, должно быть, окоченела, — он наклоняется и увеличивает температуру в салоне.

— Спасибо, — я расслабляюсь в кресле, подогрев вкупе с обогревателем творят чудеса, обдувая горячим воздухом моё лицо, отчего понемногу начинаю ощущать сонливость. Я смотрю в окно, наблюдая за частым и сильным дождём, и радуюсь, что не еду в вонючем городском автобусе или ещё хуже — всё ещё жду появления этого дурацкого автобуса.

Вместо этого я сижу в очень хорошей, очень дорогой машине Тристана, и он везёт меня домой.

Жизнь странная штука.

ГЛАВА 5

Тристан

Я останавливаюсь перед маленьким неприметным домиком по адресу, который дала мне Александрия, в старом районе недалеко от кампуса, с отстойным двором и разросшимися под окнами вдоль фасада розовыми кустами. Типичное жильё за пределами кампуса, уверен — у неё куча соседок и никакой личной жизни.

Другими словами, она живёт как дикарка.

— Дорогая, мы дома, — бормочу я, сворачивая на подъездную дорожку.

Александрия не издаёт ни звука.

Поставив машину на паркинг, оборачиваюсь и вижу, что её тело расслаблено, голова повернута в сторону окна, волосы падают на щеку. Глаза закрыты, губы приоткрыты. Она

крепко спит.

Миленькая. Тихая. Не грубит, не спорит и не хмурится на меня. Такой она мне нравится. Я без тени смущения изучаю её, блуждая взглядом по тёмно-русые волосам, безупречной кремовой коже, розовым губам, которые соблазнили бы и святого поцеловать их. Только один раз.

Просто узнать, какая она на вкус.

Я откидываюсь на спинку сиденья и делаю глубокий вдох. Мне в голову приходят чертовски безумные мысли. Она ненавидит меня. От неё больше проблем, чем пользы. Я бы всё равно только трахнул её и бросил, а она возненавидит меня ещё больше, когда всё будет сказано и сделано.

Как любили повторять Шеп и Гейб перед тем, как забили на меня, я не вступаю в отношения. И никто не заставит меня передумать. Эти два придурка, так называемые мои лучшие друзья, могут продолжать так и дальше и ещё сильнее влюбиться в своих девчонок. Обручиться, жениться, завести парочку сопляков и жить той скучной и никчемной жизнью, которую, по мнению любого другого болвана, хотят.

Но это не про меня. Мои родители всё ещё вместе, но не так давно они были в довольно шатком положении. Чёрт возьми, почти два года назад мою мать пришлось отправить в реабилитационный центр, после того как она потеряла кучу денег из-за неудачных инвестиций.

И когда я говорю о куче денег, я говорю не о паре тысяч долларов. Скорее о сотнях тысяч долларов — или даже о сумме, близкой к миллиону. Это был небольшой урон для семейного банковского счёта, но что хуже всего оказалось в этой ситуации? Чувак, который убедил маму сделать эти инвестиции. Он оказался ещё и её любовником.

Излишне говорить, что она почти лишилась рассудка, когда потеряла и деньги, и своего тайного любовника. Падение вниз по наклонной плоскости было болезненным, но каким-то образом мои родители выкарабкались. Маме сейчас лучше. Папа играет в гольф. Они теперь редко проводят время вместе, и их это устраивает.

Их сдержанные отношения лишней раз убеждают меня, что во всём этом нет смысла. Мои родители не такие ужасные, как у Шепа, с его амбициозной сучкой-матерью и жёстким, как чёрт, отцом, которые, кажется, упиваются своей ненавистью друг к другу. Но они ещё один яркий пример того, почему я не хочу быть в отношениях.

Они все плохо заканчиваются. Все без исключения. Мне всё равно, насколько счастливыми и влюблёнными люди себя считают, если в конце концов всё идёт к чертям.

Александрия шевелится, привлекая моё внимание, я глушу двигатель, и внезапная тишина заставляет её проснуться. Она быстро садится и, убирая волосы с лица, растерянно оглядывается. Поворачивает ко мне голову, и наши взгляды встречаются. Сцепляются.

— Я заснула, — объясняет она очевидное, её голос мягкий и сексуальный.

— Я заметил, — киваю и протягиваю руку, чтобы отключить подогрев сидений, при этом касаясь пальцами её бедра. Искры пробегают в том месте, где я касаюсь её. Отдёргиваю руку, возвращая её на нижнюю часть руля. — Тебе помочь с вещами?

Она отрицательно качает головой.

— Я могу сама достать их, если ты откроешь багажник.

Проклятье, я действительно хочу ей помочь. Почему с ней так трудно?

— Дождь всё ещё идёт.

— Думаю, я справлюсь, — шутливо говорит она, берясь за дверную ручку. Замерев, она

долго и напряжённо сидит ко мне спиной, а потом оглядывается через плечо, и её настороженные голубые глаза встречаются с моими. — Спасибо, что подвёз.

— В любое время, — отвечаю, имея в виду именно это. Чёрт, я говорю серьёзно, но зря. Это отстой. Я не хочу, чтобы она мне нравилась, но мои пальцы всё ещё гудят от прикосновения к ней ранее.

Даже говорить такое смешно.

Она выходит из машины, я делаю то же самое, захлопывая дверцу и бросаясь к багажнику, который уже приоткрылся. Я распахиваю его прежде, чем она подходит, и тянусь внутрь за кучей мешков с одеждой, которые туда бросил. Она появляется рядом со мной и пытается забрать их у меня, но я не позволяю.

— Я донесу, — предлагаю, повышая голос, чтобы меня было слышно сквозь шум дождя.

Александрия пытается вырвать их из моих рук, но я не отпускаю.

— Ты такой раздражающий, — кричит она, вызывая у меня смех.

Захлопываю багажник и следую за ней к входной двери, не упуская из виду, как она смотрит на меня, когда я ныряю под крошечный навес, чтобы встать рядом с ней.

— Отдай, — требует она, а я качаю головой. — Боже, — бубнит она, открывая дверь и врываясь внутрь. Я следую за ней, мой взгляд блуждает повсюду, находя гостиную довольно стандартной. Гигантский коричневый замшевый диван, выдавший виды кофейный столик перед ним и дешёвый, но большой телевизор с плоским экраном, висящий на стене, в то время как Playstation 4, Wii U и различные джойстики лежат брошенными на полу.

— Ты играешь? — интересуюсь, кивая в сторону игровых систем.

— Конечно, нет, — резко возражает она, закрывая дверь. — Но мои соседи играют.

Я поднимаю бровь.

— Сколько ещё человек здесь живёт?

— Три.

Девушка не отступает ни на дюйм, когда речь заходит о личной информации.

— И как их зовут?

— Можно подумать, ты их знаешь, — парирует она, и я посылаю ей взгляд, который заставляет её закатить глаза. — Если скажу, ты уйдёшь?

— Только если увижу твою комнату.

— Напомни, сколько нам лет?

— Мне двадцать один. Почти двадцать два, — сообщаю я ей с самой очаровательной улыбкой. Кажется, это её совсем не впечатляет. — А тебе сколько?

— Если я скажу тебе, ты уйдёшь? — с надеждой спрашивает Александрия.

— Давай я отнесу это в твою комнату, а ты пока ответишь на мои вопросы. После этого я уйду отсюда, — обещаю.

Она взмахивает рукой и идёт по короткому коридору. Я следую за ней, перекладывая пакеты с одеждой из одной руки в другую. Что бы там ни было, оно довольно тяжёлое.

— Мне двадцать один, — говорит она, останавливаясь перед дверью в конце коридора. Она открывает её и отходит в сторону, чтобы я мог войти перед ней. — А мои соседи — Фелиша, Конрад и Джефф. А теперь уходи.

— Конрад? — недоверчиво спрашиваю я, поворачиваясь к ней. Я игнорирую её реплику «а теперь уходи». Выражение её лица говорит мне, что она вне себя от раздражения.

— Да. Конрад. Он настоящий душка, — она кивает, указывая на плетёное кресло в углу комнаты. — Ты можешь положить сумки с одеждой вон там, спасибо.

Делаю, как просит Александрия, оглядываю её комнату в поисках чего-нибудь... чего, не знаю. Какого-нибудь знака? Намёка на её личность в том, что может висеть на стенах, или сидеть на комодке, или лежать на прикроватном столике? Может, даже старые фотографии, по которым я смогу узнать прежнюю Александрию?

Но нигде ничего нет. Стандартная белая мебель, которая выглядит, как из каталога Икеа, идеально застеленная кровать, покрытая бледно-голубым и белым набивным одеялом, и слишком много подушек, чтобы я мог с этим справиться.

Цыпочки и их подушки. Это словно грёбаная болезнь.

— Значит, ты живёшь с парнями? — любопытствую я, поворачиваясь к ней лицом. Она тут же подходит к комоду и выдвигает ящик, вытаскивая оттуда что-то аккуратно сложенное и чёрное, прежде чем закрыть его. Надежда заставляет меня сделать шаг ближе. Если она откроет ящик, полный трусиков или бюстгалтеров, я буду считать это маленькой победой.

— Да, — она резко поворачивается, прижимая к груди что-то похожее на леггинсы. — А теперь ты должен уйти.

Я хмурюсь.

— Нет *«спасибо, Тристан, что помог мне после тяжёлого дня, когда я попала под дождь»*?

Она закатывает глаза. Снова.

— Я уже поблагодарила тебя, но на случай, если ты не расслышал в первый раз... спасибо тебе, Тристан. Спасибо, что подвёз, хотя я и говорила, что не стоит.

Эта девушка — крепкий орешек. Я помню, как Джейд заставляла Шепу помучиться, и он, похоже, был в восторге, большой ублюдок.

Но я не такой. Я выяснил, что ненавижу подобные вещи. Отношения не должны быть такими сложными. Если Александрия думает, что будет строить из себя недотрогу, а я продолжу бегать за ней, она ошибается.

— Не за что, — салютую ей. — Ещё увидимся, Александрия.

Выхожу из её спальни, не сказав больше ни слова, и, о чудо, она следует за мной. Всю дорогу до входной двери, которую она даже открывает для меня.

— Зови меня Алекс, — говорит она, когда я выхожу на улицу.

Остановившись, поворачиваюсь к ней лицом.

— Это мужское имя, — замечаю я.

— Твоё красноречие не знает границ, — парирует она, и я, прищурившись, смотрю на неё. Дождь капает с края навеса, ветер бросает эти капли в мою и без того влажную рубашку, но я не двигаюсь.

— Я не хотел тебя обидеть. Ты слишком хорошенькая для Алекс, — плотно сжимаю губы. Находясь рядом с ней, я почему-то говорю самые глупые вещи на свете. Словно она мне нравится.

Её щеки розовеют, и она отводит от меня взгляд.

— Ну, это моё уменьшительное имя.

— Как-то оно не очень.

Александрия поднимает голову, глаза сверкают, как будто она серьёзно разозлилась.

— Ты невероятно груб.

— Как и ты.

Она упирает руки в бока.

— Тебе лучше уйти.

— Поверь мне, я уйду, — не двигаюсь. Мои ноги словно приклеены к земле.

— Я захлопну дверь у тебя перед носом, — грозит она, жестикулируя так, будто собирается закрыть её.

Протянув руку и прижав ладонь к толстому дереву, останавливаю это движение.

— Ну и кто тут груб? — выгибаю бровь.

— Ты меня бесишь, — она издаёт какой-то сексуальный рычащий звук, и я приказываю себе не обращать на него внимания. *Не обращай на неё внимания.* Она злится на меня. Нет ни малейшего шанса, что это к чему-то приведёт, всё, чего я хочу, — это залезть к ней в трусики.

— Ты должна пойти со мной, — слова вылетают из моего рта, словно я не контролирую себя. Я идиот. — В пятницу вечером. Я отвезу тебя на ужин.

Улыбка, которая появляется на её лице, не что иное, как самодовольство.

— Прости. У меня уже есть планы. Свидание. Со Стивеном.

Стивен? О. Твою мать! Стивен. Чувак из бара. Серьёзно? Она может найти кого-то намного лучше.

Например, меня.

С минуту мы молча смотрим друг на друга. Может, даже две. Наконец, поворачиваюсь и иду по тротуару к своей машине, иду медленно, как ни в чём не бывало. Мне всё равно, что дождь промочил мою одежду. К чёрту.

— Твоя потеря, — кричу ей через плечо.

— Мудак! — кричит она в ответ.

Успеваю мельком увидеть её сердитое лицо как раз перед тем, как Александрия захлопывает дверь. Я открываю свою машину, забираюсь внутрь и вдыхаю её стойкий аромат. Почему перед этой девушкой так чертовски трудно устоять?

Ударив кулаком по рулю, шумно выдыхаю. Смотрю на приборную панель и стискиваю зубы. Я не должен позволять ей задеть меня. Меня не волнует, что она идёт на свидание с каким-то хорошим парнем, который, вероятно, понятия не имеет, как с ней обращаться. Скорее всего, он так чертовски ошеломлён, что красивая девушка действительно хочет пойти с ним на свидание, что, в конечном итоге, будет целовать её задницу всю ночь.

А она вытрет о него ноги. Они стоят друг друга.

Протягиваю руку и завожу машину, убираясь к чёртовой матери, пока не натворил ещё больших глупостей.

Например, бросился за ней и сказал, чтобы она забыла этого Стивена. И что должна встречаться со мной.

ГЛАВА 6

Алекс

Ресторан, в который Стивен привёл меня, хороший, не слишком дорогой, но со вкусной едой. Наш разговор протекает легко, он не раз заставляет меня смеяться, и он такой невероятно милый. Внимательный. С неподдельным интересом слушает то, что я говорю, и я стараюсь изо всех сил отвечать ему тем же.

Я сижу, киваю, улыбаюсь и смеюсь во всех нужных местах, но мои мысли постоянно возвращаются к Тристану. Что ужасно и несправедливо по отношению к Стивену, потому что он хороший. Милый, в непритязательном смысле. Немного ботаник, который любит видеоигры, — когда он приехал, чтобы забрать меня на наше свидание, выяснилось, что он знаком с Конрадом, и они договорились встретиться в другой раз и сыграть в последнюю

версию Call of Duty.

Парни и их видеоигры, всё ясно. Но, клянусь, Стивен казался более взволнованным, узнав, что я живу с его другом, а не тем, что идёт на свидание со мной. С Тристаном, по крайней мере, я знаю, что он запал бы на меня до такой степени, что мне, вероятно, захотелось бы оттолкнуть его и посоветовать принять таблетку, дабы остыть.

Может быть.

А может, и нет.

— Тебе нравятся азартные игры? — интересуется Стивен после того, как официант уносит наши тарелки.

— Нет, не люблю рисковать своими деньгами, — и богом клянусь, это чистая правда. После всего, через что я прошла, я стала бережливой. Слово, о существовании которого до недавнего времени даже не подозревала.

Лицо Стивена немного вытягивается, как будто мой ответ полностью разочаровал его.

— Эх, недалеко от кампуса есть нелегальный игорный дом, — он делает паузу.

— Слышала, — киваю ему. А кто не слышал? Об этом шепчутся повсюду, но я никогда там не была.

— Нам с друзьями нравится бывать там время от времени, и мне только что заплатили, так что... — Он улыбается. — Я подумал, тебе захочется побывать там. Но если нет, ничего страшного. Мы можем заняться чем-нибудь другим. Может, сходить в кино или выпить чего-нибудь. Ты ведь пьёшь, правда? Я имею в виду, мы встретились в баре, поэтому я предположил, что ты любишь выпить, и мы можем...

Я кладу свою руку поверх его, и он замолкает, его глаза расширяются, когда он смотрит на наши соединённые руки. Я прикоснулась к нему только для того, чтобы он заткнулся. Парни болтают чепуху, когда нервничают.

— Давай проиграем твою зарплату, — предлагаю я.

Он смеётся, но это звучит принуждённо. Кажется, я напугала его своим замечанием.

— Только не всю мою зарплату. У меня есть около ста долларов, чтобы поиграть сегодня вечером.

Всего? Прежняя Алекс посмеялась бы над ним. Прежняя Алекс потратила бы сто долларов на аперитив, даже не моргнув глазом.

Нынешняя Алекс не стала бы выбрасывать сто долларов, играя в блэк-джек или что-то в этом роде. На эти деньги можно купить продуктов на неделю, а может, и на две, если действительно растянуть их.

— Пойдём. Звучит весело, — я улыбаюсь Стивену, отпускаю его руку и кладу ладонь на колени.

Он смотрит на меня, покусывая нижнюю губу. Выглядит болезненно.

— Могу я кое в чём признаться?

Оу. Я мысленно готовлюсь.

— Конечно. Давай.

— Помнишь тот вечер в баре? Мой друг заставил меня поговорить с тобой, — щёки Стивена краснеют, и он опускает взгляд на стол. — Я всё говорил и говорил о том, какая ты великолепная, ему это надоело, поэтому он сказал мне, что если я считаю тебя настолько горячей, то должен просто пойти и пригласить тебя на свидание.

Мои щёки тоже горят. Бедный, милый Стив и его тупой дружок.

— Я рада, что ты подошёл ко мне. Я хорошо провела время сегодня вечером.

Он поднимает голову, его взгляд встречается с моим, и он улыбается.

— Правда?

Бедняга. Он кажется удивлённым.

— Абсолютная, — киваю. — С тобой весело.

— Со мной? — он выпрямляется. — То есть, да. С тобой тоже. То есть весело... И хорошо. Дерьмо. Я говорю, как идиот.

Я начинаю смеяться, но не над ним.

— Остановись, от греха подальше. Ты очарователен, когда волнуешься.

Довольное выражение его лица стоило комплимента. А Стивен такой милый, когда волнуется. Не такой ослепительный, как Тристан, но милый.

Тьфу. Надо перестать думать о Тристане.

Решительно прогоняю его из своих мыслей и сосредотачиваюсь на парне передо мной. Он достаёт бумажник, просматривая чек, и я автоматически хватаю свою сумочку.

— Хочешь, я помогу с оплатой? — спрашиваю.

Стивен поднимает взгляд, его лицо хмурится.

— Ни в коем случае. Это я пригласил тебя, Алекс. Я оплачу счет.

— Спасибо, — тихо произношу я. С тех пор, как я приехала сюда учиться, у меня было ровно одно свидание, и мы разделили счёт за ужин. И я сама заплатила за билет в кино. Он также предложил пополам заплатить за попкорн, но мне не хотелось его, поэтому я отказалась. Молодому человеку это не понравилось.

Больше я его не видела. Скатертью дорожка.

Неужели Тристан на самом деле пригласил бы меня на свидание? Или он хотел просто затащить меня в свою спальню и переспать? Скорее, последнее. Он не похож на того, кто купил бы мне ужин, чтобы раздеть меня. Не то, чтобы я разделась на первом свидании с ним. Ни в коем случае.

— Ты готова?

Голос Стивена врывается в мои мысли, и я киваю, поднимаясь, очень недовольная собой. С моей стороны нечестно постоянно думать о Тристане в то время, когда я на свидании с другим парнем. Действительно хорошим парнем, который кажется, мне симпатизирует, а не просто использует. Как часто это происходит? Мне нужно сосредоточиться на Стивене. С ним легко общаться. Весело. У него хороший вкус в одежде — он одет в симпатичную тёмно-зеленую и чёрную клетчатую фланелевую рубашку и джинсы. Вежливый и джентльмен, он придерживает для меня дверь, когда мы покидаем ресторан и выходим в холодную ночь.

Дождь прекратился в среду вечером, оставив после себя прохладные и пасмурные дни. На мне толстый синий свитер, но всё равно достаточно холодно, и меня пробирает дрожь, когда на нас налетает ветер. Мы идём бок о бок по стоянке к его машине, болтая о пустяках. Я чувствую, как Стивен смотрит на меня, и мне интересно, о чём он думает. Но ещё интереснее, что делает Тристан...

Я морщусь. Он вторгается в мои мысли. Мне даже не нравится этот парень, но выкинуть его из головы никак не получается. Прямо безумие какое-то. Я вспоминаю о том, как он вошёл в мою комнату, заполняя всё пространство одним своим присутствием, пытаюсь узнать информацию обо мне, когда на деле непонятно, почему его это должно волновать? Я для него не что иное, как завоевание. Уверена. Так почему же я всё ещё думаю о нём?

Почему он меня всё ещё интересуется?

Проклятье, мне это не нужно.

— Если ты не хочешь идти в игорный дом, ничего страшного, — ни с того ни с сего заявляет Стивен.

Я смотрю на него и улыбаюсь.

— Хочу, — искренне говорю я. — Давай выиграем тебе немного денег.

Он смеётся.

— Звучит как план.

Тристан

— Думаю, нам стоит закрыться пораньше, — бормочу я Шепу.

Мы сидим за пустым столом для блэк-джека, за которым нет крупье, и обзираем сцену перед нами. Это крах, учитывая, что сегодня вечер пятницы. Это место постепенно теряет свою привлекательность для масс, а Гейб особенно переживает из-за того, что всё происходит в его доме. Он предпочёл бы прильнуть к Люси, чем отработать смену.

— Ты прав. Сегодня тихо, — соглашается Шеп. Обычно, это моя смена, но около часа назад появился Шеп, сообщив, что у Джейд какой-то девичник со своими подружками, поэтому он решил помочь мне.

Я еле сдерживался, чтобы не спросить, была ли Александрия среди подружек, с которыми Джейд зависала сегодня вечером. Хотя, я знал, что у неё было свидание с тем чуваком из бара, но надеялся, что она отменила его. Я был чертовски горд собой за то, что держал рот на замке. Хотя, её имя всё ещё вертится на кончике моего языка.

Наша небольшая стычка после того, как подобрал её под дождем, была своего рода странной прелюдией, которую никак не получается выбросить из головы. Уехав от неё, я отправился домой и дробил в душе, вспоминая, как она заснула в моей машине, как она пыталась вытолкнуть меня из своего дома, сердитое выражение на её лице перед тем, как она захлопнула дверь.

Ага. Меня заводит, когда Александрия злится на меня. Какого чёрта?

— Думаю, нам стоит окончательно закрыть это место, — говорю я Шепу, который удивлённо поднимает брови.

— Ты серьёзно?

Я киваю.

— Мы и так планируем закрыть его в конце учебного года. Мы зарабатываем достаточно денег, чтобы сделать это возможным, — поначалу мы открыли игорный дом ради развлечения. Хотелось чем-то заняться — то, что это было что-то незаконное, делало это ещё более заманчивым. Дело было не в деньгах. Речь шла о том, чтобы играть в покер, блэк-джек, да во всё, что угодно, во что можно играть на большие деньги, и при этом безнаказанно. Речь шла о высоких ставках, сексапильных девушках и любой выпивке, которую мы когда-либо хотели.

Не думаю, что когда-нибудь признаюсь в этом кому-то, особенно Шепу или Гейбу, но я устал. Устал управлять этим местом, устал, что оно поглощает всё моё время. Может, мне просто хочется отдохнуть в одиночестве и выпить пива, понимаете? Я даже больше не тусуюсь в доме братства. Даже если требуется, чтобы все пошли на танцы, запланированные с одним из женских клубов.

У меня появляется грёбаная сыпь, когда просто думаю о том, чтобы надеть костюм и пригласить на танцы какую-нибудь девчонку, у которой, в конечном итоге, будут большие ожидания в отношении меня. И мне придётся её разочаровать.

В этом я лучший.

— Точно, — Шеп оглядывает комнату, на его лице появляется страдальческое выражение. — С этим местом у меня связаны хорошие воспоминания. Здесь я познакомился с Джейд.

Он и сюда приплывает свою девушку. Он всегда так делает.

— Ты хочешь построить здесь святилище? Как оду в честь ваших отношений?

— Не будь мудаком, — бормочет он.

— Это ты постоянно вспоминаешь о ней. Это всегда Джейд, Джейд то, Джейд сё. И Гейб туда же. Они всего-то встречаются... сколько? Месяц? — без понятия, и мне на самом деле всё равно, я просто знаю, что это началось не так давно. — А он уже попросил Люси переехать к нему. — качаю головой. Эти двое такие подкаблучники, что просто невероятно.

— Ты просто завидуешь, — парирует Шеп, отводя взгляд, как будто не может вынести моего вида.

— Это последнее, что можно сказать про меня, чёрт возьми, — яростно протестую я. — Мне не нужно, чтобы какая-то дражайшая ноша тянула за собой, желая постоянно проводить со мной время. Это звучит как кошмар. Разве ты не скучаешь по разнообразию? Вокруг так много девушек, и все они твои, парень.

— Верно, учитывая, что ты постоянно окружён бесконечным множеством кисок, — острый взгляд, который бросает на меня Шеп, чертовски раздражает. — Ты практически спотыкаешься о них.

Я даже не утруждаюсь оглянуться по сторонам, потому что и без этого знаю, что вокруг полно парней, не считая тех двух цыпочек, Эмили и Эммы, которые всегда болтаются поблизости. Эм и Эм, как они сами себя называют. Одеваются одинаково, словно они близняшки, и здесь они только для того, чтобы приударить за парнями.

Умный ход с их стороны, но у меня нет желания даже прикоснуться к этим девушкам, не говоря уже о том, чтобы переспать с ними. Они всегда где-то рядом. Как оковы, которые никому не принадлежат, но находятся в постоянной охоте, чтобы прицепиться к какому-нибудь ничего не подозревающему олуху.

— Пофиг! — бормочу я.

Шеп начинает смеяться.

— Если ты думаешь, что ты король кисок, тогда давай заключим пари, — вот это другое дело. — Следующую девушку, которая войдёт в дверь, ты должен обольстить.

— Обольстить? Какой витиеватый выбор слов, — усмехаюсь я. — Как насчёт такого? Следующая цыпочка, которая войдёт в дверь, будет голой и задыхающейся подо мной, гарантирую.

— Если Джейд поймает меня на этом, она надерёт мне задницу, — бормочет Шеп себе под нос. Но потом он выдаёт, как будто ничего не может с собой поделать. — Сто баксов на то, что ты проиграешь.

— Тысяча, и я в деле, — я потираю руки, адреналин заставляет мою кровь циркулировать быстрее. Вот, ради чего я живу. Вызов, только что брошенный Шепом, трепет неизвестности.

— Ты даже не знаешь, кто войдёт следующим, — говорит Шеп, всё ещё посмеиваясь. — Она может оказаться полной крокодилицей.

— Она может оказаться настоящей красоткой, — я таращусь на входную дверь, буквально желая, чтобы та открылась.

— Для тебя все женщины сексуальны. Пока у неё есть пульс и сиськи, всё в порядке.

Он не далёк от истины с этим заявлением.

— Что я могу сказать? — пожимаю плечами, не отрывая взгляда от двери. — Я люблю разнообразие. Любая форма, любой размер. Без разницы. — вообще-то, обычно это имеет значение. Меня всегда тянуло к пышным брюнеткам.

Хотя есть одна особенная блондинка, которая в последнее время засела у меня в голове...

Забудь о ней. Прочь из моих мыслей раз и навсегда.

— Не могу дождаться, чтобы посмотреть на это, — Шеп поворачивает свой стул лицом к двери. — Вечер официально стал более интересным.

— Да, чёрт возьми, ты прав, — потираю руки, чувствуя, что собираюсь поставить на что-то большее.

Как мой член.

Из меня вырывается смех от одной этой мысли, заставив Шепу тоже рассмеяться.

— Ты чёртов псих, — бросает он, качая головой.

— Тебе это известно, — соглашаюсь я, потому что так оно и есть. Лучше быть грёбаным психом, чем скучным до чёртиков. Предвкушение гудит в моих венах, пока жду, когда откроется дверь. Я бы даже воспользовался одной из машин скорой помощи, только чтобы было кого завоевать. Эмили или Эмма была бы гарантированной любовницей...

Дверь приоткрывается, Шеп наклоняется вперед, уперев локти в колени и прижав кулаки ко рту, ожидая, кто появится. Я встаю со стула, моё тело напряжено и готово броситься в бой при первом взгляде на неё.

Кем бы она ни была.

В дверь входит парень, и я сразу узнаю его. Откуда, не уверен, но точно знаю, что видел это лицо раньше.

Шеп поворачивается и улыбается мне, словно маньяк.

— Собираешься трахнуть его?

— Отвали, — бормочу я, не отрывая взгляда от двери.

А потом в помещение входит она, поглощая весь кислород одним своим присутствием, такая красивая, что на неё чертовски больно смотреть. Шеп начинает истерически смеяться, и я придвигаюсь к нему ближе, чтобы вlepить ему подзатыльник.

— Ой, — он потирает голову, бросая на меня сердитый взгляд, но я игнорирую его.

Я так взбешён, так чертовски раздосадован тем, с кем мне придётся перепихнуться, чтобы выиграть это дурацкое пари, потому что уверен: я потерплю неудачу. Каковы мои шансы сейчас?

ГЛАВА 7

Алекс

Комната похожа на огромную пещеру, в ней полно игровых столов, хотя большинство из них пусты. Место довольно тихое для вечера пятницы.

— Народу не много, — удивляется Стивен, словно читая мои мысли.

— Ну, это значит, что у тебя есть выбор, во что играть, — говорю ему с улыбкой, оглядывая комнату. Мой взгляд цепляется — и задерживается — на Шепе Прескотте.

Он улыбается мне, словно я лучшее, что он видел за последние дни.

Я машу ему, и он поднимается на ноги, размашисто шагает ко мне и приветствует меня, как давно потерянного друга.

— Алекс, — он сжимает меня в восторженных объятиях, прижимая так близко, что я чувствую его твёрдую, мускулистую грудь. Если бы Джейд увидела это объятие, она, скорее всего, захотела бы выцарапать мне глаза. — Я так рад тебя видеть. Рад, что ты здесь, в нашем скромном маленьком казино, — ухмыляется он, отстраняясь от меня. Он поворачивается и дружелюбно улыбается Стивену, в то время как я стою в полушоке. Шеп управляет игорным домом? Понятия не имела. — Кто твой друг?

Я знакомлю их, они пожимают друг другу руки, Шеп снова смотрит на меня и качает головой, улыбка навсегда приклеилась к его лицу.

— Ты последний человек, которого я ожидал увидеть сегодня вечером.

— Это хорошо или плохо?

— О, это интересно, скажем так, — его глаза сверкают, он хлопает Стивена по спине, практически толкая его вперёд. — Вы здесь, чтобы поиграть?

— Именно, — твёрдо заявляет Стивен, доставая бумажник. Шеп протягивает руку, останавливая его.

— Не спеши пока расстаться с деньгами. Держи себя в руках, — советует он низким голосом. — На что настроен сегодня?

— Покер.

Шеп обращает своё внимание на меня.

— Алекс. Хочешь чего-нибудь выпить?

Я киваю, встречаясь взглядом со Стивеном.

— А ты что-нибудь будешь?

— Пиво было бы неплохо. Спасибо, — произносит Стивен, уже разглядывая покерный стол неподалеку. — Я буду там, — заканчивает он с кивком, направляясь к столу.

Хм. Наблюдаю, как он уходит. Мой взгляд встречается со взглядом Шепы, который всё ещё смотрит на меня, словно понимает скрытый смысл шутки, а я пропустила её кульминацию.

— Вы двое встречаетесь?

— Это наше первое свидание.

— Ясно, — кивает он. — Я видел его здесь раньше. Он всегда проигрывает. Каждый раз. Естественно. Уверена, это происходит почти со всеми, кто заходит в это место.

— Так это твоё?

— Ну, моё совместно с моими партнёрами.

— И кто твои партнёры? — я почти боюсь спросить.

— У твоего парня неприятности. Мой крупье сегодня в ударе, — меняет тему Шеп.

Хм.

— Полегче с ним, — мягко прошу я.

— От меня это не зависит, — он кивает в сторону крупье, который берёт сто долларовую купюру Стивена и обналичивает её на фишки. — Хочешь, я принесу тебе выпить? Что предпочитаешь?

— Будь любезен, два пива. Любое, какое есть.

— Одно для тебя и одно для твоего друга? — Шеп поднимает брови.

— Да, — медленно подтверждаю я. Сейчас Шеп по-настоящему шевелит бровями, как какой-то сумасшедший мультяшный персонаж. — Да что с тобой?

— Сегодняшний вечер чертовски забавный, — на его лице появляется кривая улыбка. — Извини.

Та-ак.

— Пустяки, — машу я рукой. — Что такого смешного?

— Просто происходят странные вещи. Я схожу за твоим пивом. Сейчас вернусь, — он уходит, прежде чем я успеваю сказать что-нибудь ещё. Я смотрю ему вслед, качая головой.

Парни такие странные. Шеп ведёт себя странно. Надеюсь, он не делает ничего такого, чего не должен делать. Не хочу знать. Вдруг, он изменяет Джейд? Казалось, на вечеринке в честь Хэллоуина они были так увлечены друг другом, но, чёрт возьми, я, действительно, не знаю его.

Я вообще здесь никого не знаю. Ни Шепа, ни Стивена, ни Джейд, ни Люси, ни Гейба. Келли — единственный близкий мне человек, и сегодня её здесь нет. Она пошла на встречу с остальными девушками. Они пригласили и меня, но я уже согласилась на свидание со Стивеном, так что пришлось отказаться.

Облом, конечно, но я не могла пойти. А было бы здорово познакомиться с ними поближе.

Решив, что мне нужно в туалет, прежде чем открою пиво, я иду по тёмному коридору и замечаю полосу света, сияющую из-под закрытой двери. Только собираюсь постучать, чтобы посмотреть, есть ли кто-нибудь внутри, как чувствую, что моё плечо сжимает большая тёплая рука. У меня вырывается крик, я оборачиваюсь и вижу прямо перед собой не кого иного, как Тристана, мрачно глядящего и стоящего так близко ко мне, что слышно его дыхание.

— Александрия, — с подчёркнутой медлительностью произносит он, словно высокомерный ублюдок, которым и является. — Что ты здесь делаешь?

Моё сердце бьётся так сильно, что, клянусь, он, наверное, видит, как оно колотится под моим свитером.

— То же самое можно спросить и у тебя, — у меня перехватило дыхание, и, Боже, я ненавижу это. Он не заставит меня задыхаться.

Так почему же я так рада его видеть? Потому что так оно и есть, но я ни за что не признаюсь ему в этом, потому что он станет ещё более высокомерным, до невозможности.

Ладно. Он и так невыносим. Я просто хотела быть милой.

Он ухмыляется и придвигается ближе, не оставляя мне другого выбора, кроме как отступить, пока моя попа не упирается в стену.

— Это место принадлежит мне, — он замолкает, наклоняя ко мне голову. — И не пытайся сказать мне, что ты этого не знала.

— Я этого не знала, — немедленно отвечаю я. Неудивительно, что Шеп не хотел говорить, кто его партнеры.

— Этот дом принадлежит Гейбу. Мы трое — партнёры, — он упирается рукой в стену рядом с моей головой, придвигаясь ещё ближе. — Что ты здесь делаешь, Александрия?

Морщусь.

— Только моя бабушка называет меня Александрией, — это правда. Она умерла десять лет назад, но это правда. Никто не называет меня полным именем, если только я не на приёме или это не первый день занятий.

— Я отказываюсь называть тебя Алекс, — он приподнимает пальцем мой подбородок, заставляя меня поднять глаза и встретиться с ним взглядом. — Как насчёт Али?

Мою кожу покалывает там, где он прикасается ко мне. Милое сокращение. Гораздо женственнее. Но я отказываюсь позволять ему называть меня хоть как-то интимно и мило. Я

пытаюсь найти в этом больше смысла, чем есть на самом деле, а кому это нужно?

— Мне нужно вернуться к своему парню, — выдыхаю я.

С понимающей улыбкой он наклоняется ещё ближе, его губы прямо у моего уха.

— Гарантирую, он даже не догадывается, что ты ушла. Этот мудака не ценит тебя, и ты это знаешь.

— А ты прям ценишь? — растопырив пальцы, поднимаю руку и прижимаю ладонь к его груди, чтобы остановить его. Его сердце бешено колотится, я чувствую, как оно бьётся — бум, бум, бум — о мою руку, и, словно мои пальцы живут своей жизнью, я вцепляюсь ими в ткань его рубашки. Притягивая его ближе...

— Ты же знаешь, что мечтаешь о большом «Ч», — шепчет он, наклоняя голову, его губы чуть выше моих. — Просто поддайся своим желаниям, детка. Я буду тем, кто тебе нужен.

Его слова, подобно ведру ледяной воды, вылитому на голову, вырывают меня из вызванного Тристаном тумана, в который я проваливалась. Отпускаю его рубашку и отталкиваю его, затем ныряю под его руку, чтобы уйти от него как можно быстрее.

— Держись от меня подальше, — требую я, собираясь уходить.

Тристан хватается за руку, разворачивая так, чтобы я снова оказалась лицом к нему.

— Куда, чёрт возьми, ты идёшь?

Я вырываюсь из его хватки, потирая руку в том месте, где он коснулся меня. Как будто его пальцы отпечатались на моей коже.

— Ты действительно думаешь, что сможешь завоевать меня, заявив, что я мечтаю о большом «Ч»? — кричу я, но мне всё равно. Пусть все слышат. Это он та задница, кто сказал это, а не я. — Несмотря на то, что тебе говорят все остальные девушки, меня не интересует твой член, Тристан.

Он моргает, выглядя шокированным.

— Я не имел в виду...

— Заткнись, именно это ты и имел в виду, — подбегаю к нему и бью прямо по лицу. Кто-нибудь когда-нибудь давал пощёчину этому парню раньше? Сомневаюсь. Он самоуверенный засранец, которому слишком долго сходило с рук всё, что он хотел. Ну, больше нет. Со мной этот номер не пройдёт. Я больше никогда не подпущу его к себе. К чёрту меня-так-тянет-к-нему-и-я-не-знаю-почему.

Определённо, я была в бреду.

— Серьёзно, Ал...

— Просто. Заткнись. Тристан, — я прижимаю пальцы к его рту, заставляя замолчать. Его губы мягкие и тёплые, и, чёрт возьми, я должна сопротивляться желанию очертить их, узнать их форму. Он полный придурок. Сексуальный придурок, но это сути не меняет.

И не имеет значения.

— Не говори больше ни слова, — произношу тихо, почти шёпотом. — Ты будешь стоять молча и слушать? — когда он кивает, убираю руку от его рта и делаю глубокий вдох. — Девушки не хотят, чтобы парень подходил к ним, как будто он самый большой слизняк в мире. Если ты действительно хочешь завоевать её, не говори, что знаешь, что она хочет большой «Ч». Это просто отвратительно.

Он молчит, его тёмно-синие глаза смотрят на меня так, словно он не может поверить в то, что я говорю. Хорошо. Ему нужно переварить информацию. Уверена, это крайне необходимый совет.

С какими бы девушками он ни общался, если всё, о чём они любят говорить, это его так

называемый гигантский член, тогда им нужно найти хобби, и быстро.

— И не называй девушку, которую едва знаешь, деткой. Это заставляет её думать, что ты не можешь вспомнить имя, а это очень оскорбительно.

Тристан по-прежнему молчит, поэтому я продолжаю.

— Караулить в коридоре рядом с ванной тоже не лучшая идея для разговора с девушкой. Без понятия нравлюсь я тебе или нет. Но то, что ты готов перепихнуться, это очевидно. Но знаешь, что? Я абсолютно уверена, что ты готов трахнуть любую, кто войдёт в это место с приличным лицом и вагиной. Не так ли? — когда он молчит, я продолжаю. — Если тебе нравится пустой трах с безмянными, безликими девушками, продолжай в том же духе. Уверена, ты отлично проведёшь время, трахаясь со всем кампусом, если ты ещё этого не сделал.

Скорее всего, так оно и есть. Он выпускник, как Шеп и Гейб. Они в этом кампусе уже три года, а то и четыре. Это чересчур большое количество девушек для него, чтобы со всеми переспать.

Очень много.

Он засовывает руки в передние карманы джинсов, туго натягивая их на бёдрах. Не могу не обратить внимание, потому что, чёрт бы всё побрал, этот парень прекрасен. Большое мускулистое тело с сексуальными руками и этим лицом, этими красивыми всезнающими голубыми глазами и красивым ртом. Но стоит ему открыть этот красивый, сексуальный рот и выдать все эти вкрадчивые слова, как это всё перечёркивает.

— Просто знай это, — Шепчу ему на ухо, положив руки ему на плечи и приподнявшись на цыпочки, нарушая его личное пространство. — Между нами могло бы быть что-то удивительное, Тристан. Но ты всё испортил ещё до того, как у нас появился шанс.

Тристан

Александрия отпускает мои плечи и, не отрывая от меня взгляда, отступает. На мгновение замечаю всю накопившуюся страсть, которую она испытывает ко мне, и это точно соответствует тому, что я чувствую, но потом она исчезает. Как будто её никогда и не существовало.

Потухла, как спичка. В одно мгновение огонь, в следующее...

Ничего.

— Пока, Тристан, — шепчет она, прежде чем повернуться и уйти, оставив меня одного в коридоре, как какого-то неудачника.

А я такой и есть. Неудачник. Мало того, что я только что проиграл в пари Шепу тысячу грёбаных долларов, так ещё и девушку упустил. Чёртову девчонку, которая одним только взглядом парализует меня так, что не могу ни двигаться, ни дышать.

Ничего не могу делать, кроме как млет в её присутствии.

Она не оглядывается, и я отпускаю её, но взглядом задерживаюсь на её идеальной заднице, чувствуя её потерю ещё до того, как она исчезает из виду. Я прислоняюсь к стене и жду несколько минут, прежде чем медленно выйти обратно в зону казино, чертовски надеясь, что меня никто не заметит.

Я всё ещё не оправился от того, что она сказала. И того, как она это сказала.

Шепа, убудка, нигде нет. Александрия стоит позади Стивена, пока тот сидит за единственным покерным столом, который у нас открыт сегодня вечером, её рука лежит на его плече, как будто она принадлежит ему.

Дерьмо.

— Как всё прошло? — Шеп, словно призрак, материализуется позади меня из ниоткуда. — Уже чпокнул её?

— Я двигаюсь не так быстро, — выдавливаю я уголком рта, мой взгляд не может оторваться от Александрии. Это попытка — наблюдать за ней, когда она так близко, но ничего с этим не поделать.

— Почему нет? У меня обычно так, — самодовольно говорит он.

— Не гони пургу, — Шеп был льстивым ублюдком, но не настолько.

— Будь реалистом, братан, — чертовски ненавижу, когда он называет меня братаном. — Эта девчонка только что надрала тебе задницу. Она ненавидит тебя.

— Я завоюю её, — уверенно заявляю я, ненавидя, как она сжимает плечо этого придурка Стивена, когда тот выигрывает. — Просто нужно время.

— Ха, которого у тебя нет. Ты должен раздеть её до конца ночи, — указывает Шеп. — И с каких это пор ты считаешь, что всё, что касается девчонок, требует времени?

Я поворачиваюсь к нему, он делает шаг назад, всё ещё улыбаясь своей дерьмовой ухмылкой. Клянусь Богом, мне хочется причинить ему физическую боль.

— Мы никогда не спорили на таких условиях. У меня есть всё время в мире.

Ухмылка пропадает.

— Это жульничество, братан.

— Я так не думаю, братан, — улыбаюсь я, чувствуя себя прямо сейчас довольно хорошо. — Это может занять некоторое время, но я выиграю это пари.

— Как скажешь, — бормочет он.

— Хочешь удвоить или нет? — спрашиваю.

Он на мгновение замолкает, потирая челюсть и обдумывая моё предложение.

— Если она узнает про пари, она возненавидит тебя до глубины души.

Пожимаю плечами, игнорируя внезапный страх, от которого мой желудок сжимается.

— Она уже ненавидит меня до глубины души. Так какая разница?

— Разница в том, что она возненавидит тебя ещё больше, если ты поспоришь на неё и она поймает тебя. Особенно, если вы двое, в конечном итоге, переспите — уверен на все сто. — Он делает глубокий вдох. — Всё или ничего. Первоначальная ставка, как мы и договаривались, или я пас. Господи, Джейд убьёт меня, если узнает, что я с тобой заодно.

Только поглядите на Шепу и его сознательность.

— Просто не рассказывай ей. Неужели тебе действительно нужно признаваться Джейду во всём, что ты делаешь и говоришь? — колко интересуюсь.

— Вообще-то, да. У нас нет секретов друг от друга, — он смотрит на меня без тени юмора. — Ты не понимаешь, на что это похоже.

— Я и не хочу понимать. Поверь мне, — я достаю телефон и просматриваю контакты, прежде чем начать печатать.

— Кому ты пишешь? — Шеп звучит так, словно его вот-вот прошибёт холодный пот и стошнит. Нервный засранец.

— Не то, чтобы это тебя касалось, но я пишу Келли.

— Она с Джейдом, ты, тупица, — он пытается вырвать телефон из моих рук, но я отворачиваюсь, прежде чем он успеет схватить его.

— Насколько боишься свою девушку? Господи, держи себя в руках, — поворачиваюсь к нему спиной, заканчиваю сообщение и нажимаю «Отправить».

«Мне нужна услуга.»

Ответ Келли последовал почти мгновенно.

«Если ты хочешь поцеловаться, мой ответ «нет».

Качаю головой и отвечаю.

«Кажется, ты одержима мной.»

«Мечтай. Что тебе надо? Я зависаю с девчонками.»

«Я в курсе. Мне нужен номер телефона.»

«Чей?»

«Александрии.»

Несколько секунд она не отвечает, и я чувствую, как Шеп расхаживает позади меня.

— Ты сволочь, — бормочет он.

— А ты сволочь, которая боится своей подружки. Поверь, я не стану втягивать её в это, — я пялюсь на экран, желая, чтобы появилось сообщение. И оно приходит.

«Я не должна давать его тебе.»

«Почему, чёрт возьми, нет?»

«Не думаю, что ты ей так уж нравишься. Она, скорее всего, разозлится, если узнает, что я дала его тебе.»

«Позволь мне беспокоиться об этом.»

Они все злятся на меня. Они все ненавидят меня. Потому что я говорю и делаю то, что хочу, и мне плевать, что думают другие. У меня чёрствое сердце, как и моя чёрная душа, и мне абсолютно всё равно.

С каждым днём я всё больше и больше становлюсь похожим на своего старика. А вот кто мягкий, так это мама, которая потеряла всё своё дерьмо и чуть не лишила себя жизни. Именно отцовская внешняя невозмутимость и суровая решимость помогли им пережить трудные времена.

Но тебе не придётся переживать трудные времена, если ты не вступишь кого-то в своё сердце, верно?

На экране появляется номер, за которым сразу же следует предупреждение от Келли.

«Скажешь ей, кто его дал тебе, и я тебя убью.»

Я сразу же добавляю номер Александрии в свои контакты, а потом уже отвечаю.

«Не волнуйся. Твой секрет в безопасности. Спасибо К.»

Для верности удаляю нашу переписку.

— Ты всё делаешь неправильно, — заявляет Шеп.

Я едва взглянул на него. Я слишком занят, пытаюсь понять, что именно написать Александрии.

— Есть правила, которые ты знаешь, — продолжает он.

— Какие, например? Ты нарушил все эти правила с Джейд, помнишь? Правило одной ночи и прочее дерьмо. Ты больше не веришь в них, — Господи, что можно написать, чтобы не показаться придурком? А она и так думает, что я самый большой мудака из всех мудаков.

Стоит ли извиниться?

Ага. Стоит. Цыпочкам нравится, когда перед ними извиняются. Но не пресмыкаться. Не думаю, что нужно опускаться до такого.

«Прости, если я обидел тебя.»

Нажимаю «Отправить», прежде чем успеваю передумать.

Смотреть, как она получает сообщение, и знать, что она читает слова, которые я набрал всего несколько секунд назад, — похоже на аварийную остановку. Она достаёт телефон из

заднего кармана джинсов и, нахмутив брови, читает сообщение. Затем её пальцы начинают летать по экрану.

«Кто это?»

«Ты знаешь, кто. Придурок, который прячется в коридорах в надежде подцепить беспомощных и готовых к быстрому перегибу девушек.»

Лёгкая улыбка изгибает её губы, когда она читает мой ответ, и я улыбаюсь в ответ, снова поражённый тем, насколько она красива. Этот свитер, который на ней, действительно подчёркивает голубизну её глаз.

Провожу рукой по лицу. Неужели я действительно только что так подумал?

Да. Проклятье, именно так я и подумал.

Мой телефон издаёт звук, и я читаю её сообщение.

«Откуда у тебя мой номер?»

«Я волшебник. Я могу сделать всё, что угодно.»

Нажав «Отправить», поднимаю голову, и наши взгляды встречаются через всю комнату. Стивен не обращает на неё внимания. Судя по гримасе на его лице, думаю, что он больше беспокоится о плохих картах, которые ему только что сдали.

Полагаю, это можно было бы понять двояко. Потому что в этой истории этот засранец не получит эту девушку.

Это буду я.

ГЛАВА 8

Алекс

— Они великолепны, — говорит женщина, вытаскивая ещё одно вечернее платье из одной из многочисленных сумок с одеждой, которые я принесла. Её тёплые карие глаза встречаются с моими, на её лице смесь искренности и замешательства. — Вы уверены, что хотите их продать?

— Я не собираюсь носить их когда-нибудь снова, — пожимаю плечами, мысленно прогоняя намёк на панику, которая появляется от понимания, что я теряю эти платья раз и навсегда. — Кроме того, мне негде их хранить.

Я отправилась в тот комиссионный магазин винтажных вещей в центре города и приехала точно к открытию. Удивительно, но здесь довольно тихо. Что ж, видимо, не стоит удивляться. Большинство людей спят в субботнее утро после развлечений в пятницу вечером.

Что касается меня? Я попросила Стивена отвезти меня домой сразу же после того, как он проиграл свои сто долларов, и он без возражений согласился. Мне нужно было убраться оттуда подальше от Тристана, который не переставал писать и посылать мне горячие взгляды с другого конца комнаты. Слава Богу, он отказался от сообщений, стоило мне уйти.

Но мой мозг, конечно, не отказался от Тристана. Не в силах заснуть, я ворочалась с боку на бок. И могла думать только о нём. Как он касался моего подбородка, и его пальцы были тёплыми и слегка шершавыми на моей коже. Как я прикасалась к его мягким, идеально очерченным губам. Как я шептала ему на ухо, указывая на то, каким полным придурком он был.

Странно то, что мне, вроде как, нравятся его придурковатые манеры. Что это говорит обо мне? Что мне нравятся придурки? Мне казалось, что я оставила в прошлом конкретно этот этап, но, очевидно, нет...

— Эти платья будут продаваться с сумасшедшей скоростью. В нескольких сестринствах

и братствах грядут официальные мероприятия, да и так всегда есть девушки, появляющиеся здесь в панике в поисках чего-то уникального.

Каждое из этих платьев было уникальным. И дорогим. Господи, очень дорогим. Комок страха, поселившийся в моём животе, заставляет меня подумать о том, чтобы отступить.

Но нельзя. Мне не нужны эти платья. Мне нужны деньги, которые могут сделать для меня гораздо больше.

— Я хочу сфотографировать их и сразу же выложить в Instagram. У меня много подписчиков, которые внимательно следят за моей страничкой и всегда готовы ринуться за новыми поступлениями. Социальные сети — это лучшее, что когда-либо случилось с моим бизнесом, — она прищмокивает губами, рассматривая платья, прежде чем её взгляд скользит ко мне. — Не могла бы ты попозировать в них для меня?

Я изумлённо смотрю на неё. *Э-э, ни в коем случае.* Мой автоматический ответ:

— Нуу, не знаю...

— Их первоначальный владелец — ты, поэтому имеет смысл, если позировать в них будешь ты. Уверена, они идеально сидят на тебе, — она проводит рукой по чёрному бархатному коктейльному платью без бретелек. — Некоторые из них, похоже, сшиты по индивидуальному заказу. — Её голос мечтательный.

Это потому, что они такими и были. Мама не жалела денег. Она тратила деньги так же быстро, как папа их зарабатывал. Только оказалось, он их крал. И всё это время она была в курсе.

— Хм, я, правда, не думаю, что хочу, чтобы моё лицо видели, — я стараюсь быть как можно незаметнее. Позировать для фотографий, которые появятся по всему Instagram — неважно, даже если у этой женщины только два подписчика — это не лучший способ сделать это.

— Это не проблема. Я сделаю фотографии от шеи и вниз. Обычно я так и делаю. Таким образом, девушки могут представить, что это они носят платье, — женщина протягивает мне руку для рукопожатия. — Кстати, я Сэнди.

— Алекс, — откликаюсь я, пожимая ей руку. Мне нравится, что она так хочет их продать. Это значит, что я быстро увижу деньги. — Когда вы хотите сделать фотографии?

— Ты не могла бы прийти сегодня попозже? Мне нужно, чтобы Сюзанна сначала отпарила их и убедилась, что они выглядят идеально, — её лицо вытягивается, и она опирается руками на стеклянный прилавок перед собой. — О, постой. Она говорила, что заболела. — пауза, сопровождаемая раздражённым вздохом. — Кажется, я забыла. Может, завтра? Но на самом деле не хотелось бы ждать до завтра. Думаю, я могу их отпарить...

— Я отпарю их для вас, — вызываюсь я.

Её глаза сияют, она сжимает руки.

— Ты сделаешь это? О, это было бы замечательно. Ты когда-нибудь раньше работала с профессиональным парогенератором? Это не так трудно, поверь.

— Уверена, что справлюсь, — надеюсь. Я не настолько домовитая. Когда растёшь с экономкой, которая заботится обо всём за тебя, этого не требуется. — Что в этом сложного?

Она становится серьёзной.

— Будь осторожна, чтобы не обжечься паром.

Обжечься паром? Звучит пугающе.

— Гм...

— Если ты предпочитаешь, чтобы этим занялась я, я пойму, — она улыбается мне. —

Ты можешь присмотреть за магазином, пока я буду отпаривать.

И вот так у меня появилась работа — моя первая работа. Сюзанна продолжала болеть, и Сэнди это надоело.

— Если продашь одно из своих платьев, твой процент комиссионных будет больше, — обещает мне Сэнди, и моё воображение разыгрывается при виде всех вещей, которые я могу принести сюда и продать самостоятельно, особенно когда она даёт мне знать, какой именно процент будет моим.

Я проработала четыре часа, а затем позировала в своих же платьях, пока Сэнди на протяжении ещё двух часов делала бесконечные фотографии на свой iPad. К тому времени, когда я вернулась домой, было уже почти темно, я устала, Конрад и Джефф играли в видеоигры в гостиной, и звук был таким громким, что выстрелы и крики слышались ещё на улице.

О, и Стивен был с ними.

— Алекс, — его лицо светлеет, когда он улыбается мне со своего места на диване. — Привет.

— Привет, — закрываю дверь и прислоняюсь к ней, обдумывая возникшую ситуацию. Я измотана. Я, определённо, не хочу никуда идти сегодня вечером — и уж точно не со Стивеном. Он милый, он мне очень нравится, но около двух часов ночи я поняла, что он не тот парень, который мне нужен.

Неправильно идти на свидание с одним парнем, думая о другом.

Стивен что-то говорит Конраду, тот приостанавливает игру, в то время как Стивен встаёт и направляется в мою сторону. Я отталкиваюсь от двери и снимаю пальто, перекидываю его через руку и жду, когда он подойдёт. Сегодня он каким-то образом выглядит лучше. Может, это потому, что его волосы немного растрёпаны, и, видимо, он не брился. Кроме того, он в очках, что довольно горячо, в стиле Кларка Кента³.

Грубоватый Стивен, определенно, привлекателен.

— Наслаждаешься субботой? — интересуется он, останавливаясь прямо передо мной.

— Ага, — улыбаюсь, несмотря на усталость. Прямо сейчас я бы рухнула в постель. — Я нашла работу.

— Работу? Круто. Это нужно отметить, — его улыбка становится шире, и я чувствую себя плохо из-за того, что собираюсь его разочаровать.

— Давайте закажем пиццу, — предлагает Конрад с дивана.

Стивен корчит гримасу, когда я отвечаю: «Звучит идеально». Так и есть. У меня совершенно нет желания выходить и вести светскую беседу. А что, если он попытается опять повести меня в казино, игорный дом или что там у этого Тристана? Я не хочу его снова видеть. Не сейчас.

Ещё нет.

Стивен хмуро смотрит на меня и понижает голос:

— В самом деле?

— Так как я теперь работаю, я немного устала, — подхожу ближе и провожу указательным пальцем по коже прямо под его глазом, задевая оправу очков. — К чему очки?

Его щёки краснеют, и я опускаю руку. Я не должна прикасаться к нему или водить за нос. Он может всё не так понять.

— Большую часть времени я ношу контактные линзы, но они доконали меня, — он выглядит смущённым. — Прошлой ночью я заснул в них, а когда проснулся, в глазах был

словно песок. Так что пришлось надеть очки.

— Тебе идут очки, — честно говорю я.

— Ты так думаешь? — Стивен выглядит удивлённым.

Я киваю, жалея, что мне не нравится этот парень. Он такой милый. Скромный. Неприхотливый. Вежливый, симпатичный и славный — все слова, которые я никогда не смогла бы использовать, чтобы описать этого сексуального придурка Тристана Прескотта.

И вот я снова думаю о нём. А когда я не думаю?

— Ты ведь не против, что я здесь? — встревоженно спрашивает Стивен, отчего нравится мне ещё больше. — Конрад написал ранее и пригласил меня к вам.

— Нет, не против. А теперь, если ты не возражаешь, я пойду переоденусь, а потом позависаю с вами, парни, — улыбаюсь, стараясь быть милой, но не слишком. Не хочу его обнадёживать.

— Правда?

— Ну, да, — обычно я не общаюсь с Конрадом, Джеффом и их друзьями. Но сегодня всё по-другому. Стивен здесь, и я хочу узнать его получше. Может, если буду проводить с ним больше времени, это поможет мне раз и навсегда выкинуть Тристана из головы.

Я сама себе противоречу. Это нехорошо.

— Какую пиццу ты предпочитаешь, Алекс? — спрашивает Конрад, глядя в свой телефон.

— Неважно. Я не привередливая, — ухмыляюсь Стивену. — Только не позволяй, чтобы об этом кто-то узнал, — поддразниваю я его, отчего он краснеет ещё больше. Ого!

Конрад немного колеблется, прежде чем сказать:

— У тебя есть друзья, которых ты хочешь пригласить, Алекс?

Не совсем. Ну, есть Келли, но захочет ли она тусоваться с этими ботаниками-геймерами? Другие девушки, с которыми я знакома через Келли, уже завели себе бойфрендов...

— Дай подумать, кого можно позвать, — отвечаю я Конраду, одаривая Стивена быстрой улыбкой. — Сейчас вернусь, — поворачиваюсь и направляюсь в свою спальню.

Ладно. Это будет интересный вечер.

Тристан

Бесцельно катаясь больше часа, в итоге оказываюсь у Гейба, потому что в холодный субботний вечер мне больше нечем заняться. Когда я выходил из дома, Шеп с Джейд уединились в их спальне, и мы знаем, что там происходит. Вот я и решил пойти в казино, потому что, чёрт возьми, почему бы и нет. Сегодня смена Гейба, но в ту минуту, когда переступаю порог, замечаю, что с ним Люси, и, ради всего святого, она сидит у него на коленях, её руки обвивают его шею, и смотрит она на него с любовью.

Естественно, чёрт возьми.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Гейб, снимая Люси с колен и поднимаясь поприветствовать меня.

— Стало скучно, — бормочу я, проводя рукой по влажным волосам и убирая их со лба. На улице идёт дождь, капли похожи на лёд и такие чертовски противные. Что ещё мне делать? Всё, о чём я могу думать, это грёбаная Александрия. Алекс. Али. Как бы, чёрт возьми, её ни звали.

Мне нужно выпить.

Гейб пытается сохранить нейтральное выражение лица, но я вижу, как в его глазах

вспыхивает удивление.

— Тебе скучно? Но сегодня же суббота.

— Ага. И что?

— Сходи в бар. Найди девчонку. Угости выпивкой. Пригласи к себе. И всё, — Гейб качает головой. — Разве обычно не так проходит твой выходной?

— Не хочу идти в бар, — только если это не гарантирует, что Александрия будет там. Иначе, я пас.

— Ну, что я могу сказать? — Гейб хватается за сердце и отшатывается назад. Придурак. — Ты заболел? Или, может, у меня плохо со слухом?

— Заткнись, — снимаю куртку и вешаю её у двери. — Я думал, что помогу тебе тут.

— Здесь полное затишье, — Гейб машет рукой в сторону почти пустых столиков. — Наверное, это из-за погоды. Никому не хочется выходить под такой дождь.

Да. Мне тоже. Но вот я здесь, и мне некуда идти. Вроде бы у меня есть варианты, девушки, которым я мог бы позвонить или написать какую-нибудь ерунду. Спросить их, не хотят ли они перепихнуться.

Уже одна только мысль об этих словах заставляет меня думать о *ней*. Но я отказываюсь писать ей. Она так и не ответила на моё вчерашнее сообщение, так что можно забыть об этом. Я просто буду страдать в одиночестве.

Отстой. Что, чёрт возьми, со мной не так? Мне стоило бы пойти в бар, подцепить горячую блондинку с маленькими сиськами и длинными ногами и трахать её до рассвета. Или, может, всего тридцать минут. Как раз достаточно времени, чтобы получить удовольствие и свалить, прежде чем она вонзит свои коготки в меня слишком глубоко. Это то, чего они все, кажется, хотят. Кроме Александрии.

Проклятье. Я не хочу другую блондинку с маленькими сиськами и длинными ногами.

Я хочу её.

— Где Келли? — спрашиваю я Люси.

Она пожимает плечами.

— Не знаю. Я не разговаривала с ней весь день. Почему ты спрашиваешь? — её тёмно-карие глаза пристально наблюдают за мной. Слишком пристально.

— Тебе не стоит пудрить ей мозги, Трис, — предупреждает Гейб. — Раньше ты нравился этой девушке.

Вот и оно. Разве парень не может дружить с девушкой, с которой целовался всего пять минут?

— Спасибо за совет, папочка, но я уже большой мальчик, а Келли — большая девочка. И, кроме того, ей нравился ты, — напоминаю ему.

Он бросает на меня взгляд, ясно говорящий, что ему не нравится, когда я упоминаю об этом в присутствии Люси. Что ж, не повезло. Это послужит ему уроком за все те поучительные истории про меня.

— Ты не должен её обманывать.

— Да не собираюсь я её обманывать. В этом плане она меня не интересуется, и она это знает. Мне нравится кое-кто другой, — в ту секунду, когда слова слетают с моих губ, мне хочется схватить их, запихнуть обратно в горло и спрятать в самом тёмном, самом тайном месте внутри меня. Где им и место.

Глаза Люси так широко распахиваются, что боюсь, как бы они не выскочили у неё из орбит.

— А кто тебе нравится? — практически выдыхает она.

Гейб скрещивает руки на груди и наклоняет голову, выглядя мускулистым и полным сомнений.

— Алекс.

Я ничего не говорю. Просто вытаскиваю телефон из заднего кармана и отправляю быстрое сообщение Келли.

«Где ты?»

Она отвечает почти сразу.

«Тебе бы ОЧЕНЬ хотелось знать, жеребец.»

— Ты пишешь Алекс? — взволнованно спрашивает Люси.

Я игнорирую её, мои пальцы летают по экрану. Я довольно хорошо печатаю большими пальцами. И с чего, чёрт возьми, Келли называет меня жеребцом? Она чертовски странная.

«Скажи мне.»

«Ты будешь ревновать.»

«Сейчас ты просто обязана сказать.»

«Играю в видеоигры с кучей ботаников. Они довольно милые.»

Я хмурюсь. Келли не нравятся ботаники. Ну, её бывший был абсолютным мудаком, но не тем, кого я бы назвал ботаником. Ха.

«С чего бы мне ревновать, что ты играешь в видеоигры с шизиками?»

«Здесь есть кое-кто ещё, кого ты, возможно, хотел бы увидеть.»

Поднимаю голову и встречаюсь взглядом с Гейбом. Он хмуро смотрит на меня.

— Что?

Качая головой, я понимаю, что не могу ничего произнести. Словно гигантский ком застрял у меня в горле, и я никак не могу проглотить его. Я знаю, кто там с Келли. И с трудом могу в это поверить, но, скорее всего, это правда.

«Кто?»

«Её имя начинается на букву А.»

«И заканчивается на Я.»

Александрия.

Мой телефон издаёт звук.

«Она здесь со своим парнем.»

«И кто её парень?»

«Стивен.»

Кусок дерьма. Если бы я мог что-нибудь ударить, я бы ударил. Прямо сейчас.

Хватит этой хрени с смс-ками. Набираю номер и с нетерпением жду ответа Келли.

— Долго же ты. Я думала, ты позвонишь ещё семь сообщений назад, — приветствует она. На заднем плане очень шумно, слышны мужские голоса и чрезмерная стрельба.

— Где точно ты находишься?

— Подожди, — раздражённо перебивает она, прежде чем отвести телефон от уха. — Я сейчас вернусь, — заверяет она кого-то, с кем бы она там ни была. Я слышу протесты, в основном мужские, а она смеётся, давая им понять, что не задержится долго.

Её поклонники. Как мило.

— Так, я тут, — произносит она через несколько секунд, запыхавшись. На заднем плане стало тише, больше не слышно никаких выстрелов, и её голос — единственный, который я слышу. — Э-э, я дома.

Мне хочется зарычать от разочарования, но держу себя в руках.

— У кого дома?

— Вот в чём прикол. Я дома у Алекс. Ты можешь в это поверить? Она живёт с двумя парнями, и они такие прикольные, что, кажется, не могу перестать смеяться, когда они треплются. А треплются они достаточно много. Мы до этого играли в Mario Kart, они полностью надрали мне задницу. Я про то, что они просто уничтожили меня, и Алекс тоже. Теперь они все играют в Call of Duty, и мне становится скучно, — она делает паузу. — Ты должен приехать.

Моё сердце бешено колотится. Так сильно, что кажется, будто оно может выскочить прямо из моей груди и упасть на пол.

— Алекс играет в Call of Duty? — я нахожу это невероятным.

— Нет, конечно, нет, — немедленно отвечает Келли.

— Тогда, где же она?

— Сидит на диване и выглядит так, словно вот-вот отключится. У неё был тяжёлый день.

Я начинаю расхаживать по комнате. Мне не нравится слышать, что у Александрии был плохой день. Что это значит? У неё всё в порядке? Случилось что-то плохое? Или она просто устала?

— Ни за что на свете она не захочет, чтобы я был там. Так что нет, я не приеду.

— Тебе нужно быть здесь. Твоё появление взорвёт её чёртов разум. Поверь мне. Кроме того, этот парень Стивен изо всех сил старается показать, что он может быть милым и очаровательным потенциальным бойфрендом, которого она хочет, и думаю, у него начинает получаться, — последнюю часть она шепчет.

— Чушь собачья, — бормочу я. Как бы ни так. Видел я, как эти двое взаимодействовали друг с другом прошлой ночью. В них было столько же химии, сколько в двух кусочках сухого тоста.

— Нет, я совершенно серьёзно, Тристан. Всё становится подозрительным. Ты должен заявить о своих правах, прежде чем он уведёт её.

— Как будто он может, — усмехаюсь я. Как будто ему есть, что у меня украсть. Александрия не моя.

Я не могу предъявлять к ней никаких претензий.

— Он явно заинтересован в ней. Девушки любят такие вещи, — Келли замолкает, её голос становится ещё тише. — Мне кажется, он ей действительно нравится. Он такой славный. Это её слова.

— И это всё, что у него есть? Он славный? — я смеюсь, но принуждённо. Беспокойство гложет меня изнутри. Не то, чтобы я когда-нибудь признался в этом. — Невозможно трахаться славно, Кел. Невозможно классно провести время со славным, — подчёркиваю я.

Келли вздыхает.

— Ага, только ты можешь, Тристан. Некоторые девушки хотят милого парня. Милый значит надёжный, — она делает паузу. — На славного парня можно рассчитывать, и нам, девушкам, это нравится. Нам это очень нравится.

— Если она хочет милого парня, то она, определённо, не хочет меня, — я далеко не надёжный и милый, и мы оба это знаем. — Если ей нравится Стивен, флаг ей в руки. — меня убивает говорить такое. Почему, не знаю.

Честно? У меня совершенно нет желания разбираться в этом. Мне может не

понравиться то, что я узнаю.

— Так легко сдаёшься, да?

Моя кровь вспыхивает, гнев поднимается и угрожает задушить меня. Я люблю бросать вызов, и все это знают, включая Келли. Взять хотя бы это дурацкое пари с Шепом, хотя я должен просто заплатить ему и покончить с этим.

— Как можно сдать, если я даже не пытался с самого начала?

— Продолжай твердить себе это, — насмехается Келли. — Хочешь, напишу адрес?

Неужели она действительно подталкивает меня пойти туда? Потому что так и будет. Келли это знает.

— У меня уже есть адрес Александрии.

— Подожди-ка, откуда? Как ты его узнал? — ещё одна пауза, прежде чем её голос взрывается в моём ухе. — Ты чёртов сталкер. Ты повсюду следишь за ней?

Я заканчиваю разговор. От этой девчонки у меня разболелась голова, и, кроме того, мы просто теряем время.

— Мне пора, — заявляю я, повернувшись и обнаружив, что Гейб и Люси откровенно наблюдают за мной.

Гейб делает шаг вперёд, его лицо — пугающая маска. Но на меня это не действует. Я знаю все его слабости, и худшая из них? У него ужасное покерное лицо. Парень ни хрена не может выиграть пари.

— Ты что, действительно, собираешься переспать с Келли прямо сейчас?

— Нет, чёрт побери, — иду к входной двери и снимаю куртку с вешалки, прежде чем выйти. — Не то, чтобы ты мне верил.

— Куда же ты тогда идёшь?

— Пойду поиграю в видеоигры, — парирую я им, открывая дверь.

И исчезаю в тёмной ночи, прежде чем они успеют произнести ещё хоть слово.

ГЛАВА 9

Алекс

Я так устала, что с трудом держу глаза открытыми, и это какое-то чудо, потому что телевизор включен на полную громкость, а игра, в которую рубятся парни, такая чертовски громкая, что я практически не слышу свои собственные мысли, не говоря уже о том, чтобы попытаться заснуть.

Но я пыталась. Я схватила одну из подушек, положила голову на подлокотник дивана, закрыла глаза и через несколько минут отключилась. Как на долго, не знаю, но следующее, что помню, кто-то будит меня, снова и снова монотонно растягивая «соооняя».

Что ужасно раздражает.

Я приоткрываю глаза, чтобы прекратить эту пытку, и вижу прямо перед собой улыбающееся лицо Келли.

— Привет, — произносит она так, как будто удивлена, что я проснулась. — Добро пожаловать обратно в реальный мир. Ты заснула.

— Знаю, — тру глаза, чувствуя себя капризной, как маленький ребёнок. — Лучше бы ты меня не будила.

— У тебя компания, — поёт она, я закрываю глаза, изо всех сил пытаюсь заглушить ужасный шум, раздающийся из её рта.

Девчонка совершенно не умеет петь.

— Они все друзья Конрада, — бурчу я ей.

— Не все, — ухмыляется она. — А как же Стивен?

Я небрежно и лениво машу рукой.

— Он пришёл к Конраду.

Келли кашляет в ладонь.

— Чушь собачья, — похоже на то.

— Плевать. Я иду спать, — запрუსь в своей комнате и покончу с этим. Келли ведёт себя странно. И я устала слышать, как парни без конца кричат: «Чёрт, да» и «Получи, урод!»

— Уверена, твой гость будет в восторге, услышав это, — радостно бормочет Келли.

— О чём ты? — перекидываю ноги через диван и принимаю сидячее положение. Провожу рукой по лицу, убираю волосы с глаз и сосредотачиваюсь на парнях, которые сидят на полу или на гигантских подушках, очень увлечённо играя, кажется, в Call of Duty.

И по чистой случайности одним из них оказывается Тристан Прескотт.

Задыхаясь, подношу руку ко рту, потом снова к волосам. О, Боже, я выгляжу, должно быть, ужасно. На мне штаны для йоги и старая толстовка, такая мешковатая, что обхожусь без лифчика.

То есть выгляжу я дерьмово.

Почему он играет в видеоигры с моими соседями? Поворачиваюсь и смотрю на Келли, и она выглядит такой чертовски удивлённой, что я совершенно уверена — без неё здесь не обошлось.

— Какого чёрта здесь делает Тристан? — шиплю-шепчу я.

Келли бросает на меня взгляд.

— Тише-тише. Он может услышать тебя и обидеться, — предупреждает она.

— У него нет никаких чувств, — отвечаю ей.

Она обдумывает мои слова и кивает.

— Возможно, ты права. Он самый большой мудака из всех, кого я знаю, — она усмехается и толкает меня в плечо, отчего я чуть не падаю. — Но он пришёл ради тебя, Алекс. Ты можешь в это поверить? Он может заполучить любую девушку, какую захочет, а выбирает тебя.

Она преподносит это так, словно это какая-то извращённая честь. Подумаешь.

— На сегодня, — бормочу я, потому что это правда. Я не хочу быть ещё одним завоеванием, ещё одной зарубкой на столбике его кровати, или как там говорится. А это всё, чем я буду для Тристана. Мы не знаем друг друга. И я не хочу знать его как друга или как-то иначе. Я бы предпочла вообще избежать всей этой ситуации.

— Стоит хотя бы пойти поздороваться, — подбадривает Келли.

Я изучаю его. Он даже не видит меня, что неудивительно. Эти потрясающие голубые глаза прикованы к большому экрану телевизора, его длинные пальцы обхватили джойстик и двигаются так быстро, как только возможно, когда он начинает стрелять в тех, кого обнаружил. Другие парни кричат на него, вокруг раздаётся столько ругательств, что я вздрагиваю, а он просто ухмыляется, продолжая убивать плохих парней.

Почему он должен быть таким красивым? Настолько, что на него больно смотреть. Тёмные волосы вьются вокруг шеи. Он одет в белую тёплую рубашку с длинным рукавом — у него, должно быть, куча этих тёплых рубашек, и, скорее всего, он знает, как невероятно сексуально смотрится в них — джинсы и ботинки, отчего выглядит грубым и сексуальным, и, Боже, мне нужно убраться отсюда сейчас, пока я не сделала что-то глупое.

— Я иду спать, — говорю я Келли, вставая.

Разочарование на её лице невозможно не заметить.

— Ты серьёзно? — она тоже встаёт, руки на бёдрах — поза, демонстрирующая силу. —

Он пришёл сюда ради тебя.

— Не похоже, что он остался ради меня. Скорее, ради Call of Duty, — машу рукой в сторону телевизора.

— Ты спала! Что ещё ему оставалось делать? — мы кричим друг на друга, но ни один из парней не обращает на нас никакого внимания.

— Не знаю, но не собираюсь торчать здесь и ждать, пока он закончит, как одна из его поклонниц, — я не схожу с ума от того, что он здесь. На самом деле. Я что, должна просто подбежать и поприветствовать его, словно ждала всю ночь, когда он появится? Должна ли я поблагодарить Келли за то, что она заставила его приехать сюда?

Думаю, мой ответ «нет».

— Спасибо, что пришла, — честно говорю я ей. Я рада, что она пришла. Другая моя соседка, Фелиша, пошла на свидание, так что я была бы единственной девушкой среди трёх парней. Присутствие Келли здесь уравнивало ситуацию, и именно она убедила их дать нам сыграть в Mario Kart, что было очень весело. — Я хорошо провела время.

— И я тоже, — Келли отстраняется от меня, поджав губы. — Ты должна ему хоть что-нибудь сказать.

— Что, например? Рада, что ты пришёл и повеселился, стреляя в плохих парней? — взмахиваю рукой. — Просто дай ему повеселиться. Он даже не заметит, что я ушла.

И выхожу из гостиной, прежде чем Келли успеет сказать что-нибудь ещё. Зная её, она бы попыталась убедить меня остаться, а я хочу побыть наедине со своими мыслями.

Он действительно пришёл сюда, чтобы увидеть меня? Конечно, пришёл. Он не дружит с моими соседями, и уж точно не дружит со Стивеном. Единственный человек, который ему нравится и который сейчас в этом доме, — это Келли. Это означает, что она имеет какое-то отношение к его внезапному появлению.

Я прощу её и на этот раз оставлю всё как есть. Но если она снова попытается повернуть нечто подобное, я разозлюсь. Мне не нужно, чтобы Тристана Прескотта приводили в мой дом, как какой-то приз.

У меня и без того хватает проблем. Мне не нужно добавлять к ним ещё и его.

Занимаясь своей вечерней рутинной, запираюсь в ванной и умываюсь, удаляю остатки макияжа с глаз, а затем лосьоном смазываю кожу, не только лицо, но и практически всё тело. Я большая любительница увлажнения, получила эту привычку от мамы, и мне кажется, это реально помогает.

Что ж, посмотрим, будет ли это ещё помогать, когда мне будет за сорок.

Выхожу из ванной, остаю в узком коридоре, чтобы подслушать, что происходит в гостиной — постоянная стрельба, голоса парней. Келли спрашивает, не хочет ли кто-нибудь пива, и Джефф кричит, что хочет выпить рюмку текилы. Они все одобрительно кричат, и я слышу звон бокалов, когда Джефф или Келли роются в шкафах. Это всего лишь моё предположение.

Меня так и подмывает пойти туда и присоединиться, хотя я только что почистила зубы. Надеюсь привлечь внимание Тристана. Надеюсь поговорить с ним, хотя понимаю, что это бессмысленно. Глупо.

Опасно.

Ииии, это мой сигнал идти в кроватку.

Закрыв за собой дверь спальни, поворачиваю замок и быстро переодеваюсь из штанов для йоги и толстовки, натягивая шорты на один размер меньше, купленные в Victoria's Secret, когда мне было шестнадцать. Тогда они были впору, но после постоянных стирок и увеличения объёмов моей попы теперь мои ягодицы практически выпирают. Поэтому, они были превращены в шорты для сна. Натягиваю старую майку — с самого детства, когда я сплю, мне жарко — и снимаю серьги, когда слышу тихий стук в дверь.

Я бросаюсь к двери, качая головой.

— Я думала, мы уже попрощались... — начинаю я, открывая дверь, думая, что это Келли. Но это не так.

Это Тристан.

Его руки подняты над головой, вцепившись в верхнюю часть дверного проема, бицепсы напряглись в рукавах рубашки. Он выглядит... восхитительно.

— Мы даже не поздоровались, — парирует он, одаривая меня едва заметной улыбкой.

Улыбкой, которая говорит о многом, но в то же время и ни о чём.

— Чего ты хочешь? — тихо спрашиваю я, изо всех сил вцепившись в дверную ручку. Либо так, либо отпустить и растечься лужицей от того, что он так близко.

Он шевелит челюстью, мышцы на щеке напрягаются, прежде чем он говорит:

— Я почти уверен, что ты точно знаешь, чего я хочу.

От его слов мои колени слабеют. Меня. Он говорит обо мне. Я прижимаюсь к двери, нуждаясь в барьере между нами. На мне почти ничего нет, а я не хочу, чтобы он видел меня такой. Без косметики, с небрежным пучком на голове. Выгляжу ужасно. Простой и скучной, в то время как он ослепителен и великолепен, и всё, что ему нужно делать, это стоять и дышать.

— Ты даже не знаешь меня.

— Нам снова придётся повторять это утомительное объяснение? — раздражённо спрашивает он. Мышцы на его руках напрягаются, привлекая моё внимание, и я задаюсь вопросом, каково это, когда эти руки обнимают тебя. — Мне не нужно знать тебя, чтобы мы могли...

— Не говори этого, — протягиваю руку и снова касаюсь его рта, как будто не могу контролировать себя. Мои пальцы прижимаются к его полной нижней губе, изучая её. Наслаждаясь ею. Когда он приоткрывает губы, выдыхая горячий порыв воздуха, я почти убираю руку.

Почти.

Не сейчас. Наслаждайся. Наслаждайся тем, что он так близко.

— Ты должен уйти, — шепчу я дрожащим голосом, всё моё эмоциональное существо потрясено до глубины души. Я не была так напугана с тех пор, как пришла в суд на вынесение приговора моим родителям.

Но это было совсем другое. Тогда мне было страшно. Волнуясь за родителей, я в то же время и злилась. Противоречивые эмоции переполняли меня всё утро, и я нервно расхаживала по комнате, заламывала руки и волновалась о своём будущем. Пока я переживала, мои родители консультировались со своей командой юристов, ни разу не спросив, всё ли со мной в порядке.

Я должна была воспринять это как знак. Они были эгоистами. Всегда. Ставя свои собственные дела и чувства выше всего остального и совершенно не заботясь о своём ребёнке.

Когда приговор был официально вынесен, я испытала странное чувство облегчения. Наконец-то я всё поняла. Я была по-настоящему одинока.

Я и раньше долгое время была одна, просто до того момента никогда это не было настолько очевидно.

С Тристаном я абсолютно ничего не знаю, и это самое страшное. Что творится у него в голове? Что им движет? Почему он пытается переспать с каждой девушкой, которую встречает? Не знаю, почему он здесь, почему он заинтересован, почему он не оставит меня в покое. Я показала ему всеми возможными способами, что не хочу иметь с ним ничего общего.

И все же он здесь. Настойчивый, как чёрт, и, судя по решительному выражению его красивого лица, он не готов отказаться от меня. Опускаю руку, боясь, что сделаю что-нибудь сумасшедшее. Например, схвачу его за шею и притяну к себе для поцелуя.

— Я здесь ради тебя, — тихо признаётся он. — Но ты спала. Я не хотел тебя будить.

Его признание... милое. А Тристан не делает ничего милого. Я это точно знаю. Я достаточно наслышана о нём — от Келли, чтобы понять, что он парень-шлюха высочайшего калибра. Когда Шеп начал встречаться с Джейд, Тристан начал иметь всех и вся ещё больше. А когда Гейб и Люси стали парой?

Келли сказала, что Тристан каждую ночь встречался с новой девушкой, словно навёрстывал то, что упустили другие парни.

Прерывисто вздохнув, решаю быть с ним честной.

— Мне кажется, Тристан, ты просто «хочешь-то-чего-не-можешь-иметь». А ко мне это не имеет никакого отношения.

Его глаза темнеют.

— Видишь ли, в том-то и дело. Это всё имеет отношение к тебе. Я не могу перестать думать о тебе.

Мы молча смотрим друг на друга. Я не могу поверить, что он только что это сказал. Судя по выражению его лица, он тоже не может поверить, что сказал это.

— Тебя интересует Стивен? Он хороший парень, — Тристан делает паузу. — А я нет.

— Мне нравится Стивен, — вспышка разочарования во взгляде Тристана при моём признании очевидна.

— Ну, естественно, нравится, — бормочет он с отвращением. — Я всё понял. Ты права. Я должен уйти.

Он отпускает дверной косяк и опускает руки по бокам, я протягиваю ладонь, чтобы прикоснуться к нему, кладу её на его грудь и ощущаю, как под моими пальцами громыхает его сердце.

— Не уходи, — шепчу я.

Тристан хмурится.

— А как же Стивен?

— Он мне не нравится... в этом смысле, — я впираюсь пальцами в ткань его рубашки. Он такой тёплый. Такой твёрдый. Интересно, везде ли он такой тёплый и твёрдый? Всё моё тело вспыхивает при этой мысли, и мне хочется обмахнуться веером. Воздух потрескивает от невидимой энергии, которая, как я чувствую, кружится между нами, вызывая у меня головокружение.

Заставляя меня хотеть его, хотя я не должна.

— А в каком тогда смысле? — интересуется он, скользя взглядом вниз, туда, где я

хватаяю его за рубашку.

— Не в том, в каком нравишься ты, — признаюсь я еле слышным шёпотом. У меня пересохло в горле. Сердце бешено колотится. Если он скажет что-нибудь издевательское и глупое, я его ударю. Серьёзно. Я только что призналась в том, о чём никогда не хотела бы, чтобы он знал, и, если он посмеётся надо мной, я сойду с ума.

Он медленно тянется ко мне, обхватывая моё запястье своими длинными пальцами, которыми я восхищалась ранее, его хватка ослабевает, и от его прикосновения по моей руке пробегают мурашки, рассеиваясь по всему телу.

— Я тебе нравлюсь.

— На самом деле большую часть времени это не так, — Тристан поглаживает большим пальцем по внутренней стороне моего запястья, и я впиваюсь зубами в нижнюю губу, чтобы не дать вырваться всхлипу. — Ты меня, вроде как, раздражаешь.

Он улыбается, прижимает большой палец к моей коже прямо там, где прощупывается мой хаотичный пульс. Видит ли он, что делает со мной?

— Да?

— И ты безумно высокомерный.

Он пожимает плечами.

— Я всегда был таким.

Господи, мне хочется дать ему пощёчину. Или притянуть к себе и поцеловать.

— Ты ведёшь себя так, словно ты божий дар для девушек, — замечая я.

— У меня было много девушек.

Моё сердце сжимается. Он продолжает в своём репертуаре, и я, определенно, пошлю его.

— Что ужасно, так это то, что ты гордишься этим маленьким фактом, не так ли?

— Только потому, что это помогло мне понять, чего я хочу, — он тянет меня за запястье, притягивая ближе. Что он имеет в виду? — Разве тебе не любопытно, Александрия?

Он подносит мою руку к своему рту и целует тыльную сторону, едва касаясь кожи мягкими губами. Мои ноги кажутся бескостными, и я сжимаю колени, чтобы не упасть. Я хочу умереть, просто сгореть и рассыпаться на миллион крошечных кусочков. И чтобы больше никто меня не видел. И это всего лишь после одного простого поцелуя в тыльную сторону моей ладони.

Я жду, затаив дыхание, мои пальцы дрожат в его хватке. Он поднимает голову, его взгляд, тёмный, таинственный и такой невероятно сексуальный, встречается с моим, и я хочу ответить «да» на всё, что он скажет дальше.

— Любопытно что? — наконец реагирую я, гордясь, что мой голос такой ровный. Внутри же у меня полный бардак.

— На что это будет похоже между нами, — он делает шаг вперёд, а я делаю шаг назад, внезапно нуждаясь в пространстве. — Я думаю, нам было бы хорошо вместе.

— Если ты говоришь о сексе... — я вздрагиваю, и он качает головой.

— Почему всегда всё сводится к сексу? — он ухмыляется.

И это говорит парень, который прячется в ванных комнатах, пытаюсь найти цыпочку, готовую перепихнуться. Умоляю.

— Потому что это ты.

Он хихикает, глубокий звук посылает пульсирующее ощущение по всему моему телу,

устраиваясь между моих ног.

— Может, с тобой я хочу чего-то другого?

Я хмурюсь.

— Чего, например? — а что, я не в счёт? Этот человек так невероятно бесит. В одно мгновение я не хочу больше никогда его видеть, а в следующее задыхаюсь от предвкушения, что он сделает что-нибудь, что угодно, чтобы облегчить боль глубоко внутри.

Словно властный засранец, каким и является, он протискивается в мою комнату, не оставляя мне другого выбора, кроме как отступить, впуская его. Он закрывает за собой дверь и хватает меня, разворачивая так, что я прижимаюсь к стене, а он...

Прижимается ко мне.

— Только один поцелуй, — шепчет он, двигая бёдрами так, чтобы я могла чувствовать каждый дюйм его тела. И, поверьте мне, там много дюймов. — Мне до смерти хотелось узнать, каков на вкус твой рот, Александрия. Позволь мне попробовать.

У него глубокий голос. Чувственный. Одурманивающий. Я приоткрываю губы в предвкушении, мои глаза закрываются, когда он двигается по моей челюсти, обводя большим пальцем мою нижнюю губу. Из меня вырывается судорожный вздох, и мой рот открывается.

Я хочу, чтобы он поцеловал меня. Умираю, как хочу.

А потом его рот оказывается на моём. Мягкое прикосновение губ к губам, мои приоткрываются при первом прикосновении, как и его. Электричество пробегает по венам, зажигая кровь, и я вздыхаю, обдавая его губы своим дыханием. Он придвигается ближе, прерывая поцелуй, поднимает руки, чтобы обнять мои щёки, и затем снова целует меня.

И я пропала.

ГЛАВА 10

Тристан

Господи, её губы. Они такие мягкие, влажные, тёплые и... безотказные. Жаждающие. Прижимающиеся к моим, пока я снова целую её. И снова. Язык ещё не задействован — что, чёрт возьми, со мной не так — и я наслаждаюсь её вкусом. Изучаю форму её губ, слушаю прерывистое дыхание, когда прикусываю её нижнюю губу зубами и нежно тяну.

Ей это нравится. Запоминаю на потом.

Александрия растворяется во мне, её руки упираются в мою грудь, прежде чем она медленно скользит ими вверх и обнимает меня за плечи. Её аромат, сладкий и чистый, наполняет мою голову, и на вкус она, как зубная паста, вся мятная, свежая, прямо как из долбаной рекламы.

Я глажу её щёки большими пальцами и прижимаюсь сильнее, и, когда прерываю наш поцелуй, она наклоняет голову назад. Медленно открываю глаза и обнаруживаю, что её глаза всё ещё закрыты. Мечтательный вздох срывается с её губ, и от этого звука мой желудок скручивается в узел. Чёрт, поцелуй был так хорош, как я и предполагал. Может, даже лучше — хотя не знаю, так ли уж это хорошо. Скорее, плохо.

Да. Плохо. Чертовски плохо.

Её глаза медленно открываются, язычок выскальзывает наружу и скользит по нижней губе. Интересно, она пробует меня на вкус? Хочет ли она ещё? Я беззастенчиво смотрю на неё, скользя руками по её шее, по плечам, а взглядом — по всей длине тела, отмечая тонкую майку и крошечные шорты...

— Чёрт, что на тебе надето? — звучу так, словно нахожусь в агонии, и, чёрт возьми, так

оно и есть. Отступаю от неё, держа Александрию за плечи и глядя на её едва прикрытое, невероятно сексуальное тело.

Если первое прикосновение её губ к моим не помогло, то видеть её такой только усугубляет. Я так твёрд, что мой член прижимается к ширинке, отчаянно желая вырваться и начать трахаться.

— Я собиралась лечь спать, — признаётся она тихим голосом. Она смотрит на меня льдисто-голубыми глазами, затуманенными похотью. — Я думала, это Келли.

— Я, определённо, не Келли, — заявляю, прижимая Александрию к стене, скользя руками по её талии, познавая её форму, лёгкий изгиб бёдер. Она худая, в ней мало что есть, и я задумываюсь о своих обычных предпочтениях. Мне нравятся девушки с тёмными волосами и глазами, невысокие и пышные, с большими сиськами и задницей. С тем, за что можно ухватиться, пока жёстко трахаешь её. Эй, я даже могу признаться, что, впервые увидев девушку Гейба, тут же оживился. Люси абсолютно в моём вкусе.

Но я не сую свой член в девушку, за которой приударяет мой друг. Чёрт, эти двое утверждают, что любят друг друга. Гейб серьёзно относится к ней, а я просто... проклятье. Это сводит меня с ума. Сейчас я смотрю на Люси и не вижу ничего, кроме имени Гейба, отпечатанного на ней. Это совершенно запретная зона.

Раньше у меня никогда не появлялось первобытной потребности, чтобы женщина была только моей, но стоит только представить какого-то другого парня, прикасающегося к Александрии, например, того же славного парня Стивена, — и я зверею. Чертовски зверею.

Что это вообще значит?

— Зачем ты пришёл сюда? — интересуется она тихим и мягким голосом. Я наклоняюсь и прижимаюсь лбом к её лбу, закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Я должен солгать и сказать, что хотел перепихнуться. Свести всё к этому. Ничего, кроме секса. Вот и всё, что должно быть. Это всё, что обычно бывает.

С самого первого момента, как я встретил Александрию, ничто не было обычным. Словно нахожусь в другой реальности, особенно сегодня вечером. Тусуюсь с чуваками субботним вечером, играя в видеоигры, надеясь, что смогу поладить с девушкой, вырубившейся на диване. Она думала, что я не обращаю на неё внимания, но я слышал каждое её слово.

У него нет никаких чувств.

Да. Мне не раз говорили об этом. Я искренне согласен с этой оценкой.

Не похоже, чтобы он остался ради меня. Скорее, ради Call of Duty.

На этот счёт она совершенно не права. Единственная причина, по которой я пришёл, была именно она.

— Я хотел тебя увидеть, — наконец честно признаюсь, отрываясь от неё, чтобы видеть её лицо. — Но ты спала, и они пригласили меня поиграть, так что...

Александрия держит голову склонённой, взгляд опущен. Её руки снова на моей груди, пальцы играют с тремя пуговицами на верхней части моей рубашки, и моё тело напрягается. Я хочу знать, каково это — чувствовать эти руки на своей голой коже.

— Не знала, что ты фанат Call of Duty.

— Есть много вещей, которых ты обо мне не знаешь, — я дотрагиваюсь до её подбородка, провожу пальцами по её челюсти. Она поднимает голову, и её взгляд встречается с моим. Девушка задирает голову ещё выше, закрывает глаза, а губы приоткрывает.

Это приглашение, от которого я не собираюсь отказываться.

Я снова целую её, скольжу руками к задней части бёдер и углубляю поцелуй. Легко подхватываю её, Александрия обхватывает длинными ногами мою талию, в то время как я облизываю линию, где соединяются её губы. Она открывается для меня, я переплетаю свой язык с её, издавая низкий стон в горле от этого первого нежного, робкого прикосновения. Александрия ведёт руками вверх, останавливаясь на моём затылке, прежде чем скользнуть в мои волосы.

Господи, она ощущается так хорошо. Её одежда такая тонкая, что я чувствую её. Мягкую и тёплую, обжигающе горячую между ног, прямо напротив моих джинсов. Держу пари, она мокрая. И спорю, если я просуну руку под эти крошечные, неприличные, чертовски потрясающие шорты, не найду ничего, кроме мокрой киски. И всё из-за меня...

Кто-то стучит в её дверь. Три коротких удара, которые пугают нас обоих, отчего Александрия задыхается у моих губ, а я останавливаюсь, тщательно исследуя языком её рот. Поднимаю голову, она опускает руки мне на плечи, мы оба сохраняем гробовую тишину, ожидая, когда тот, кто стучит, уйдёт.

Иди нахрен отсюда.

Тишина. По ту сторону двери ничего не слышно, мы уже собираемся возобновить поцелуй, когда стук повторяется снова, на этот раз громче. Более настойчиво. Если это Келли, я убью её.

— Эй, — голос по ту сторону двери явно мужской и слегка неуверенный. — Алекс? Ты там?

Застонав, закрываю глаза и ударяюсь головой о стену рядом с Александрией. Это Стивен.

Ну, конечно же.

— Тебе нужно... — Александрия толкает меня в плечи. — Уйти, или что-нибудь в этом роде.

Я поднимаю голову и смотрю на неё.

— Куда, чёрт возьми, мне идти? — шепчу я, оглядывая крошечную комнату. — Ты хочешь, чтобы я спрятался в кровати? — приподнимаю брови, не теряя надежды.

— Нет. Боже, ты извращенец, — она снимает ноги с моей талии, и я неохотно отпускаю, её ноги с мягким стуком опускаются на пол. — Э-э, одну минутку, Стивен! — кричит она в дверь.

Я свирепо смотрю на неё.

— Ты действительно собираешься поговорить с ним прямо сейчас? Скажи ему, чтобы проваливал.

— Ну же, — она пихает меня. — Спрячься в шкафу. Я не могу позволить ему увидеть тебя в моей комнате.

— Почему, чёрт возьми, нет? — мы шёпотом спорим друг с другом, и это смешно. Держу пари, Стивен нас слышит. Чёрт, надеюсь, что слышит, потому что я хочу, чтобы он знал — она моя. По крайней мере, на сегодня. Я в её комнате, она была в моих объятиях, и ещё минуту назад мой язык был у неё во рту. Это должно что-то значить — например, что она моя, верно?

Никогда раньше я не претендовал на цыпочку. Для меня такое в новинку.

— Потому что не могу! Просто я... тьфу, — она бежит к своему шкафу и, открыв дверь, машет мне рукой, чтобы я лез в узкое пространство. Она сумасшедшая. Я едва смогу там

поместиться. Скрестив руки на груди, медленно качаю головой.

— Ни за что. Я останусь прямо здесь. Либо ты дашь ему понять, что я здесь с тобой, либо приоткроешь дверь и высунешь голову, как ты это сделала со мной, — предлагаю я. Я не буду прятаться. К чёрту всё это.

— Как будто это удержит его. Ты же ворвался сюда, — она упирает руки в бёдра, и у меня пересыхает во рту, пока продолжаю пялиться на неё. Серьёзно, этот наряд, который на ней, ничего не скрывает. Её соски упираются в тонкую ткань майки, подол задирается, предлагая мне взглянуть на её плоский бледный живот, а ноги, кажется, тянутся на мили.

Блин, она невероятно горячая штучка. Я отказываюсь покидать эту спальню, не получив сначала кусочек этого тела.

Должны же быть приоритеты, верно?

— Он не станет врываться сюда, — уверяю я её, махнув рукой в сторону закрытой двери. — Поверь мне.

Она смотрит на меня, и я улавливаю момент, когда до неё доходит, что я прав. У неё поникли плечи, она опускает руки с бёдер и указывает в угол, где стоит кровать.

— Тогда подожди там, пожалуйста.

Чувствуя себя самодовольным, подхожу к постели в самом дальнем углу комнаты, и наблюдаю, как она медленно открывает дверь, оглядываясь вокруг, и делает, как я прошу. Даря мне самый превосходный вид на её задницу.

— Ты в порядке? Я тебя разбудил? — спрашивает Стивен, как только видит её, и в его голосе звучит беспокойство — женоподобная задница, косящая под бойфренда.

— Я в порядке. Я как раз собиралась ложиться. Что случилось? — я слышу улыбку в её голосе и понимаю, что со мной она никогда так не говорила — с милой улыбкой на лице и ещё более сладким голосом, ему под стать.

А я хочу этого. Проклятье, я сделаю своей жизненной миссией услышать, как она говорит со мной так хотя бы раз.

— Я хотел пожелать тебе спокойной ночи. Конечно, нам не удалось толком поговорить, и мне как-то неловко из-за этого. Но ты спала, а я не хотел беспокоить тебя. К тому же, должен признаться... надеюсь, придя сюда потусоваться с Конрадом, не спросив у тебя сначала, я не разозлил тебя.

Этот парень. Я закатываю глаза от его неумения заигрывать. Ему стоит поучиться, как разговаривать с женщиной, срочно.

— Да ничего страшного. Вы же дружили с Конрадом изначально, я всё понимаю.

— Да, но мне хочется, чтобы ты знала, я пришёл сюда не только ради Call of Duty и пиццы, — он замолкает, и, клянусь, я слышу, как он шаркает ногами. — Я пришёл сюда, чтобы и тебя увидеть.

Раздражение грозит задушить меня. Вот так парень только что повысил свои шансы. Я практически слышу, как прямо сейчас в мозгу Александрии проносится «ооооо».

— Я очень рада, что ты пришёл, — тихо говорит она.

Невероятно. Ей нравится мимишная и неловкая ерунда.

Другими словами, я в полном дерьме.

Алекс

— Могу я написать тебе завтра? — с надеждой спрашивает Стивен, его карие глаза блестят и кажутся особенно огромными за очками.

— Конечно, — пожимаю плечами, не зная, как ещё ответить. Может, равнодушно?

Нельзя прямо сказать ему «нет», это было бы невежливо. Но также не хочется поощрять его. Чувствую себя ничтожеством, разговаривая с одним парнем, пока в моей спальне находится другой. Серьёзно, в кого я превратилась и что стало с моей жизнью? Я начала семестр, убеждая себя, что мне нужно избегать парней, и что, вместо этого у меня полномасштабный любовный треугольник?

Ну, не настоящий любовный треугольник. Я не собираюсь связываться ни с одним из этих парней. Мне всё равно, насколько добр Стивен и как здорово целуется Тристан. Они оба исключены из моей жизни после сегодняшнего вечера.

Может быть...

Дерьмо.

Я сжимаю свои опухшие губы и клянусь, что всё ещё чувствую вкус Тристана. Ужасного, кошмарного, высокомерного, сексуального, великолепного Тристана. Он же на самом деле мне не нравится. То, как Тристан посмотрел на меня прямо перед тем, как я подошла к двери, чтобы ответить Стивену, как его взгляд пробежал по моему телу, словно мог раздеть меня глазами. Так высокомерно, так надменно.

Я хочу, чтобы он снова поцеловал меня. Я хочу чувствовать его руки на себе.

Быть в центре его внимания.

Стивен улыбается, и я улыбаюсь в ответ, потому что ничего не могу с собой поделать. Он такой милый и хороший, и ненавижу его обламывать, но...

В конце концов, мне придётся его обидеть. Я не могу рисковать пойти с ним на ещё одно свидание, потому что, кажется, я ему действительно нравлюсь.

А меня действительно тянет к кому-то другому.

К кому-то, кого я чувствую рядом. Такое ощущение, что его доминирующее присутствие заполняет всю комнату, и не могу поверить, что Стивен этого не чувствует. Не чувствует его. Моё тело всё ещё вибрирует от того поцелуя, от прикосновения рук Тристана ко мне. Я обхватила его ногами, и он прижался ко мне, словно хотел, чтобы я... о, даже не знаю, трахнула его, или что-то в этом роде?

Меня бросает в жар от одной этой мысли. Я, наверное, могла бы кончить от его ноги, как какая-нибудь чокнутая на всю голову извращенка. Так унижительно.

— Значит, увидимся потом? — спрашивает Стивен, его голос прорывается в мои мысли, возвращая к реальности.

— Да, — я улыбаюсь шире, сжимая ручку так сильно, что моя потная ладонь почти соскальзывает с неё. Когда я прикрывала дверь, нервы уже просто звенели внутри меня. Нужно, чтобы этот разговор закончился, прежде чем я скажу или сделаю что-то глупое и всё испорчу. — Спокойной ночи.

— Спокойной, Алекс, — дверь захлопывается при звуке моего имени, слетающего с губ Стивена, и я прижимаюсь головой к дереву, закрывая глаза. Слышу, как Стивен уходит, слышу, как Тристан двигается по комнате, а затем ощущаю его прямо за собой. Стоящего так близко, что я чувствую его, тепло его тела, запах его кожи.

Он кладёт руку мне на талию, пальцы скользят под подол моей майки, касаясь обнажённой кожи. И это не случайность. Я знаю, что он делает.

И это работает.

— Я думал, он никогда не уйдёт, — горячо шепчет он мне в шею, прежде чем поцеловать её.

Я отрываю голову от двери и наклоняю её в сторону, даря лучший доступ. Он пользуется

им, его рот прожигает дорожку влажных поцелуев вдоль моей шеи и в особенно чувствительном местечке за ухом. Я вздрагиваю, отстраняясь от него, но он просто увивается за мной, его рука всё ещё на моей талии, а губы на моей шее.

— Тристан, — вся моя выдержка уходит на то, чтобы сказать следующие слова. — Остановись. Пожалуйста.

И он останавливается. Его рука опускается, губы исчезают, я поворачиваюсь и вижу, что он наблюдает за мной с совершенно разъярённым выражением лица. Глаза дикие, волосы в беспорядке — от моих рук, должна добавить, — губы красные и опухшие, и вот так просто, я хочу наброситься на него. Толкнуть его на кровать и подчинить своей воле.

Но я этого не делаю. Я стою на своём. Придерживаюсь своих инстинктов. А они кричат мне, чтобы я прогнала его к чёртовой матери из моей комнаты.

— Думаю, тебе лучше уйти, — выдавливаю я, с трудом сглатывая. Мой голос слегка дрожит, и я ненавижу это. Не хочу показаться слабой. Он увидит слабое место и выйдет на охоту.

Мне знаком его тип. Я уже имела с такими дело. Уверенные в себе, красивые парни из богатых семей, получающие всё, что хотят и когда хотят. Включая девушек. В прошлом я позволила нескольким из них добраться до меня.

Больше этого не произойдёт. Они все причинили мне боль в тот или иной момент, включая моего отца. Я беспокоюсь, что конкретно этот парень нанесёт сильный удар по моей уверенности в себе...

— Ты действительно хочешь, чтобы я ушёл? Даже после того маленького спектакля для Стивена? — в его голосе слышится недоверие. Ему, наверное, никогда в жизни не говорили «нет».

— Это был не спектакль. Я не могу... иметь дело с вами обоими сегодня, — хватаю толстовку со спинки ближайшего стула и надеваю её, застёгиваю молнию спереди, полностью прикрываясь. Разочарование в глазах Тристана очевидно.

— Так он соперник?

— В чём?

— В борьбе за тебя, — он делает шаг вперёд, подходит ближе, и мне хочется вскинуть руки перед собой, чтобы заставить его остановиться. — Ты хочешь его? Стивена?

— Я... — мой голос срывается. Ответ «нет». Я не собираюсь играть ни с одним из этих парней, и я, определённо, не собираюсь сравнить их друг с другом. — Он мой друг.

— Такой же друг, как и я?

— Я бы не назвала нас друзьями.

— Ты хочешь, чтобы мы были с тобой друзьями, Александрия?

Он, правда, так сказал?

— Ты хочешь быть моим другом, Тристан?

— Нет, — он качает головой, и на мгновение я разочарована. Мне жаль. Я огорчена. Всё это. — Я хочу раздеть тебя и трахнуть. Большая разница.

У меня отвисает челюсть. Он...

— Ты невероятен.

— Я честен. Вот почему с этим так трудно иметь дело, понимаешь? — он подходит ко мне, и я отступаю, ударяясь задом о стену. Снова. Почему он всегда загоняет меня в угол? Потому что догадывается, что при первой же возможности я просто убегу и спрячусь? — Ты не можешь сказать, что не почувствовала этого, когда мы целовались.

— Не почувствовала что? — вяло спрашиваю я. Он так близко. Его грудь касается моей, и я откидываю голову назад, встречаясь с ним взглядом. Его глаза ярко горят, и, кажется, что их свет затрагивает что-то глубоко внутри меня, отчего мне невероятно трудно дышать.

— Это, — он касается моих волос, заправляет прядь за ухо так нежно, что мне приходится закрыть глаза из-за сильной волны желания, поглощающей меня. — Ты чувствуешь это, — шепчет он. — Стоит мне прикоснуться к тебе, и между нами словно искры летают. Стоит мне посмотреть в твои глаза, и мне кажется, что я, блин, тону. А когда целую тебя, мне вообще не хочется останавливаться.

Я сжимаю губы, ожидая прикосновения его губ к моим. Я надеюсь на это. Я жажду этого. Я так этого хочу, что уже практически чувствую его.

Но этого не происходит.

Я медленно открываю глаза и обнаруживаю, что он наблюдает за мной, но не прикасается.

— Ты же знаешь, я могу сделать так, чтобы это стоило твоего времени, — бормочет он, проводя большим пальцем себе по подбородку, по губам. Губам, к которым я хочу прикоснуться. Он как будто насмехается надо мной, и я ни на мгновение не сомневаюсь, что это спланировано. Он точно знает, что делает. — Но тебе не хватает смелости, чтобы позволить этому случиться.

— Ты считаешь меня трусихой? — спрашиваю я.

Он кивает, крошечная улыбка изгибает его идеальный рот.

— Да.

— Если ты думаешь, что этим заставишь меня действовать, ты ошибаешься, — отталкиваюсь от стены и обхожу его, приближаясь к своей кровати. — Уже поздно. Тебе лучше уйти.

— Конечно, — он засовывает руки в карманы и пожимает плечами, его лицо совершенно непроницаемо. Совершенно невинный вид, что не очень похоже на Тристана. — Как пожелаешь, Александрия.

— Я хочу, чтобы ты ушёл, — снова говорю я, больше себе, чем ему.

— Ладно. Ухожу, — его улыбка становится шире. — Могу я написать тебе завтра?

Я качаю головой.

— Конечно, нет.

Он усмехается и направляется к двери. Я игнорирую разочарование, пронзающее меня. Ему нужно уйти. Его пребывание здесь опасно. Я могу сделать что-нибудь сумасшедшее, например, позволю ему остаться. Сниму с него одежду. Сниму с себя одежду. Мы упадём ко мне в постель. Вместе. Только мы вдвоём.

И это было бы потрясающе.

— Видишь, вот в чём фишка твоего славного Стивена. Он спрашивает, может ли написать тебе, может ли увидеть тебя. И ты всегда отвечаешь «да», — он поворачивается ко мне лицом. — Но стоило мне только что спросить то же самое, ты сказала «нет». В его случае это работает. Он такой чертовски вежливый, что ты не можешь не согласиться, верно?

Медленно киваю, гадая, к чему он клонит.

— А я же? Я не спрашиваю. Я просто делаю. Я не улыбаюсь, не топчусь на месте, не веду себя так, будто я какой-то застенчивый мудака, чертовски надеясь, что ты поведёшься на это. Я не трачу своё время на игры. Я добиваюсь того, чего хочу.

Его грубая и извращённая честность каким-то образом действует на меня.

— И чего ты хочешь?

— Тебя, — он делает три шага и внезапно оказывается передо мной, рукой обхватывает мою шею, притягивая меня к себе, и прижимается жёстким, быстрым поцелуем к моим губам. — Увидимся завтра, — бормочет он, отпуская меня и возвращаясь к двери.

Я ничего не говорю, мои губы всё ещё покалывает от его поцелуя. Он открывает дверь и с улыбкой поворачивается ко мне.

— Спокойной ночи, Александрия.

Дверь за ним закрывается прежде, чем я успеваю произнести хоть слово.

ГЛАВА 11

Алекс

— Ты ужасная, — я плюхаюсь в кресло и смотрю на Келли через стол. Она отхлёбывает из своего стаканчика «Старбакс», маленькая улыбка на её лице чертовски самодовольна. — Почему мы снова встречаемся так рано в воскресенье?

— Чтобы решить дурацкую задачу и покончить с этим на сегодня. Вроде как сорвать пластырь, понятно? Быстро и легко, — произносит она, зевая, видимо, «Старбакс» ещё не подействовал. — Кроме того, не так уж и рано.

— Ещё только десять.

— И что?

Ничего не отвечаю, так как вскакиваю со стула, услышав, что меня окликают. Беру свой напиток со стойки и возвращаюсь к нашему столику, надеясь, что тройная порция эспрессо, которую я попросила добавить в свой обычный тыквенно-пряный латте, сделает своё дело и разбудит меня.

Ещё одна ужасная ночь беспокойного сна. Какой сюрприз. Всё, что я делала, — это прокручивала в голове то, что произошло, моменты проигрывались непрерывным циклом. Поцелуй. Поцелуй. Я не могла не реагировать на них, когда должна была. Просто обязана была. Он такой игрок, что, скорее всего, уже перецеловал несколько девушек с тех пор, как мы виделись в последний раз. Мудак.

Тристан доведёт меня до того, что я начну принимать снотворное, уверена.

— Неужели десять для тебя слишком рано в воскресное утро? — спрашивает Келли, когда я снова усаживаюсь за наш столик. Она выглядит озабоченной, что очень забавно. Хотя в таких случаях мамочка Келли показывает свою неприглядную сущность.

— Ну, да. С учёбой, а теперь ещё и моим новым рабочим графиком, я надеялась, что хотя бы воскресным утром можно будет по-настоящему выспаться, понимаешь? Поэтому я хочу наслаждаться своей восхитительной тёплой постелькой, а не беспокоиться о подготовке к дурацкому тесту по статистике. Вчера было много работы. Я устала, ты же видела, — ну, это не совсем ложь. Я устала после вчерашней работы. Но уснуть не могла именно из-за Тристана. Тристан и его волшебные руки, губы и слова... о, его слова.

Они — самые ужасные. И всё же они так невероятно возбуждают. Какой парень признался бы, что он нехороший? Что он просто берёт то, что хочет?

Такой красавчик, как Тристан, вот кто.

— Мы ни разу не говорили о твоём первом рабочем дне, — Келли делает глоток своего напитка. — Как всё прошло?

— Мне понравилось. Владелица, Сэнди, очень мила, и с ней легко общаться. Сначала она даёт мне около пятнадцати часов в неделю, и добавит ещё несколько, если я решу, что

смогу справиться.

— Класс. Я так рада за тебя! — Келли наклоняется, хватая свой рюкзак и расстёгивает его, чтобы вытащить книгу по статистике. — Ну что, готова?

Нет. И никогда не буду. Ненавижу этот предмет.

— Разве не контрпродуктивно готовиться к тесту утром, когда сдавать его будем, по крайней мере, через двадцать четыре часа? На самом деле, скорее даже через тридцать шесть?

— Это была единственная возможность, когда я могла встретиться. Днём мне ещё нужно написать статью. Я встречаюсь со своей исследовательской группой в библиотеке, — Келли открывает книгу и морщится от увиденного. — Боже, какой вообще во всём этом смысл?

— Ты не знаешь? — выпиваю половину своего тыквенного латте как можно быстрее, нуждаясь в дополнительном кофеине, чтобы разбудить организм. — Почему я снова занимаюсь с тобой?

— Потому что у меня есть связи, — хитрая улыбка Келли говорит без слов всё, что нужно знать. — Он должен быть здесь с минуты на минуту.

О. Дерьмо. Она имеет в виду...

— Я тебя убью, — бормочу я, скрещивая руки на столе и роняя на них голову. Проклятье, лучше ему не показываться. Не хочу его видеть. Мой недосып — это всё его вина, и из-за этого я выгляжу как задница, поэтому и в этом тоже виню его.

Прямо сейчас он виноват во всём, и я по этому поводу совершенно не парюсь.

— Доброе утро, дамы.

Его глубокий, немного грубый, безумно сексуальный голос звучит очень близко, и я поднимаю голову, приоткрыв глаза. Келли с весёлым выражением на лице наблюдает за мной, я понимаю, что он стоит позади меня. Надо мной. Да без разницы. Я ощущаю его. Все его тёплые, восхитительно сексуальные вибрации направлены прямо на меня, дабы втянуть меня в свою опасную паутину.

Я медленно поворачиваюсь и откидываю голову назад, пока мой взгляд не встречается с его. Он улыбается мне, дружелюбно, как всегда, и беззаботно. Выглядит так чертовски хорошо в джинсах и — да, вы уже догадались — тёмно-зелёной рубашке с длинными рукавами, облегающей его плечи и грудь, и делающей его глаза более зелёными, чем синими. Его волосы влажные, как будто он только что вышел из душа, и в руке у него кофе. Само воплощение небрежной беззаботности, словно зашёл хороший друг, чтобы помочь нам по доброте своего тёплого и щедрого сердца. Сердца, в существование которого я не верю, если хотите знать моё честное мнение.

— Этим утром ты выглядишь свежей и сияющей, да? — протягивает он, многозначительно глядя на меня. На его лице нет и намёка на признание того, что произошло между нами прошлой ночью.

Да уж. Прекрасно. Подумаешь. Если он может вести себя беспечно, то и я могу.

— Мне от тебя не отделаться, да? — спрашиваю не без иронии. Я тоже притворяюсь. Как будто он не засовывал свой язык мне в рот и не скользил руками по всему моему телу всего несколько часов назад. Как будто я не стонала и не тёрлась о него, зарывшись руками в его волосы, и каждый кусочек здравого смысла покидал мой мозг.

Посмеиваясь, Тристан отодвигает стул рядом с моим — что, ожидалось, что он сядет рядом с Келли? Да ладно. И устраивается поудобнее, при этом задевая рукой мой локоть.

— Я здесь, чтобы помочь вам, Александрия. Мне кажется, что статистика — самый трудный предмет для вас.

— Так и есть, — лезу в рюкзак и достаю свой дурацкий учебник, решив свести всё к учёбе и ни к чему больше.

— И почему же?

— Потому что это математика, тьфу ты, — о, говорю словно капризный ребёнок. Он должен бы сказать мне, чтобы я повзрослела. Я заслужила. Несколько дней назад в библиотеке он действительно помог нам. Нельзя этого забывать. Он здесь в воскресенье утром, тратит своё время, чтобы помочь нам с зубрёжкой. Либо он просто вежлив, либо у него есть скрытые мотивы.

И я почти уверена, что сюда его привели скрытые мотивы, но, наверное, стоит воспользоваться его помощью, пока это возможно.

— Я понял, что те, кто ненавидит математику, обычно просто боятся её, — заявляет он, сцепляясь со мной взглядом. На мгновение замечаю, как в его глазах мелькает что-то тёмное. Напоминая о Тристане, с которым я была прошлой ночью. Который целовал меня, прикасался ко мне и сводил с ума от вожделения. — Не нужно бояться простой логики. Она не навредит.

Он говорит о статистике или о себе?

Келли прочищает горло, и Тристан отрывает от меня взгляд.

— Этот тест огромен, — подчёркивает она. — Не просто еженедельный тест, Трис, а полный обзор всего, что мы прошли за семестр. Я практически ничего не помню из того, что было в течение первых недель занятий. А ты, Алекс?

Киваю, не в силах вымолвить ни слова. Моё сердце, кажется, подпрыгивает в груди, как баскетбольный мяч, и не уверена, что виной тому эспрессо в моём латте.

— Не проблема, — беззаботно говорит он, протягивая руку, чтобы схватить мой учебник. Я бормочу что-то в знак протеста, но он игнорирует меня, склоняя голову над страницами и начиная их листать. Его волосы падают на лоб, каштановые, подсвеченные золотом и такие соблазнительные. Так и искушая меня откинуть их. Пробежаться по ним, потому что они такие мягкие, и мне нравится, как они льнут к моим пальцам...

Издав раздражённый звук в горле, поднимаю глаза на Келли и посылаю ей строгий взгляд, который говорит, что я, чёрт возьми, не могу поверить, что это происходит. Но она только улыбается и шевелит бровями.

И так начинается час абсолютной, чистой пытки. Не только из-за обзора статистики, потому что она довольно трудна. Нет, худшая часть всего этого — сидеть рядом с Тристаном, слушать, как он говорит, смотреть, как его руки двигаются по бумаге, когда он показывает формулу или постукивает по книге, разложенной перед нами, чтобы указать на что-то конкретное. У него красивые руки.

Красивые руки с длинными пальцами, широкими ладонями, руки, которые знали, как прикасаться ко мне. Теперь они растрачиваются на бумагу и учебники, разбираются в проблемах статистики и изо всех сил стараются заставить меня сосредоточиться. Но у меня не получается. Не могу сосредоточиться, когда всё, что я могу — это чувствовать его. Чувствовать его запах. Сейчас его волосы сухие и выются вокруг ушей и шеи. У него всё ещё есть щетина на челюсти и подбородке, что свидетельствует о том, что сегодня утром он не брился, и мне хочется её почувствовать. Провести руками по его лицу и почувствовать, как щетина колет мне ладонь.

Очевидно, я схожу с ума. И, скорее всего, провалю этот тест, потому что не запомню ни слова из того, что он говорит.

— Ты такой умный, Тристан, — повторяет Келли уже в двадцатый раз. — Не знаю, что бы мы без тебя делали.

Я ничего не говорю, потому что мне он совершенно не помогает.

— Мне нужен ещё один кофе, — Келли поднимается, и меня охватывает паника. Я должна пойти с ней. Или сходить в туалет — всё, что угодно, лишь бы не оставаться с Тристаном наедине.

Но ничего из этого я не делаю. Я просто сижу, разинув рот от ужаса, в то время как Келли направляется к стойке, чтобы сделать заказ. Чувствую, как Тристан пялится на меня, но продолжаю смотреть вперёд, сдерживая лёгкий вздох, который зарождается, когда он нежно берёт меня за руку и переплетает наши пальцы вместе.

Как он и сказал прошлой ночью, между нашими ладонями образуются искры, посылая след тепла вверх по моей руке, пробегая по венам. Я с трудом сглатываю и двигаю челюстью, пытаюсь придумать, что сказать, но он опережает меня.

— Ты не слушаешь, что я говорю, не так ли?

Его грубый голос растопляет мою решимость, и я осмеливаюсь взглянуть на него. Но всё ещё не могу придумать, что сказать.

Он, должно быть, думает, что я идиотка.

Его улыбка нежная в отличие от привычной, дерзкой ухмылки, которой он обычно улыбается мне, и я тут же настораживаюсь.

— Тебе всё понятно? Или всё это просто выше твоего понимания?

Скривив губы,жимаю плечами. Я не хочу говорить ему, что не понимаю, потому что сам звук его голоса слишком отвлекает. Или тот факт, что я чувствую его чистый, мыльный запах, и от этого, кажется, становлюсь такой тёплой и пушистой внутри. Я даже не могу говорить, потому что он прикасается ко мне, его пальцы обвиваются вокруг моих...

— Александрия, — мой взгляд останавливается на его губах, стоит ему произнести моё имя. Мне нравится, как он его произносит, как складываются его губы, тот маленький проблеск языка, который виднеется, когда он спотыкается на втором слоге. — Ты что, онемела? Оглохла? Чёрт возьми, а, может, и то, и другое? Блин, ты что, перевоплотилась в Хелен Келлер?

Я отпускаю его руку и толкаю в плечо, отчего он смеётся.

— Прекрати, — бормочу я.

Его смех затихает.

— Серьёзно, ты хочешь, чтобы я ещё раз повторил? Я знаю, что конкретно этот раздел сложен, — он переворачивает страницы моей книги, указывая.

Я накрываю его руку своей, Тристан поворачивается и смотрит на меня.

— Почему ты так добр ко мне?

Это вполне оправданный вопрос. Он не делает ничего хорошего. Он сам об этом заявил вчера вечером. И доказывал это снова и снова. Так с какой стати ему помогать нам готовиться к тесту? Он уже прошёл этот курс. Ему следовало бы спать или валяться в постели с какой-нибудь хорошенькой девушкой, а не тратить время на то, чтобы учить нас с Келли статистике.

Его губы приоткрываются, а глаза становятся пустыми. Словно опускается занавес, скрывая любые эмоции, которые он, возможно, испытывал всего мгновение назад.

— Я делаю это ради Келли.

Я медленно качаю головой.

— Не лги мне, Тристан.

— Может, я хочу залезть тебе в трусики? Таким образом, ты будешь мне должна? — он поднимает брови.

Ладно, всё-таки проблеск настоящего Тристана присутствует. Наверное.

— Значит, теперь ты меняешь свои навыки статистики на секс?

Он улыбается.

— Любые средства хороши, так ведь?

— Ты всё ещё хочешь заняться со мной сексом?

— Тебе не нужно напрашиваться на комплименты, — он тянется к моему лицу, прижимает большой палец к уголку моих губ. — Я бы трахнул тебя прямо сейчас в уборной, если бы ты сказала, что готова к этому.

— Фу, мерзость, — я уворачиваюсь от его руки, и он хихикает. Очень надеюсь, что он шутит. Ну, вроде того. Находясь здесь с ним вот так, ведя себя как обычно воскресным утром, в «Старбаксе», я не знаю, что и думать. Что чувствовать. Он... такой милый. Пытается нам помочь, терпеливо всё объясняет, шаг за шагом повторяя каждый пример. Кто знал, что в Тристане это есть?

— Я должен что-то хотеть от тебя, предлагая свою помощь?

— Не знаю. А ты хочешь? У меня такое чувство, что обычно ты никому не помогаешь.

Он хмурится.

— Нет.

Тристан

Но я готов помочь ей. Почему? Это не просто из-за желания раздеть её. Или... нет. Нет, это не так. Я просто так чертовски заинтригован этой девушкой, что сделаю всё, чтобы заставить её изменить обо мне мнение и посмотреть на мир моими глазами.

И моё представление о мире заключается в том, чтобы раздеть её. Вот и всё. Конец истории.

— Так почему я? — спрашивает она, тыча меня в бок указательным пальцем.

Чёрт, она настырная. И хорошенькая. Очень хорошенькая. Без макияжа, тёмно-русые волосы собраны в хвост на макушке, кожа чистая и гладкая, эти вопрошающие глаза смотрят на меня в ожидании... чего? Что я дам ей надлежащее объяснение?

Как я могу это сделать, если сам не понимаю своих мотивов?

— Потому что ты очень трахабельна? — я вздрагиваю в ту же секунду, как слова слетают с моих губ, а она смотрит на меня. По вечерам в четверг девушки в баре трижды упиваются в восторге, стоит мне сказать, что они сексуально привлекательны. Они каждый раз попадают на эту удочку.

В воскресенье утром в «Старбаксе» зубрежка для теста статистики... Кажется, «трахабельность» не работает.

— В твоих глазах я какая-то грязная плюшевая игрушка. «О, она так восхитительно трахабельна», — Александрия морщится.

— Может, просто неудачный выбор слов, — начинаю я, но она обрывает меня.

— Ты думаешь?

— Уверен, — подчеркиваю я. — И беру свои слова обратно. Ты не трахабельная.

О, вы только посмотрите. Выражение её лица меняется, она выглядит совершенно

грустной из-за того, что я взял назад своё грёбаное замечание. Решайся, красавица. Ты либо хочешь моего внимания, либо нет.

— Вы двое ссоритесь? — спрашивает Келли, усаживаясь обратно на своё место.

— С меня хватит, — Александрия вырывает у меня свою книгу и захлопывает её, затем засовывает в рюкзак. — Либо я усвоила материал, либо нет. Спасибо за помощь, Тристан, — выдавливая она, даже не потрудившись взглянуть на меня, когда встаёт. — Увидимся завтра на занятиях, Келли.

Она вылетает из «Старбакса» прежде, чем мы с Келли успеваем что-нибудь сказать, чтобы остановить её.

— Это было странно, — медленно произносит Келли, потягивая свой напиток. — Что только что произошло?

— Ну, не знаю, — я смотрю на дверь, желая, чтобы она вернулась. Желая большего, чтобы я мог последовать за ней. Но я не бегаю за девушками. Не таким образом. Завоевание происходит, поскольку они сами приходят ко мне. Я притягиваю их, как мёд пчел. Это просто. Улыбаешься, говоришь что-нибудь кокетливое, бросаешь намёк, смотришь им в глаза, прикасаешься к ним и бац. Они твои на ночь. Иногда они хотели бы быть твоими после ночи, но я никогда не позволял дойти до этого момента. Не совсем. Если только они не сумасшедшие и не мечтают о свадьбе с первого взгляда, как встретят тебя.

У меня была одна такая на первом курсе. Самая страшная херня на свете. Она меня практически преследовала. Гейбу и Шепу это показалось забавным.

Они такие.

— Ты ляпнул что-то, что её обидело, — Келли заявляет об этом, не спрашивая, как это сделал бы нормальный человек.

— Не знаю, — вскидываю руки в воздух, разочарование течёт по моим венам. — Её трудно понять.

— То же самое она говорит о тебе.

Я замираю.

— Она говорит обо мне?

Келли кивает, всё ещё потягивая свой напиток. Книга статистики лежит между нами, совершенно забытая. Теперь, когда Александрия ушла, у меня нет желания помогать. Я даже не хочу смотреть на эту дурацкую книгу.

Прости, Келли.

— Что ещё она говорит обо мне? — любопытно я, когда Келли ничего больше так и не сказала.

— Ничего особенного. Она пытается устоять перед тобой.

Да неужели.

— Ей нравится Стивен, но она не заинтересована в нём.

— И с чего ты это взяла?

Келли выгибает бровь.

— Ты боишься, что Стивен может увести её у тебя из-под носа?

— Да некого там уводить! В этом смысле она меня не интересуется, — брови Келли поднимаются ещё выше. Как она это делает? — Я серьёзно. Стивен хочет покупать ей цветы, приглашать на свидания и сделать своей девушкой. Я же просто хочу раздеть её и заняться с ней потным, потрясающим сексом.

— Обычно, ты не традишь столько времени, добываясь какой-то девчонки, — замечает

Келли. — Ты ведёшь себя не так, как обычно.

— А как вообще обычно?

— Если мы говорим о тебе? Ну, давай посмотрим, — она постукивает пальцем по поджатым губам, обдумывая мой вопрос. Я практически ёрзаю на стуле. Не хочу слышать ничего такого, особенно от Келли, которая наблюдает за мной уже некоторое время. — Одна девчонка за другой, по одной на каждую ночь недели. Немного капризный, очень ворчливый, постоянно подкалывающий своих друзей, когда те решают остепениться.

Я не смотрю на неё. Она права.

— У меня такое чувство, что, когда вас было трое против всего мира, вы были счастливы. Вас это устраивало. Вы были в своей стихии, — Келли замолкает, я поднимаю взгляд и понимаю, что она смотрит на меня с... — сочувствием в глазах? Да ладно. Теперь у меня больше тёлочек, чем когда-либо, когда приходилось делить их с Гейбом и Шепом. — Они променяли тебя на отношения, и ты с трудом с этим миришься. Одиноким волк среди всех этих слюнтявых девушек, выстроившихся в очередь, желая получить кусочек тебя.

— Так вот как ты это видишь?

— Вроде того, — соглашается она. — И это всё, что ты видишь, когда смотришь на Алекс? Очередную крепкую попку?

Нет. И это самое страшное. Но я бы никогда не признался в этом Келли. Она не поймёт. Или побежит и расскажет Александрии. К чёрту это. Если я не наберусь смелости признаться в этом, то никто другой не сделает этого за меня.

Меня тут же бросает в пот. Мне действительно нравится Александрия? В том смысле, хочу ли я проводить с ней время, выходящее за рамки обычного траха на один раз?

Да.

Нееет. Я в это не верю. Я не могу в это поверить. Моя позиция против отношений всё ещё в силе. Я такой же, как отец. Моя мама повторяла это не раз, пока я рос. Он порядочный парень, трудолюбивый до одержимости. Иногда немного чёрствый. Ему трудно проявлять привязанность. Будучи загнанным в угол, он будет шутить, но в его словах будет столько иронии, чтобы заставить вас почувствовать себя дерьмом. Уверен, что если бы я связался с девушкой, то, скорее всего, в конечном итоге обращался бы с ней так же, как папа обращался с мамой. Отталкивая её, заставляя пить, толкая в объятия другого мужчины, ввергая в безумие.

Я не могу этого допустить. Я отказываюсь это делать. Лучше быть одному, чем сделать кого-то, кто тебе небезразличен, абсолютно несчастным.

— У неё довольно симпатичная попка, не находишь? — с ухмылкой выдаю я, поднимаясь и хватая свой пустой стакан из-под кофе, чтобы выбросить его в мусорное ведро на выходе. — Мне пора, К. Надеюсь, завтра ты хорошо сдашь тест.

— Тристан, подожди, — кричит она мне вслед, но я не обращаю на неё внимания. Я выбрасываю стакан в мусорное ведро, кокетливо улыбаюсь баристе, машу рукой и убираюсь к чёртовой матери.

Мой план заслужить благосклонность Александрии сработал не совсем так, как я хотел. Возможно, мне стоит двигаться дальше.

Или, может быть, мне следует перейти к плану Б.

ГЛАВА 12

Алекс

— Стивен пригласил меня на свидание, — говорю я как бы между прочим, ожидая

предсказуемую реакцию.

Как и ожидалось, она следует через несколько секунд.

— Да, ну! — Келли толкает меня в плечо кончиками пальцев, и я делаю вид, что вот-вот упаду. — Почему ты тратишь своё время на этого парня?

Пожимаю плечами, наблюдая, как он в моей гостиной на своём обычном месте на подушке играет в видеоигры с Конрадом.

— Он милый. Мне нравится, что он обходительный.

— Душный, — Келли зевает.

— Он забавный.

— Если тебе нравятся ботаники.

— Боже, мы что, всё ещё в старшей школе? — я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на неё. — Он умный, милый и уважительный. Чего ещё желать?

— Ну, не знаю, может, обжигающей страсти, от которой млеешь? Неоспоримой химии? — она испытующе смотрит на меня, её прищуренные глаза изо всех сил стараются всё увидеть. Я воздвигаю стену, в чём так преуспела, блокируя её попытки. — Ты чувствуешь что-нибудь подобное со стариной Стивеном?

Я насупливаюсь.

— Ты злая.

Её глаза широко распахиваются, на лице выражение полной невинности. Мы сидим за маленьким обеденным столом и повторяем домашку по статистике в скучный вечер понедельника. Мы получили свои оценки по тестам, которые сдавали неделю назад, — я получила C^{+4} , а Келли получила B^{-5} . Очевидно, она была не настолько увлечена нашим помощником в учёбе, как я.

Я отказываюсь называть его по имени. Так будет проще.

— С чего вдруг я злая? Я всего лишь задаю тебе простой вопрос, вот и всё. Ты хоть целовалась с этим парнем? — она машет рукой в сторону гостиной.

— Нет, — шепчу я, качая головой. — Он ещё не пытался.

— Чего он ждёт?

Не знаю. Я почти хочу, чтобы он поцеловал меня, чтобы я могла стереть воспоминание о своём последнем поцелуе из памяти раз и навсегда. Я сказала себе, что не стану связываться со Стивеном или Тристаном, но до сих пор Стивен был более настойчивым, что удивительно. О Тристане я ничего не слышала с тех пор, как покинула «Старбакс» в прошлое воскресенье. Прошла целая неделя, а я ни разу не видела его, не слышала ни единого слова о нём, ничего.

Я убеждаю себя, что мне так лучше. Чем быстрее он полностью исчезнет из моей жизни, тем лучше.

— И когда вы, голубки, собираетесь на свидание? — интересуется Келли.

— В пятницу вечером, — ужин и кино. Вполне нормально. Именно так, как я предпочитаю.

Лицо Келли вытягивается.

— Но Джейд устраивает вечеринку в пятницу вечером.

— Что за вечеринка?

— Особая женская вечеринка, — она поднимает бровь, подозрительно при этом улыбаясь. В этом вся Келли. Её настроение постоянно меняется. — Сексуальные игрушки и тому подобное.

Я в шоке.

— Ты серьёзно?

— Шеп подбил её на это. Он хочет халявы, вот что он ей сказал. Чем больше она продаёт на своей вечеринке, тем больше получает товаров бесплатно. Это похоже на «Tupperware»⁶ только с вибраторами.

Мои щёки пылают при слове «вибратор». То есть, у меня есть один. Я получила его в качестве шуточного подарка на день рождения два года назад от одного из моих школьных друзей, и быстро бросила его в коробку, где он и оставался, пока я не переехала сюда несколько месяцев назад. Обнаружила его, когда распаковывала вещи, вынула из пакета, вставила в него несколько батареек и в воскресенье перед началом занятий в универе отправила себя прямиком в страну оргазма.

К слову, о снятии напряжения. С тех пор я, возможно, использовала его ещё несколько раз.

— Ну, видимо, я не смогу пойти, так как у меня уже есть планы, — говорю я.

— К чёрту их, — Келли встаёт и подносит ладонь ко рту. — Стивен! — кричит она. — Иди сюда!

— Что ты делаешь? — шиплю я, когда она садится.

— Смотри и учись, — велит она с довольной улыбкой.

Стивен практически вбегает в столовую и останавливается рядом с моим стулом.

— В чём дело? — спрашивает он, стараясь казаться спокойным.

Я поражена тем, как быстро он выполнил её просьбу. Она кричит, и он тут же бежит.

Хммм.

— Слушай, я знаю, что у вас с Алекс свидание в пятницу вечером, и я думаю, это потрясающе. Вы двое — самая мимишная пара, — он краснеет. — Но... я безумно хочу, чтобы в пятницу вечером Алекс пошла со мной на вечеринку.

— Оу. Ну, хорошо... — у него такой грустный голос. Только я собираюсь сказать что-то в его защиту и попросить Келли прекратить это, как она выпрямляется, бросая на меня взгляд, прежде чем продолжить.

— Поверь мне, в конечном итоге, ты только выиграешь от этой вечеринки, на которой мы собираемся присутствовать, — загадочно обещает Келли. — Я уверена, что вы двое могли бы встретиться в субботу вечером, верно?

— Ты не против, Алекс? — спрашивает Стивен.

Я смотрю на него и улыбаюсь. Мне нравится, что он сначала интересуется моим мнением. Он не просто предполагает или делает то, что хочет.

— Я работаю в субботу днём, но в пять освобожусь.

Он кивает.

— Идёт. Я не против, — он поворачивается, чтобы посмотреть на Келли. — Она вся твоя в пятницу, Кел.

Келли сияет.

— Спасибо, Стивен. Ты пупсик.

Он краснеет и снова кивает, прежде чем вернуться в гостиную.

— Может, я не хотела идти на твою секс-вечеринку, — уточняю я, как только Стивен уходит.

Келли смеётся.

— Ты как Стьюи из «Гриффинов». Он всегда устраивал секс-вечеринки. И брось, ты

очень хочешь пойти.

— Нет, на самом деле нет, — подчёркиваю я. Уверена, она будет проходить в доме Джейд. Который на самом деле является домом Шепа. В котором также живёт Тристан.

Да уж. Ни за что.

— Перестань быть такой ханжой. Будет весело.

— И с чего вдруг ты называешь Стивена пупсиком?

— Он похож на милую маленькую куколку с большими карими глазами, которые всегда мигают за очками. Он очарователен. Я могу разглядеть привлекательность, — объясняет она, продолжая делать домашнее задание.

Я просто смотрю на неё. Она считает Стивена очаровательным? Всего две минуты назад она думала, что он утомляющий ботаник.

— Как тебе удалось так быстро убедить его согласиться? Это было довольно впечатляюще.

— Джедайские штучки. Они и мой свитер с V-образным вырезом, кажется, всегда выручают, если не остаётся ничего другого.

Мой взгляд падает на её грудь, где выставлено на всеобщее обозрение её обширное декольте.

— Ты показала ему свои сиськи?

— Не совсем. Я всего лишь немного сильнее свела руки вместе. Отчего мои девочки стали ещё шикарнее.

— Это уж чересчур, — говорю я, качая головой.

— Тебе это нравится. И если уж речь зашла о чрезмерном, ты говорила с Тристаном?

Мой желудок сжимается, когда я слышу его имя.

— Нет, — делаю паузу. Мысленно считаю до десяти. — А ты?

— Он написал мне в прошлую пятницу вечером, спрашивая, не хочу ли я куда-нибудь сходить, но я сказала «нет». Вот и всё, — она наблюдает за мной. — Он тебе не писал?

— Нет, — качаю головой. Придурок. Почему он не написал мне? Я не хочу, чтобы он это делал, но всё же. — И слава Богу. Мне не нужна его драма.

— Что-что? Его драма? Он самый беззаботный парень на свете. С Тристаном ты знаешь, что получаешь.

— И что же это? Потому что он посылал мне противоречивые сигналы с тех пор, как я его встретила.

Келли хмурится.

— Противоречивые сигналы? На него это не похоже. Он только и делал, что увивался за тобой. Предполагаю, что между вами двумя никогда ничего такого не было.

Мои щёки горят.

— Конечно, нет. Я не сторонница секса на одну ночь.

— Я слышала, он того стоит.

— Ты целовалась с ним, — делаю паузу, разочарованная этим. — Как это было?

Келли ухмыляется.

— Ты мне расскажи.

— Я не целовалась с ним, — вру я. Не люблю лгать, но я действительно не хочу сравнивать вкус губ Тристана с Келли.

На самом деле, знание того, что она целовалась с ним, вонзает раскалённое добела лезвие ревности в мой живот, что совершенно нелепо.

— В самом деле? Что ж, очень жаль. Честно говоря, я мало что помню о нашем поцелуе. Я была пьяна, это было неловко, конец, — она взмахивает рукой, прекращая разговор. — Может, он двигается дальше.

— После меня? — спрашиваю я.

Она кивает, её взгляд полон беспокойства.

— Я бы не возражала, — я снова лгу. Я не возражаю, что он держится на расстоянии. Ну, крошечная часть меня хотела бы увидеть его, но большая, более громкая часть меня говорит, что я должна держаться подальше. Так что, если он будет держаться в стороне, это облегчит дело, верно?

— Это хорошо. Тогда ты сможешь сосредоточиться на своём милом маленьком кареглазом ботанике и повеселиться, — она постукивает карандашом по учебнику, лежащему перед ней. — Хотя было бы здорово, если бы Стивен и Тристан соперничали за твоё внимание.

— Это был бы кошмар. Терпеть не могу драмы. Помнишь? — благодаря моим родителям мне её хватит на всю оставшуюся жизнь. — Держу пари, ты права. Он завязал со мной. — Эх, звучит жалко, но Келли — единственная, с кем можно это обсудить.

— Тристан?

Я киваю.

— Не знаю. Может, он просто выжидает. К тому же не стоит забывать, вечеринка Джейд в его доме. Может, он надеется увидеть тебя там.

— Сомневаюсь, — бормочу я, сосредоточивая внимание на стоящих передо мной проблемах.

Но чем дольше смотрю на цифры и формулы, тем сильнее они начинают расплываться. Я просто трачу своё время впустую, потому что думаю о других вещах. Например, как приятно иметь новых друзей и парня, который интересуется мной, в то время как раньше я застряла в подвешенном состоянии, не зная, в каком направлении пойдёт моя жизнь дальше.

Наконец-то я могу начать новую жизнь и получить новый опыт, а не постоянно беспокоиться о своих родителях. Вы можете подумать, что они могли бы уже написать своей единственной дочери из тюрьмы...

Ваши предположения были бы неверны.

Выкинув из головы все мысли о моих дерьмовых родителях, постукиваю карандашом по середине страницы, на которую смотрит Келли, чтобы привлечь её внимание.

— Как насчёт пары шотов водки?

Медленная улыбка, растягивающая губы Келли, заразительна.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Мне нужно расслабиться. Я слишком напряжена, пытаюсь подготовиться к этому дурацкому тесту, который, совершенно точно, провалю.

Мы обе поднимаемся и направляемся к холодильнику, где стоит наполовину полная бутылка водки «Grey Goose».

— Это из-за теста по статистике ты напрягаешься или из-за проблем с парнями? — интересуется Келли.

— И то, и другое, — честно отвечаю я.

Тристан

— Я не хочу, чтобы ты находился сегодня дома, — твёрдо говорит Джейд, её взгляд направлен на меня. Не то, чтобы она могла говорить с кем-то ещё, учитывая, что мы здесь

одни.

Я сижу за кухонным столом и ем хлопья на обед. Я слишком ленив, чтобы выйти из дома и перехватить что-нибудь, и уж точно не готовлю. Джейд суетится на кухне, вытаскивая всякую ерунду из кладовки, которую она собирается использовать, чтобы приготовить закуски для своего маленького сборища позже этим вечером. На ней даже фартук — довольно домашняя сцена, от которой мне становится крайне неловко.

Понимает ли Шеп, что творит, живя с Джейд и позволяя ей полностью управлять его домом? Он сумасшедший.

— Почему я не могу остаться? Это и мой дом тоже, — бормочу я с полным ртом фруктовых колечек.

— Фу, не говори с набитым ртом, — она шлёпает меня кухонным полотенцем, и я уклоняюсь с её пути. — Ни одна девушка не захочет тебя, если ты будешь разговаривать с ней с молоком, стекающим по твоему подбородку.

Я тут же дотрагиваюсь до подбородка, который совершенно сухой. Джейд усмехается.

— Просто предложила проверить.

Ворча себе под нос, засовываю в рот ещё одну ложку фруктовых колечек, жую и глотаю, прежде чем снова заговорить.

— Джейд, меня хотят все девушки. Не думаю, что немного молочных слюней повредят моим развлечениям.

Она закатывает глаза.

— Ты сейчас серьёзно?

В ответ я пожимаю плечами, что, кажется, раздражает её ещё больше.

— Ты должен уйти. Может, вы с Шепом сходите в бар? Или в игорный дом, — предлагает она. То, что она поощряет меня тащить задницу Шепа в бар, невероятно и говорит о том, что она серьёзно настроена держать нас подальше отсюда.

— У меня нет желания куда-либо идти, — погода сегодня дерьмовая: пасмурно, мрачно и дождливо. Сегодня вечером ожидается сильный шторм — спасибо Джинджер Зи из «Доброе утро, Америка» — и я действительно не хочу попасть под него.

Я бурчу, как старик?

— Серьёзно? В единственный вечер, когда я практически готова заплатить тебе за то, чтобы ты пошёл в бар с моим парнем, тебе это неинтересно? — она останавливается с другой стороны кухонного островка, прямо передо мной. Я поднимаю глаза и встречаю её раздражённый взгляд. — Что я могу сделать, чтобы убедить тебя уйти?

— Так ты не собираешься мне платить? — как будто я возьму у неё деньги.

Она качает головой.

— Значит, ты действительно не хочешь, чтобы я тут ошивался.

— Абсолютно нет, — она даже притворно вздрагивает для полного эффекта.

— Из-за твоей вечеринки?

— Да.

— Что за вечеринка? — никто не упоминал про неё. Мне кажется странным, что Джейд развлекает своих друзей, прямо как моя мама по пятничным вечерам. С закусками, вином и всей прочей ерундой.

Выражение лица Джейд сразу становится смущённым.

— Просто кое-что, чтобы свести всех девчонок вместе.

Ну да. Она не всё мне рассказывает. Отодвинув от себя пустую миску, я складываю руки

на стойке и смотрю на неё.

— Я не буду беспокоить твоё кое-что. Я запрусь в своей комнате на весь вечер. Обещаю.

— Ты ничего не можешь обещать, и ты это знаешь.

Она меня подловила.

— А куда Шеп пойдёт?

— С тобой, — она делает странный жест рукой, типа дай мне передохнуть. — Ну же, Тристан. Помоги мне.

— Кто придёт на эту вечеринку?

— Мои подруги.

— Люси?

— Конечно.

— Келли?

Она кивает, затем продолжает перечислять девушек, отмечая каждую из них пальцами. Мне не знакомо ни одно из имён, поэтому сразу отключаюсь. Я и не знал, что у стервозы Джейд столько подруг. Надо же.

— О, и Алекс. Подруга Келли, — Джейд ставит галочку в конце своего списка, словно в этом нет ничего особенного.

Но это очень важно. Я нарочно выбросил её из своей головы. Больше для моего собственного спокойствия, чем для её, потому что я самый эгоистичный мудака на планете. Меня охватила какая-то странная, временная одержимость Александрией. До такой степени, что она поглощала все мои мысли, а это совершенно не похоже на меня. Поэтому вместо того, чтобы упорно преследовать её, как кричали мне мои внутренние инстинкты, я сдался.

Полностью.

То есть, я не был с девушкой сколько? Больше недели? Двух? Я сбился со счёта.

И это неслыханно.

— Привет, детка.

Я поворачиваюсь и вижу, как в кухню входит Шеп, сразу же направляясь к Джейд, чтобы поцеловать её.

— Милый фартук, — выдыхает он, когда их губы разъединяются.

Боже. И ему это понравилось???

— Спасибо, — она лучезарно улыбается ему.

— Ты должна как-нибудь надеть его и ничего больше, — он шлёпает её по заднице, отчего Джейд взвизгивает.

Я прочищаю горло, потому что, да, у меня нет желания и дальше смотреть на это тошнотворное зрелище.

— Вы двое сумасшедших детишек, — бормочу я.

Шеп хихикает, подходя и устраиваясь на табурете рядом со мной.

— Куда пойдём сегодня вечером?

— А нам обязательно куда-то уходить? — ною я, но ничего не могу с собой поделать.

— Слушай, бро, я разделяю твой настрой. Но Джейд хочет, чтобы мы ушли. Она боится, что мы поставим девчонок в неловкое положение.

— Стоп, что? Как, чёрт возьми, мы можем заставить их чувствовать себя неловко?

— Потому что это вечеринка секс-игрушек. Парни не допускаются.

— Шепард Прескотт, ты не должен был ему этого говорить, помнишь? Боже, ты никогда не можешь держать рот на замке, не так ли?

Он улыбается Джейд, которая хмурится в ответ.

— Детка, ты предпочитаешь, когда мой рот открыт.

— Фу, перестань превращать всё в секс.

— Но это и есть секс, — возражает Шеп.

Я застрял на одном конкретном моменте.

— Что значит вечеринка секс-игрушек? — у меня снесло крышу. Девушки занимаются подобным? Господи, я помню, как на протяжении многих лет мама несколько раз выгоняла нас из дома из-за различных светских встреч со своими друзьями, но очень надеюсь, что, чёрт возьми, они не были с секс-игрушками.

— Это называется «Вечеринка желаний», — объясняет Джейд неохотно. Словно мы приставили пистолет к её голове и заставляем рассказывать подробности. — Они продают секс-игрушки, смазку, нижнее бельё и прочее.

Я таращусь на неё, и Шеп смеётся.

— И ты не против, что она устраивает эту вечеринку? — недоверчиво спрашиваю я.

— Чувак, я собираюсь извлечь выгоду из этой вечеринки, так почему бы, чёрт возьми, и нет? Чем больше она продаёт, тем больше получает за бесплатное дерьмо. Это похоже на вечеринку «Turpeware», но с рейтингом X⁷. — он потирает руки. — Не могу дождаться. Больше всего я в предвкушении от возможности испробовать анальные шарики.

— Боже, Шеп! Заткнись! — кричит Джейд, но потом начинает смеяться, когда Шеп нагибается и хватается за живот, поражённый собственной нелепой шуткой.

— Испытаешь их на себе или на ней? — спрашиваю я, на самом деле не желая знать ответ.

— Не смей ему отвечать, — Джейд хватается за нож из рядом стоящей подставки и размахивает им перед Шепом. — Я серьёзно.

Слава Богу, Джейд.

— Без комментариев, — отзывается Шеп, усаживаясь ровно и широко улыбаясь. Я настороженно смотрю на Джейд, когда она засовывает нож обратно в прорезь в деревянной подставке. — Видишь, нам не стоит оставаться здесь. Мы просто создадим проблемы и будем говорить неподобающие вещи.

Точно. Не думаю, что горю желанием увидеть, как кучка цыпочек лапает фаллоимитатор размером с монстра, передавая его по кругу. Звучит как-то... гадко. И неудобно для всех нас.

Я хмурюсь. Захочет ли Алекс купить фаллоимитатор размером с монстра? Она даже не видела монстра, который у меня в джинсах, но почувствовала его, потому что я не могу контролировать себя, когда рядом с ней. А когда она обвивается вокруг меня, и её губы сливаются с моими? Забудь это.

— Отлично. Мы свалим, — наконец резюмирую я. Я не могу находиться в одном доме с Александрией. Я сделаю что-нибудь глупое. Например, запрыгну на неё.

Джейд заметно расслабилась от облегчения.

— Спасибо, Тристан.

— Проклятье, ты не должен был сдаваться так быстро. Надо было заставить её ещё немного поёрзать, — упрекает Шеп.

— Мы просто вернёмся пораньше, — обещаю я с улыбкой.

Джейд хмурится, но Шеп хлопает меня по спине.

— Звучит как отличный план.

Точно. Так и есть.

ГЛАВА 13

Тристан

Я пьян. И как-то раньше не понимал, что когда я пьян, то, очевидно, становлюсь болтливым. То есть, говорю вещи, которые, вероятно, не должен говорить.

— Она мне нравится, — заявляю я Шепу, когда мы возвращаемся домой. — Она мне чертовски нравится. И я не понимаю, почему, но, чёрт возьми, то, как она смотрит на меня... проклятье.

Шеп едва смотрит в мою сторону. Он сосредоточен на дороге, и это хорошо, потому что погода дерьмовая. Он выпил одну кружку пива в самом начале, а потом до конца вечера продолжал пить кока-колу. Он мой трезвый водитель. Потому что я пьян.

Чертовски пьян.

— О ком именно ты говоришь? — спрашивает Шеп, давя на тормоз, и машина замедляет ход. Дождь такой же сильный, как и предсказывалось, сильный и безжалостный. Мне бы очень хотелось остаться дома.

Хотя, если бы я это сделал, я бы не напился так сильно и не чувствовал бы себя сейчас легко. Так что никаких сожалений. К чёрту это.

— Александрия, — я ударяюсь затылком о сиденье и закрываю глаза, но мысль всё ещё крутится в голове. Плохой знак. — Александрия ужасная, дрянная, скверная девчонка, которая притворяется, что её трудно заполучить.

— Она — вызов, но ты продолжаешь бегать за ней? На тебя это не похоже, — удивляется Шеп.

— Не придавай этому значения. А то знаю я тебя... — словно дряхлая старушка, благодаря Джейд, вечно пытающаяся свести своих друзей друг с другом или с кем-то ещё. Не позволю ему играть роль свата.

— Я ничего не принимаю близко к сердцу. Это ты изливаешь душу, — замечает Шеп.

Я плотно сжимаю губы. Мне лучше заткнуться. Что бы я ни поведал Шепу, Джейд тоже узнает, и что, если она в конце концов расскажет об этом Александрии? Не знаю, хочу ли я, чтобы она знала об этом.

— Полагаю, ты рассказал ей о пари, которое проиграл, — подсказывает Шеп. — Учтывая, что она тебе нравится и всё такое.

— Умоляю, — бормочу я, откидываясь на спинку стула. — Это всё алкоголь. Не стоит воспринимать меня всерьёз. И нет, я не сказал ей о пари, которое ещё не проиграл, премного благодарен. Что тут рассказывать?

— Да ничего. Ты просто копаешь себе могилу поглубже, надеюсь, ты понимаешь, — Шеп хихикает и качает головой. — Я думаю, это единственный раз, когда ты полностью искренен. Тебе нравится эта девушка, не так ли?

— Чёрт возьми, нет, — тут же отрицаю я. Может быть, слишком быстро. — Дело в трахе. Только и всего. Это всё, что может быть. Поматросил и бросил. Я придерживаюсь правил. Как мы и договаривались.

— Как скажешь. Продолжай жить в отрицании, — он замедляет машину и поворачивает направо. Мы близки к дому и к концу этого разговора, слава Богу. — Знаешь, это не так уж и плохо.

— Что? — осторожно спрашиваю я.

— Влюбиться в девушку. Желать быть с ней и ни с кем другим. На самом деле, именно

это чертовски просто. Я даже не могу представить себя с кем-то ещё. И не хочу. Не тогда, когда у меня есть Джейд.

— У тебя с головой не всё в порядке, — я вжимаюсь глубже в кресло, жалея, что не могу отключиться от него и заснуть.

— Неа, чувак. Я серьёзно. Оставаться с одной девушкой совсем не плохо. Чем больше времени я провожу с ней, тем больше понимаю, как сильно люблю её.

От его слащавой болтовни меня тошнит.

— Не успеешь оглянуться, как будешь планировать свою свадьбу и обсуждать варианты цветов и прочее дерьмо.

— Мы уже всё обсудили, бро. Почти уверен, что она ждёт обручальное кольцо на Рождество, но это не в моих планах. Пока нет. Я бы предпочёл подождать, пока мы закончим учёбу, прежде чем стать настолько серьёзным, — объясняет он.

Я изумлённо смотрю на него. Он действительно серьёзен. Он хочет надеть на неё кольцо и сделать Джейд своей половинкой. Даже представить себе не могу...

— Когда-нибудь это случится и с тобой, — уверенно заявляет Шеп. — И не могу дождаться, когда скажу «а я ведь тебе говорил».

— У тебя никогда не будет шанса сказать мне эти слова, — настаиваю я, отстёгивая ремень безопасности в тот момент, когда Шеп сворачивает на нашу подъездную дорожку. Перед домом всё ещё припарковано несколько машин, но я их не узнаю. Я хватаюсь за ручку двери ещё до того, как он припарковывает машину. — Увидимся внутри.

— Чувак, подожди минутку, у неё всё ещё могут быть девчонки...

Захлопываю дверь, прежде чем он успевает закончить фразу. Пошло оно. Если сумасшедшая секс-вечеринка Джейд всё ещё продолжается, я прокрадусь через гараж и задний холл. Таким образом, мне не придётся сталкиваться ни с кем из них.

Но стоит мне войти на кухню, я слышу, как девочки хихикают в гостиной. Одна из них визжит, и клянусь, что это Келли. Она шумная, так что это неудивительно. Я оглядываю беспорядок на кухне. В раковине стоят две пустые бутылки из-под вина и несколько стаканов. На островке повсюду разбросаны сервировочные тарелки, большинство из них пустые, но на одной всё ещё есть несколько закусок. Схватив с тарелки какое-то странное печенье, запихиваю его в рот и иду к холодильнику за бутылкой воды.

Хмм. Эта странная выпечка чертовски хороша. Хватаю ещё одно, собираясь засунуть его в рот, когда в кухню входит Шеп, его глаза чуть не вылезают из орбит.

— Чёрт возьми, ты только что съел одну из причудливых закусок Джейд? — он произносит это так, будто я только что рисковал своей чёртовой жизнью ради грибной слойки или как там это называется.

Закатываю глаза и, только для Шепа, с особым аппетитом вгрызаюсь в выпечку, а затем засовываю и вторую половинку.

— Вкусно, — мямлю я с набитым ртом.

Покачав головой, Шеп берёт одну и откусывает.

— Хм, неплохо, — бормочет он, шокированный.

О, если бы только Джейд сейчас услышала его неверие. Она бы ему устроила...

— Точно, — я проглатываю и делаю глоток воды из бутылки, изо всех сил стараясь не обращать внимания на смех, всё ещё доносящийся из гостиной. Мне любопытно посмотреть, что там происходит. — Похоже, им там весело, — небрежно бросаю я.

Шеп замирает.

— Не суйся туда.

Его слова о том, что я не должен этого делать, заставляют хотеть пойти туда ещё сильнее.

— Что плохого в том, чтобы посмотреть, что там происходит?

— Разве не ты говорил, что не хочешь видеть, как они передают по кругу вибраторы? — указывает он.

Ещё в баре я мог бы сказать то же самое, но это было несколько часов назад. Теперь же мне хочется на это посмотреть. Я хочу кое-что увидеть.

А ещё хочу знать, там ли Александрия. Клянусь, я чувствую её присутствие, но это смешно. Я не могу хотеть Александрию. Хотеть её — значит хотеть большего. Большого, чем я могу ей дать, большего, чем я могу принять, большего, чем я могу вынести. Отношения — это чушь собачья, все девушки, с которыми я когда-либо был, — жадные стервы, требующие весь чёртов мир, и да...

Должно быть, выпивка повлияла на моё умственное состояние. Я выпил слишком много, у меня кружится голова, мне безумно хочется ещё грибных пирожных, а потребность увидеть Александрию, чёрт возьми, почти ошеломляет. Просто мельком увидеть её, хотя бы на несколько секунд. Это всё, что мне нужно.

Всё, что я могу пожелать.

Оттолкнувшись от кухонного стола, направляюсь в гостиную, Шеп идёт за мной по пятам.

Засранец.

— Не ходи туда, — предупреждает он меня, почти касаясь губами моего уха. Я отмахиваюсь от него, но это его не останавливает. Он просто продолжает бубнить. — Джейд убьёт нас обоих, если мы испортим её вечеринку, ты же знаешь. И ты действительно не хочешь столкнуться с ней в гневе.

— Я не боюсь её. Кроме того, мы не собираемся портить это дерьмо, — уверяю я. — Может, мы сможем развлечь их.

— Я думаю, у них достаточно развлечений, — парирует он, хватая меня за руку, останавливая. — Пойдём, тебе пора спать.

— Я не хочу ложиться спать, папочка. — выдёргиваю руку из его хватки. Ненавижу, когда он пытается указывать мне, что делать. — Я не устал.

Шеп смотрит на меня.

— Я и забыл, каким агрессивным ты становишься, когда напьёшься.

— Заткнись. Я в порядке, — бормочу я, входя в гостиную, как будто мне на всё наплевать. Шеп не следует за мной, и я рад. Это мой момент, чтобы блистать с кучей возбуждённых девчонок, которые всю ночь только и были зациклены на сексе. К слову, о возможности.

— Добрый вечер, дамы, — приветствую со своей самой широкой улыбкой, раскидывая руки, словно я выставлен напоказ — просто ещё одна секс-игрушка для одной из них, чтобы, возможно, насладиться.

Очевидно, я сошёл с ума.

Алекс

Я становлюсь совершенно неподвижной, когда Тристан входит в комнату, выглядя так хорошо, что у меня перехватывает дыхание, стоит мне его увидеть. Келли сидит рядом со мной на диване и толкает меня локтем в рёбра, отчего я подпрыгиваю.

— Вот мудак. Он даже не смотрит на тебя, — шепчет она уголком рта.

Я никак не реагирую, потому что нет смысла это отрицать. Тристан даже не смотрит в мою сторону. И всё, что мне остаётся, это наблюдать, как его руки опускаются по бокам, а улыбка слегка дрожит. У него дикие глаза. Налитые кровью. И эту улыбку на его лице можно описать только как небрежную.

Он пьян. Или, по крайней мере, хорошо под кайфом.

— Тристан, — говорит зло Джейд. Перед началом вечеринки она волновалась, что появятся парни и каким-то образом всё испортят. — Что ты здесь делаешь?

— Мы только что вернулись домой, детка, — он подмигивает ей. — И теперь вечеринка может официально начаться.

— Где Шеп? — она бросает на нас всех панический взгляд. Кроме меня, остались только Келли, Люси и девушка, проводившая демонстрации, Тони. И по заинтересованному блеску в её глазах видно, что она совсем не возражает против того, чтобы Тристан зашёл.

— На кухне в штаны наложил, — весело говорит он. — Ты его до чёртиков пугаешь, надеюсь, ты в курсе.

— Пошёл ты, знаешь куда, Тристан, — кричит Шеп из кухни.

Щёки Джейд краснеют, и она поднимается на ноги.

— Что ж, жаль разочаровывать, но вечеринка закончилась.

— Эй, Джейд. Кто твой друг? — спрашивает Тони, вставая с дивана и становясь рядом с ней.

— Тристан, — представляется он, протягивая руку с одной из тех пресловутых очаровательных улыбок на лице. Улыбка, которую я бы с удовольствием стёрла оплеухой, если бы могла.

Она берёт его руку, медленно пожимает, не отпуская.

— Я Тони, — практически мурлычет она. Клянусь, она практически захлопала ресницами, глядя на него. — Ну, разве ты не очаровашка?

Келли начинает неловко хихикать, в то время как в моих венах кипит гнев. Ладно, мы все потягивали вино и закусывали вкусняшками всю ночь, разговаривая о самых неприличных вещах. Когда в комнату входит красивый парень, конечно же, кто-то начнёт с ним флиртовать.

Это был вечер откровений. Я слышала истории о Шепе, которые никогда не смогу стереть из памяти. Люси так сильно краснела, когда кто-то задавал ей вопрос, что просто становилось очевидным: Гейб делает с ней всякие грязные вещи. Она даже призналась, что ей чертовски нравится всё, что он делает, отчего нам всем было чрезвычайно любопытно и немного завидно. Келли поделилась несколькими эскападами, Тони чертовски раскрепощена и для неё нет ничего запретного, другие подруги Джейд потратили кучу денег на вибраторы разного размера, разогревающую смазку и съедобное нижнее бельё. А я сидела там, как самый скучный человек в мире, держа те немногие истории, которые у меня были, при себе.

Я отлично провела время.

А теперь парень, который мне интересен, парень, который мне нравится, который волшебным образом целуется и кошмарно ведёт себя, флиртует с какой-то девушкой, которая по крайней мере на десять лет старше.

Какого хрена?

— Я могу быть таким очаровательным, каким ты хочешь, — отвечает он, заставляя

Джейд рычать, а Люси стонать.

— Я ухожу, — встречает Люси, вскакивая на ноги, хватая сумочку и идёт обнимать Джейд. — Спасибо за отлично проведённое время. Приятно было познакомиться, Тони, — она подходит к Тристану и легонько похлопывает его по щеке. — Тебе следует отоспаться, прежде чем ты сделаешь то, о чём потом пожалеешь.

— Ох, как точно подмечено, — бормочет Келли себе под нос, когда Люси выходит из комнаты. — Только не уверена, было ли это направлено на него или на Тони.

Я не могу не смотреть, как они болтают друг с другом. Тони подходит ближе. Тристан улыбается. Тони касается его груди. Тристан не останавливает её. Они оба смеются, и я понимаю, что не могу больше находиться здесь и наблюдать за разворачивающейся фигнёй.

— Пошли, — зову я Келли, дёргая её за рукав.

— Ты нашёл способ испортить вечеринку, Тристан, — цедит Келли, вставая с дивана и протягивая мне руку. Я беру её, и она поднимает меня на ноги. — Стоило тебе зайти, и мы все разбегаемся, — бросает она через плечо.

— Я не сбегаяю, — невинно произносит Тони.

Держу пари, что нет.

— Девчонки, — Джейд встаёт перед нами, когда мы направляемся к входной двери, заламывая руки и выглядя совершенно напряжённой. — Вам не нужно ещё уходить.

— Эээ, я завтра работаю, так что мне, наверное, пора домой, — объясняю ей.

— А так как я водитель Алекс, мне тоже нужно идти, — Келли пожимает плечами и улыбается. — Но мы отлично провели время, Джейд. Серьёзно. Не думаю, что когда-нибудь смогу снова посмотреть Шепу в глаза.

Джейд смеётся, напряжение, кажется, спадает с неё. В какой-то мере.

— Не следовало рассказывать вам, девчонки, ни одной из этих историй.

Келли смеётся вместе с ней.

— Да, тебе, действительно, не следовало этого делать, но всё же. Это было весело.

Я даже не уверена, понимает ли Джейд, что Келли не шутит, но всё хорошо. СМИ⁸ — под этим лозунгом проходил сегодняшний вечер.

Сторонясь Тристана, насколько это возможно, мы проходим мимо, где он и Тони всё ещё болтают. Он ни разу не посмотрел в нашу сторону, и моё глупое, нелепое сердце, кажется, вот-вот разобьётся.

Глупо. Я знала, во что ввязываюсь, имея дело с Тристаном, мудаком, Прескоттом. Примерно через десять дней, как мы не виделись, он даже забыл о моём существовании. Этот парень меня не заслуживает. Мне нужно сосредоточиться на хорошем в моей жизни. С учёбой всё хорошо, у меня есть работа, есть друзья и хороший парень, который мной интересуется.

Последнее, что мне нужно, это Тристан.

Мы входим на кухню, где Люси и Шеп прощаются друг с другом. Секундой позже на кухню буквально вбегает Джейд, напугав нас троих.

— Тебе нужно вытащить оттуда Тристана, — велит она Шепу, махнув рукой в сторону гостиной. — По-моему, он может наброситься на Тони в любую секунду.

Шеп издаёт разочарованный звук.

— Он пьян и не сдержан. Я схожу за ним, — он выходит из кухни, Джейд следует за ним.

Келли поворачивается ко мне, закатывая глаза.

— Он мудака.

— Кто, Шеп? Не согласна. Я имею в виду, если верить Джейд, у него большой чл...

— Нет, не Шеп. Умоляю тебя — Тристан, — Келли упирает руки в бока, её глаза сверкают гневом. — Почему он так тебя игнорирует? И прямо у тебя на глазах флиртует с глупой Тони? Она какая-то невзрачная.

— А мне показалась она милой, — начинаю я, но Келли обрывает меня, тыча пальцем в лицо.

— Не смей её защищать! Она набросилась на него, как кошка во время течки. Видимо, все эти разговоры о фаллоимитаторах, которые она демонстрирует на своих презентациях, заставляют её постоянно хотеть, — с горечью произносит Келли.

Мне хочется рассмеяться, но я этого не делаю. Моя подруга сходит с ума за меня, и я очень ценю это. Меня никто никогда не защищал. Это приятно.

— Я знала, что с ним будут проблемы с того момента, как встретила его, — успокаиваю я её, хватая за плечо и слегка встряхивая, прежде чем отпустить руку. — Он не стоит твоего гнева, поверь мне. С ним покончено.

Слегка поджав губы и со взглядом, полным разочарования, Келли изучает меня.

— Ты уверена? Я не хочу, чтобы ты страдала из-за него. Я знаю, он тебе, вроде как, нравился.

— Он мне не так уж и нравился. Его не за что любить. Он пустышка, понимаешь? Бессердечный и, как машина, вечно стремящийся найти свою следующую жертву и использовать её, прежде чем выплюнуть, — я сжимаю губы, замолкая слишком поздно. Слишком горько? Ой.

— Скажи мне, что ты на самом деле чувствуешь, — просит Келли, выгибая бровь. Она касается моей руки и проходит мимо. — Можно я воспользуюсь туалетом, прежде чем мы уйдём. Дай мне минутку.

— Без проблем, — отвечаю я, отступая назад.

Тяжело вздохнув, иду к островку и хватаю последнюю слоёную булочку с грибами, испечённую Джейд. Они восхитительны, хотя уже не так хороши, как когда были тёплыми и свежеиспечёнными. Тем не менее, это подкрепит меня, пока не окажусь дома.

Где утоплю свои печали в контейнере с мороженым с гигантской ложкой и марафоне «Секса в большом городе» на Netflix. Эх! Мужчины — отстой.

— Александрия.

Я оборачиваюсь на знакомый пьяный голос, произносящий моё имя, и сужаю глаза, когда вижу Тристана, стоящего передо мной. Одного.

— Убирайся, — поворачиваюсь к нему спиной и прислоняюсь к стойке, не обращая внимания на то, как моё сердце подпрыгивает в груди.

— Я думал, ты уже ушла, — чувствую, как он приближается, и напрягаю спину, надеясь, что он сможет прочесть мои вибрации «не трогай меня».

— Сейчас уйдём, — скрещиваю руки на груди, глядя прямо перед собой. Я отказываюсь смотреть на него.

— Кто мы?

— Я и Келли, — оын должен уйти. Прямо сейчас. Я бросаю на него быстрый взгляд, прежде чем отвернуться. — Где твоя подружка?

Не хотела я спрашивать об этом. Говорю как ревнивая мегера.

— Если ты про Тони, она ушла. Шеп и Джейд помогают ей загрузить вещи в машину, —

он двигается и оказывается прямо передо мной, и я отрываю от него взгляд. Не хочу видеть его, смотреть в его красивые глаза, слышать его красивые слова. Они бессмысленны. — Ты злишься на меня.

Он просто выводит меня из себя. Почему он не может хоть раз в жизни не высказаться?

— Я ничего не имею против тебя. Мне было бы всё равно, если бы ты начал трахать её у нас на глазах в гостиной. Ты можешь делать всё, что захочешь. Ты мне не принадлежишь, — я осмеливаюсь взглянуть ему в лицо как раз вовремя, чтобы увидеть вспышку боли в его глазах.

Хорошо.

— Я тебе ничего не должен, — его слова как нож в сердце, и я пытаюсь уйти, но он хватается меня за руку, не давая это сделать. Я держу голову опущенной, стараясь не обращать внимания на то, как моя кожа горит от его прикосновений. — И всё же чувствую себя мудаком за своё поведение.

— Так и есть, — снова смотрю в его глаза, ища ложь, высокомерие, насмешку. Но ничего этого там нет. Маска упала. Он выглядит совершенно измученным.

Уязвимым.

Он кивает.

— Знаю. Но не знаю, почему. Что ты со мной делаешь, Александрия? — он произносит эти последние слова резким шёпотом, и моё сопротивление начинает давать трещину.

— О, нет, не смей, — голос Келли пугает нас обоих, и мы отпрыгиваем друг от друга, Тристан отпускает меня. — Пойдём, Алекс. — она берёт меня за руку и начинает оттаскивать от него. И я позволяю ей.

— Нам нужно поговорить, — просит он.

— У тебя был шанс, — отвечает ему Келли.

— Подожди, — я останавливаю её, чтобы она дальше не тащила меня к двери, упираясь пятками. — Я хочу услышать, что он скажет.

Келли бросает на меня недоверчивый взгляд.

— Что ты несёшь? Ты сошла с ума, — шепчет она.

— Ты права. Наверное, — о, Боже, я действительно надеюсь, что не пожалею о том, что собираюсь сделать. — Знаю, что не должна, но я хочу услышать, что он скажет. — мне любопытно. Как объяснить, что меня так тянет к нему, что не могу не согласиться на всё, что он попросит? Если признаюсь в этом, буду выглядеть идиоткой. Одной из тех покорных девушек, которые сделают всё, что скажет супермачо.

И дело здесь не во мне и Тристане. Всё немного сложнее. Я думаю, мы просто только начали узнавать друг друга. И хотя это может быть ошибкой, и я, возможно, позже буду испытывать сильную боль, мне нужно услышать, как он объяснит свои действия.

Мне нужно выяснить, со мной ли он или я одна в этой... путанице. Келли смотрит на Тристана долгим, напряжённым взглядом, прежде чем снова посмотреть на меня.

— Не стоит, — громко заявляет она. — Он не стоит твоего времени.

— Ты права. Я знаю, — шепчу. — Просто дай мне... десять минут. Напиши мне, и встретимся у машины. — я тянусь и хватаю её за руку, сжимая. — Пожалуйста.

— Всё говорит мне, что я должна просто засунуть тебя в свой жучок и увезти нас отсюда к чёрту, — цедит она тихим голосом. — Ну да ладно. Это твоё личное дело. У тебя есть десять минут, а потом я уеду. — с этими словами она уходит.

Оставляя меня наедине с Тристаном.

ГЛАВА 14

Тристан

Она там, где я хочу. Не могу поверить, что она согласилась меня выслушать. Но в чём моя самая большая проблема?

Я понятия не имею, что собираюсь сказать.

— Итак... — Александрия скрещивает руки перед собой, вся такая обороняющаяся и оцетинившаяся. Не то, чтобы я мог её винить. Я сам вынудил её к этому. — Говори.

Я оглядываю короткий коридор, ведущий из кухни.

— Лучше нам поговорить не здесь.

— У тебя есть девять минут, — напоминает она мне, когда я хватаю её за руку и начинаю идти. Она следует за мной, её тело прижимается к моему боку, и я притягиваю её так близко, как только могу. — Куда мы идём?

— В мою комнату, — отвечаю я, ведя её вверх по лестнице. Я полон решимости остаться с ней наедине, умолять её... о чём? О прощении? Я не прошу прощения. Никогда. Я не извиняюсь за то, что сделал, за то, что сказал, за то, какой я. Такой вот я, со всеми недостатками и прочим. Если кто-то в моей жизни не может принять меня, тогда они мне не нужны.

От вида Александрии, сидящей на диване, я превратился в глупца. Такой чертовски красивой с волосами, спадающими на плечи нежными волнами, розовыми щеками, такими чертовски голубыми глазами, словно небо в прекрасный весенний день. На ней белый свитер большого размера, который каким-то образом придавал ей девственный вид — как у ангела.

Не для меня. Эти три слова непрерывно крутились у меня в голове. Она не для меня. Я её недостойн. Я бы не обращался с ней правильно, как бы ни старался. Поэтому выбрал ту, которой, как я знал, был достоин — эту похотливую цыпочку Тони. Она запала на меня. Я мог бы пригласить её остаться, и она бы согласилась. Что гарантировало бы минет как минимум, а как максимум ночь интенсивного траха.

Но всё, что я мог видеть и чувствовать, это то, что Александрия наблюдала за мной всё время, пока я вяло флиртовал с Тони. Разочарование на лице девушки было очевидным. Отвращение. Келли метала в меня кинжалы своими глазами, и я чувствовал, как каждый из них пронзал мою кожу, напоминая, какой я мудака. Бессердечная, беспечная сволочь, которая не заслуживает хорошей девушки.

Неважно, как сильно я хочу эту хорошую девушку.

В тот момент я ненавидел себя. Я уже открыл было рот, чтобы дать Тони понять, что ей нужно идти своей весёлой дорогой, когда Шеп развёл нас и практически вытолкнул Тони за дверь, Джейд последовала за ними. Это избавило меня от необходимости говорить ей «нет», и я это оценил. Но я догадывался, что позже у меня будут проблемы с Шепом и Джейд.

Что в этом нового?

— Мне совсем не хочется идти в твою комнату, — возражает Александрия, выдёргивая свою руку из моей хватки. Мы только на полпути вверх по лестнице, и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на неё, страх закручивается в моём животе, когда я понимаю, что она направляется обратно вниз. Как будто собирается уйти из моей жизни и никогда не вернуться.

— Чёрт, — бормочу я, преследуя её. Я ловлю её за край свитера, схватив пригоршню мягкой ткани, когда мы оба достигаем подножия лестницы. Подхватываю её на руки — хотя, серьёзно, я не имею права — и прижимаю её к стене, мы оба тяжело дышим, наши груди

поднимаются и опускаются в такт. Одновременно. — Выслушай меня.

Она качает головой, стараясь не смотреть на меня.

— Мне лучше уйти.

— Я сволочь.

— Да, это ты, — она всё ещё не смотрит на меня.

— А ещё я пьян.

— Это не оправдывает твоего поведения.

Я закрываю глаза и дышу через нос, пытаюсь собраться с мыслями. Что трудно сделать, когда она так близко. От неё у меня стояк. Её аромат окружает меня, дикий и сладкий. Её мягкие волосы щекочут мне щёку. Чёрт, всё её тело мягкое, когда прижимается к моему, и я сгораю от желания прикоснуться к ней. Поцеловать её. Взять её.

Сделать её моей.

— У тебя пять минут, — шепчет она. — И я не собираюсь подниматься в твою комнату.

Так что тебе лучше начать говорить.

Мои глаза распахиваются, тянусь к ней и обхватываю пальцами её подбородок.

— Посмотри на меня.

Она тут же качает головой.

— Если всё, что я получаю, это пять минут твоего времени, по крайней мере, ты можешь смотреть на меня, когда я с тобой разговариваю, — я поглаживаю её подбородок большим пальцем. Нежно. Медленно. Александрия прерывисто выдыхает, поворачиваясь ко мне лицом с настороженными глазами.

— Ты заставляешь меня хотеть того, чего я не должен хотеть, — признаюсь я. Она в замешательстве хмурит брови, и я понимаю, что нахожусь на неверном пути. — Ты заставляешь меня чувствовать то, чего я никогда не чувствовал. Я думаю о тебе всё время, чёрт возьми, ни с одной девушкой у меня такого не было.

Её брови расслабляются, и в глазах вспыхивает интерес.

— Продолжай, — мягко отзывается она.

Неужели я действительно скажу ей правду?

— Я пытался притвориться, что ты неважна для меня. После того, как ты сбежала от меня в «Старбаксе», я сказал себе, что не хочу интересоваться тобой, поэтому отгородился от тебя. Избегал тебя, как мог.

— У тебя действительно хорошо получалось, — сухо произносит она.

Отпускаю её подбородок, скольжу рукой по её щеке, в волосы.

— Но, когда я узнал, что ты придёшь на вечеринку к Джейд, я мог думать только о тебе. То, что ты была здесь сегодня вечером, в моём доме, а Джейд хотела, чтобы мы ушли, чуть не убило меня. Я хотел тебя видеть. Слышать твой голос, вдыхать запах твоих духов, заставлять тебя смеяться, — я обхватываю её затылок, мои пальцы запутались в мягких прядях её волос.

Она пристально смотрит на меня, эти сияющие голубые глаза, кажется, пожирают меня.

— Ты даже не взглянул на меня, когда только вошёл в комнату. Это... больно.

— А мне чертовски больно видеть тебя, — признаюсь я.

— Почему? — шепчет она.

Не обращаю внимание на её вопрос. Как я могу ответить, если не знаю, что сказать?

— Я не понимаю, почему я так одержим, — наклоняюсь и прижимаюсь своим лбом к её. Я вижу, как она колеблется по тому, как расслабляются её плечи, как руки опускаются на

мою грудь, легко отдыхая там.

И только от одного её прикосновения у меня внутри всё переворачивается. Я ни хрена не понимаю.

— У тебя забавная манера демонстрировать своё увлечение, — её голос тихий, полный раздражения. Я всё ещё не убедил её. — И у тебя осталось три минуты.

Три минуты, чтобы всё исправить. Три минуты, чтобы доказать, что я хочу от неё большего. А чего именно я хочу? Без понятия, как спросить. Я предупреждал её раньше, что всё, что я делаю, — это беру. Я не знаю другого способа. Если бы у меня был выбор, я бы затащил её в свою спальню, запер дверь и толкнул на кровать. Упал на неё сверху и не отпускал бы до конца ночи.

Но разве это всё, чего я хочу? Одну ночь? Это всё, чего я должен хотеть. Это всё, что могу позволить себе хотеть.

Глубоко вздохнув, закрываю глаза и считаю до трёх.

Алекс

Его лоб прижат к моему, глаза плотно закрыты, тихий выдох срывается с его идеальных губ. Он так близко, что мы дышим одним воздухом, я практически могу сосчитать возмутительное количество густых чёрных ресниц, обрамляющих его глаза, и нам ничего не нужно, чтобы наши губы встретились. Немного подвинься здесь, приподними подбородок там, и мы бы поцеловались.

Но я не могу позволить ему поцеловать меня. Не тогда, когда всё ещё злюсь на него. И так напряжена в ожидании его следующих слов, что чувствую, что могу разбиться вдребезги. Я полностью готова к тому, что он скажет что-то отвратительное. Кошмарное.

Как обычно.

Он медленно открывает глаза и отрывает свой лоб от моего, облизывая губы и не отводя от меня взгляд.

— Ты мне нравишься, — шепчет он своим сексуальным низким рокотом.

У меня нет слов. Что, чёрт возьми, он имеет в виду?

— Ты когда-нибудь встречала кого-то, с кем чувствовала бы мгновенную связь? Такую, что в ту минуту, когда ваши глаза встретились, ты не могла отвести взгляд, как бы ни старалась? А когда ложишься спать ночью, думаешь об этом человеке, и, просыпаясь, задаёшься вопросом, как он спал? И в течение всего дня ты чертовски надеешься, что увидишься с ним, а когда этого не происходит, ты разочаровываешься?

У меня так пересохло в горле, что мне трудно глотать.

— И когда ты, наконец, сталкиваешься с понравившимся тебе человеком, ты так чертовски взволнован, что умираешь от желания поговорить с ним, посмотреть на него, прикоснуться к нему. Но потом ты понимаешь... что, возможно, ты хочешь чего-то, чего он не может дать. Или, что ещё хуже, он не чувствует того же самого. Что, возможно, ты слишком остро реагируешь и хочешь всего, когда раньше ты никогда не хотел всего этого. И ты боишься хотеть всего этого, — он замолкает, прочищает горло и опускает голову, больше не глядя на меня. — Поэтому, ты отключаешь эти чувства, так как не хочешь быть отвергнутым. Ты предпочёл бы двигаться по жизни совершенно неуязвимым.

Мои колени дрожат от его сладких, но грустных слов. Он действительно говорит обо мне? Он боится быть отвергнутым? Мне трудно поверить, что самый распутный игрок из всех игроков Тристан Прескотт говорит такое.

Я провожу руками по его груди, обхватывая пальцами его плечи, нуждаюсь, чтобы он

закончил, но не в силах сказать ни слова ободрения. Что, если я ошибаюсь? Что, если он говорит о чём-то совершенно другом? Или, может, он наболтал кучу сентиментальной чепухи, чтобы заставить меня раздеться.

Не знаю даже, что и думать.

— О-одна минута, — шепчу я, мой голос дрожит, а сердце колотится в горле. Возможно, я веду себя подло, но, Боже мой, и он был невероятно подл со мной сегодняшним вечером. До сих пор не могу поверить, что он флиртовал с Тони, откровенно игнорируя меня. Мне всё равно, насколько сладки его слова, он вёл себя как мудака.

Тристан поднимает голову, его голубые глаза тревожны, как внезапная сильная буря.

— Именно так я к тебе и отношусь. Ты чертовски пугаешь меня, Александрия.

Мы смотрим друг на друга, в доме жутко тихо, единственный звук — стук моего сердца в ушах. Он придвигается ближе, его вопрошающий взгляд опускается, задерживаясь на моих губах на очень короткий и безумно напряжённый момент, который, как мне кажется, когда-либо испытывала. Его взгляд возвращается к моим глазам, и мой рот покалывает в предвкушении. Я не отвечаю ему словами. Я просто закрываю глаза, приоткрываю губы.

И жду.

Через секунду он уже там, его губы на моих, его рука в моих волосах, другая рука на моей талии, его горячие пальцы скользят под мой свитер, чтобы коснуться моей обнажённой кожи. Я резко вздыхаю от первого прикосновения, мои губы раздвигаются ещё шире, и он проскальзывает языком в мой рот, углубляя поцелуй.

От него слегка пахнет пивом. Мятой. Тристаном. Мои руки движутся к его затылку, как будто я не контролирую их, и я хватаюсь за его волосы, прижимаясь к нему всем телом. Я чувствую, как его член, твёрдый и толстый, прижимается к ширинке джинсов, и ответная пульсация вспыхивает у меня между ног. Моя задница тоже вибрирует, что... странно.

О. Это мой телефон.

Я прерываю поцелуй и тянусь за телефоном, вытаскивая его из заднего кармана джинсов. Разочарованное рычание звучит из глубины горла Тристана, как только я смотрю на светящийся экран.

«Ваши десять минут истекли. Тащи свою задницу сюда».

Подняв глаза, изучаю измученное выражение лица Тристана, его волосы в беспорядке от моих рук, щёки покраснели от выпивки и нашего поцелуя, или, могу только предположить — может, от его признания. Ему стоило огромного мужества сказать то, что он сказал. Но достаточно ли этого? Я ещё не готова простить его. У меня был пример, учитывая, что это была проблема моей матери — она слишком легко простила моего отца, и посмотрите, куда это привело её? В тюрьму.

— Мне пора, — шепчу я дрожащим голосом.

— Александрия, — начинает он, но я качаю головой, толкая его в грудь, так что у него нет выбора, кроме как отступить от меня.

— Я должна, Тристан, — неуверенно улыбаюсь. — Спокойной ночи.

Он хмурит брови и выглядит таким растерянным, что мне почти жаль его.

— Что ты делаешь завтра?

— Я завтра работаю, — и встречаюсь со Стивеном.

— А после работы? — он хватается меня за руку, переплетая наши пальцы. — Я хочу тебя видеть.

— Я... — я с трудом сглатываю. — У меня планы.

Его лицо мрачнеет.

— С кем?

Мой телефон вибрирует, и я смотрю на него. Ещё одно сообщение от Келли.

«Поторопись. Здесь так холодно, что зуб на зуб не попадает».

— Мне нужно идти. Келли ждёт меня, — протискиваюсь мимо него и направляюсь на кухню, радуясь, что там никого нет, так что мне не придётся вести светскую беседу или что-то в этом роде. Я практически бегу, и когда рукой уже касаюсь дверной ручки, Тристан хватает меня сзади, обнимая за талию, и поворачивает меня лицом к нему.

— Что бы ты ни делала завтра вечером, отмени свои планы, — требует он. — Нам нужно разобраться с этим.

— Не с чем разбираться, — возражаю я. — Я услышала, что ты сказал.

Он смотрит на меня так, словно я сошла с ума.

— И это всё? Это твой ответ?

— А что ты хочешь, чтобы я сделала? Упала к твоим ногам? Сказала, что ты прощён? Сняла с себя одежду и умоляла тебя трахнуть меня?

— Ну... — он почёсывает затылок. — Да.

Я начинаю смеяться. Этот парень невероятен.

— Слова бессмысленны, когда их не подкрепляют никакие действия. Докажи мне, что ты чувствуешь на самом деле. Не просто скажи, а покажи мне.

Прежде чем он успевает сказать ещё хоть слово, открываю дверь и бросаюсь в гараж, замечая на другой стороне улицы ярко-зелёный «фольксваген-жук» с работающим двигателем и Келли за рулём. Я набираю скорость, собираясь перейти дорогу, когда Тристан хватает меня за руку, поворачивает к себе и целует.

О, Боже, его губы должны быть помечены как смертельное оружие. Они уничтожают все клетки моего мозга в ту же секунду, когда касаются моих. Я отрываю свои губы от его и вырываюсь из его объятий.

— Ты играешь нечестно, — кричу я, оглядываясь через плечо на Келли, которая сидит в своей машине и ждёт меня.

Естественно, она наблюдает за всем происходящим, разинув рот и подперев подбородок кулаком, клянусь.

— Ты тоже, — обвиняет он, прерывисто дыша. — Ты действительно думаешь, что я позволю тебе уйти после того, как излил свою грёбаную душу?

Воздух холодный и резкий, с неба падает мелкий туман, просачивающийся сквозь свитер и пробирающийся до костей.

— Ты признался, что влюблён в меня. Всего-то.

— Всего-то? Типа «эй, ничего особенного». Ты занимаешь все мои мысли, и я совершенно уверен, что одержим тобой, и всё же ты бросаешь мне «всего-то»? — он проводит рукой по волосам, его большое тело практически вибрирует от разочарования. — Я разрушил всё между нами, не так ли?

Я не отвечаю ему, снова оглядываясь через плечо. Ненавижу, что Келли приходится ждать меня. И ещё больше ненавижу, что она стала свидетелем всего этого.

— Мне нужно идти, — повторяю я ему.

Он морщится.

— Не задерживаю! Уезжай к чертям с Келли и оставь меня здесь в полном одиночестве.

— Серьёзно? Теперь ты собираешься давить на чувство вины? — невероятно. Я

отворачиваюсь от него и направляюсь к машине Келли; гнев, раздражение, разочарование, похоть — всё это бурлит глубоко внутри меня. Он невероятно высокомерен и эгоистичен. Всё вращается вокруг него. Он не понимает.

И не думаю, что когда-нибудь поймёт.

Подхожу к двери машины Келли с пассажирской стороны, собираясь открыть её, когда передо мной появляется Тристан, словно волшебник или что-то в этом роде.

— Я не хочу давить ни на какие чувства, — он хватает меня за руку, но я отталкиваю его. — Я хочу быть с тобой настоящим, Александрия.

— Тогда тебе придётся постараться немного, — парирую я, открывая дверцу машины. Порыв жара и эта проклятая раздражающая песня «Fight Song» звучит изнутри, заставляя меня вздрогнуть.

— Залезай, сучка! Ты впускаешь холодный воздух! — кричит Келли. Музыка становится тише, и я благодарна. — Оставь её в покое, Тристан! Очевидно, ей это неинтересно.

Он отступает, поднимая руки, как будто сдался, выражение его лица непроницаемо. Я смотрю на него, наблюдая, как он пятится по лужайке своего соседа, пока, наконец, не поворачивается и не бежит через улицу обратно к своему дому. Ни разу не взглянув на меня.

Кто бы сомневался.

Устраиваюсь на сиденье, хлопаю дверцей и громко выдыхаю, как будто только что задерживала дыхание на последние десять минут.

Такое чувство, что я делала именно это.

— Что, чёрт возьми, только что произошло? — спрашивает Келли, заводя машину и отъезжая от тротуара.

Я закрываю глаза.

— Без понятия.

ГЛАВА 15

Алекс

— Этот фильм отстой, — с горечью произносит Стивен, как только мы выходим из кинозала.

— Да, точно, — соглашаюсь я, слабо улыбаясь, когда он смотрит в мою сторону. Я не обращала особого внимания на экран в течение всего фильма, мой разум был слишком занят мыслями о Тристане.

Всё было бесполезно. Я пыталась забыть его, забыть ту глупую ссору, конфронтацию, как бы это ни называлось, случившуюся прошлой ночью. Притвориться, будто никогда ничего и не было, но он сделал это таким чертовски трудным. Присылая мне весь день напролёт милые короткие сообщения. Что-то вроде:

«Доброе утро».

«Надеюсь, у тебя будет хороший день на работе».

«Жаль, что я не могу увидеть тебя сегодня».

«Я скучаю по тебе».

Последнее, появившееся примерно в середине фильма, произвело на меня наибольшее впечатление. Я уже и так отвлекалась, думая о нём, о том, как он целовал меня, когда завибрировал мой телефон. Я осторожно проверила его, и моё сердце подпрыгнуло, стоило мне увидеть на экране его имя и слова, которые сопровождали его.

Очевидно, он играет с моими эмоциями, и, как дура, какой и являюсь, я позволяю ему это делать. Хуже того, я попадаюсь на эту удочку. Он держится на расстоянии, но при этом

поддерживает со мной контакт, и, помоги мне Бог, мне это нравится.

— Может, ты хочешь пойти в бар или что-то в этом роде? — интересуется Стивен, когда мы выходим из кинотеатра, холодный ночной воздух обнимает нас, отчего я дрожу.

— Не знаю. Я безумно устала, — это не было ложью. Проворочавшись с боку на бок всю прошлую ночь, а после вынужденная работать весь день, я была измотана. Прошлой ночью Келли отвезла меня домой и осталась со мной в моей комнате, мы обе до поздней ночи прижимались друг к другу под одеялом, разговаривая о Тристане, парнях в целом и о том, как отстойны отношения. И всё это время мы поедали контейнер с мороженым и смотрели наши любимые эпизоды «Секса в большом городе».

Да, это определенно был вечер «Мистер-Биг-мудак-но-я-не-могу-перестать-думать-о-нём».

— Хочешь, я отвезу тебя домой? — спрашивает Стивен.

— Ты не против? — я улыбаюсь ему, и он улыбается в ответ, затем застенчиво отводит взгляд. Он такой милый. Забавный. Сладкий. У него приятная улыбка. Тёплые карие глаза.

Но, к сожалению, Стивен абсолютно ничего не значит для меня. Нужно прекратить наше общение. Я просто обманываю его, и это очень несправедливо. Давай останемся друзьями — последнее, что он хочет услышать, уверена — но это всё, чем я могу быть. Между нами нет никакой химии.

Ничего.

Zip.

Zilch.

Nada.⁹

Дорога обратно к моему дому быстрая, наполненная непринуждённой беседой, и я задаюсь вопросом, стоит ли попытаться сделать так, чтобы между нами возникла какая-то химия. Со Стивеном всё было бы намного проще. Нет никакой драмы, никаких нелепых игр или сумасшедших разговоров. У нас есть общие друзья. Он симпатичный, но не настолько возмутительно сексуальный, чтобы девушки постоянно бегали за ним. Он мог бы быть полностью моим, и я бы никогда не беспокоилась о том, что он пойдёт на сторону. Не сомневаюсь, он был бы предан.

Решимость переполняет меня, и, как только он паркует свою машину перед моим домом, я смотрю в его сторону. Он поворачивает голову ко мне, его глаза расширяются, стоит мне наклониться над центральной консолью, мои намерения ясны. На мгновение в его глазах вспыхивает паника, прежде чем он тоже тянется ко мне, наши губы соприкасаются, но не полностью соединяются.

Я отстраняюсь назад, тру губы и снова придвигаюсь, прижимаясь губами к его губам более крепко, на этот раз полностью соприкасаясь, мои глаза закрываются так же, как и его. Поцелуй нежный. Сладкий. Ласковый.

Скучный.

Отстраняясь, я изучающе смотрю на Стивена. Он ёрзает на сиденье, глядя в окно, когда вдруг его глаза загораются.

— Это не машина Келли?

Хмм. Да, она.

— Что она здесь делает?

— Она дала Конраду свой номер, — Стивен морщится. — Он просто воспользуется ею, поверь мне. Не знаю, что она в нём нашла.

Вот это да, чёрт возьми. Кажется, Стивену нравится Келли.

— Скорее всего, она дала ему свой номер, потому что ей нравится тусоваться с вами, ребята, играть в видеоигры.

— В самом деле? Ей это нравится? Я имею в виду, тебе, похоже, это не нравится, — Стивен пытается выглядеть крутым, но у него ничего не получается. Ревность, вспыхнувшую в его глазах, трудно не заметить. — Мне казалось, ты просто терпишь нас.

— Да, — соглашаюсь я с лёгким смешком. — Но, уверена, Келли действительно нравится тусоваться с вами.

— Она когда-нибудь говорила что-нибудь о... Конраде? — нерешительно спрашивает Стивен.

Я даже не могу поверить, что мы ведём подобный разговор о моём соседе Конраде. В любом случае, какой жестокий родитель даёт своему ребёнку такое имя?

— Она никогда не говорила о Конраде. Но она говорила о тебе.

— Обо мне? — он заметно приободряется, но затем сразу же успокаивается. — Я имею в виду, хорошо, круто. Так что она? Что, эээ, она говорила?

О, Стивен-кобель, сидит здесь на свидании со мной, а сам пытается раскопать информацию о Келли.

— Она сказала, что ты очарователен.

— Вау, правда? — теперь на его лице паника. — Да, мне на самом деле неважно, что она думает...

Я протягиваю руку и кладу её поверх его.

— Она тебе нравится.

— Ни в коем случае, — он яростно трясёт головой. — Мне нравишься ты.

— Стивен. Всё в порядке. Будь со мной честным, — убираю свою руку и смотрю на него. Пристально. Он даже не смотрит в мою сторону, но держу пари, что я заставляю его потеть.

— Я болван, — бормочет он с несчастным видом. Его голова откидывается на спинку сиденья, и он крепко зажмуривает глаза. — Ты очень милая, Алекс. Мне с тобой весело. Ты красивая, милая и...

— Между нами нет никакой химии, — заканчиваю я за него.

Он открывает глаза, выглядя на этот раз несчастным.

— Да. Всё так запутано. Но этот чертовски неловкий поцелуй, которым мы только что обменялись, подтвердил это.

— Ты прав, — соглашаюсь я. — Он был ужасен.

Он улыбается.

— Очень.

— Ну-ну, — машу я ему пальцем. — Не порть мою самооценку.

И вот так просто Стивен начинает опять паниковать.

— Я не хотел ранить твои чувства.

— Остановись, — протягиваю руку и сжимаю его, прежде чем отпустить. — Тебе лучше зайти внутрь и убедиться, что Конрад не собирается приударить за Келли.

Лицо Стивена расслабляется. Немного.

— Ты не злишься, что мне нравится твоя подруга?

— Нет, — качаю головой. — Я всё понимаю. Келли очень особенная девушка.

Его глаза становятся мечтательными, и на одно короткое мгновение мне хочется, чтобы

он выглядел так же, думая обо мне. Но это чисто эгоистичное желание с моей стороны, и я отказываюсь вести себя таким образом.

Я оставляю эту ужасную привычку Тристану Прескотту.

Мы входим в дом через несколько минут. Увидев Стивена в дверях, ребята ликут. Конрад и Джефф пригласили друзей, Келли сидит на диване, поджав под себя ноги, и просматривает свой телефон.

Стивен, будучи застенчивым парнем, быстро здоровается с ней, проходя мимо, и сразу же присоединяется к своим друзьям.

— Как прошло твоё свидание? — спрашивает она, поднимая голову и улыбаясь мне.

— Откровенно, — честно признаюсь, плюхаясь на диван рядом с ней. — Что ты здесь делаешь?

— Конрад написал мне сегодня днём и пригласил. Мы до этого резались в Марио Карт, но потом мне стало скучно. Я решила дождаться тебя, — она пожимает плечами и поворачивается, чтобы посмотреть, как парни начинают новый раунд «Call of Duty». — Неужели им никогда не надоедает убивать людей каждый день?

— Вероятно, нет, — я толкаю её в колено, чтобы привлечь внимание. — Мне нужно тебе кое-что рассказать.

Она ухмыляется.

— И мне тоже нужно тебе кое-что сказать. Но ты первая.

Я наклоняюсь ближе, мой рот у её уха.

— Кое-кто без ума от тебя, — шепчу я.

— Кто? Конрад? — она издаёт пренебрежительный звук и машет рукой. — Я и так уже знала об этом. В последний раз, когда я была здесь, он пытался начать действовать.

— Серьёзно? — я в шоке. Эти парни большую часть времени ведут себя, как занудные двенадцатилетние дети, но они не боятся действовать, когда дело касается девчонок.

— О, да. Теперь всё нормально, особенно когда я рассказала ему, в кого втайне влюблена, — её взгляд быстро скользит по Стивену, прежде чем вернуться ко мне. — Я сказала, что безумно влюблена в Джеффа.

— С чего вдруг ты такое сказала? — она врушка. — Потому что я знаю, кому ты нравишься.

— Кто? Не Конрад? Не обнадеживай меня, — она кладёт руку на грудь.

Я снова наклоняюсь к её уху и шепчу:

— Стивен.

Келли отшатывается, широко раскрыв глаза.

— Подожди минутку. Что?

Кивнув головой в сторону кухни, я показываю, что нам лучше поговорить там. Она следует за мной, сразу же направляясь к морозилке и вытаскивая относительно новую бутылку «Ketel One».

Видимо, в этом доме выпивается много водки.

— Ты только что вернулась со свидания со Стивеном и говоришь, что он влюблён в меня. Ты либо под кайфом от наркотиков, хочешь заняться сексом втроём со мной и Стивеном, что очень странно, либо ты серьёзно, — заявляет Келли, сделав глоток прямо из бутылки.

Я достаю из шкафа рюмку. В последнее время детская коллекция Конрада очень кстати.

— Никаких наркотиков, — возражаю я, наливая себе большую порцию. Мне это нужно.

Я чувствую себя очень странно в эти выходные. — И уж точно я против тройничка. Боже, Кел.

— Значит, ты серьёзно.

— Как сердечный приступ, — наливаю ещё рюмку и протягиваю её Келли. Мы быстро произносим тост, прежде чем одновременно опрокидываем стаканы и пьём. Чёрт, как жжёт. — Ты ему нравишься.

— И ты заставила его в этом признаться?

— Да. Не спрашивай. Просто знай, что я благословлю вас, если вы начнёте встречаться.

Келли делает смешное лицо, наливая себе ещё одну порцию и проглатывая её.

— Ты не шутишь?

Пожимаю плечами.

— Кто я такая, чтобы препятствовать настоящей любви?

— Умоляю. Мы не влюблены по-настоящему. Он даже не в моём вкусе. Взгляни на него, — она машет рукой в сторону гостиной, и мы обе поворачиваемся, чтобы сделать именно это.

Стивен кричит со своей подушки: «Пристрели его! Стреляй в этого ублюдка!» снова и снова, пока другие парни делают именно то, что он требует.

— Это в каком-то роде горячо, — признаёт Келли с лёгким вздохом. — И почему меня это привлекает?

Я толкаю её локтем.

— Ты влюблена.

— Кажется, меня потряхивает от выстрелов, — она снова наполняет свой стакан и опрокидывает его. — Ладно, на сегодня хватит жидкого мужества. Должна ли я поговорить с ним? Я ужасно выгляжу? О, Боже, я ужасно выгляжу, да? Я не прихорашивалась к сегодняшнему вечеру, так как думала, что буду тусоваться с Джеффом и Конрадом, понимаешь? Эти два придурка на самом деле не обращают внимания, а ведь не похоже, что я не пытаюсь произвести на них впечатление.

Келли такая милая и болтливая, когда подшофе и взволнована. Прямо как Стивен.

— И взгляни на себя. Ты великолепна, вся такая нарядная в своей одежде для свиданий, а я здесь в штанах для йоги. Мне лучше уйти, — она отталкивается от стойки, и я остаю вливаю её, положив руки ей на плечи.

— Ты никуда не пойдёшь, — твёрдо говорю я ей. — Ты будешь спать на нашем диване, если придётся, или со мной. Или будешь спать с... ну, ты поняла. — поворачиваю голову в сторону Стивена.

— Фу, я не шлюха, Алекс. Я не даю на первом свидании, — её взгляд возвращается к Стивену, интерес в её глазах очевиден. — Как думаешь, он девственник?

— Ни в коем случае, — я качаю головой, игнорируя сомнения. Вполне вероятно. Без понятия. В последние два дня ничего не имело большого смысла, так что я просто плыву по течению.

Мой телефон вибрирует, я достаю его из кармана, чтобы проверить, кто это.

«Привет, красавица».

Тристан.

Я не могу сдержать расплывающуюся улыбку и решаю ответить ему. Я не отвечала весь день, и теперь задаюсь вопросом, не сводит ли это его с ума. Уверена, меня бы это свело с ума, поэтому начинаю отвечать, когда Келли выхватывает телефон из моих рук.

— Эй! Отдай!

— Тебе пишет Тристан? — Келли перечитывает каждое сообщение, которое он прислал сегодня. Клянусь, для неё нет ничего святого. — Довольно мило. — она смотрит на меня.

— И без тебя знаю.

— Но ты не отвечала.

— А что я должна ответить? Эй, спасибо, но я думаю, что ты полный придурок?

— Ты же не думаешь, что он полный придурок.

— Вроде как, — пожимаю плечами.

— Верно, именно поэтому ты сегодня отшила Стивена и, по сути, просто дала мне разрешение соблазнить его, — парирует Келли. — Перестань отрицать свои чувства. На мой взгляд, очень важно, что Тристан высказал всё прошлой ночью. Я знаю, ты не впечатлена, но знаешь, что? Я полностью согласна с ним.

Наверное, мне не следовало рассказывать ей всё, что наговорил Тристан, но вчера вечером я была в плохом настроении. Под кайфом от мороженого и воодушевлённая тем, что Кэрри переспала с очень женатым мистером Бигом — такой плохой поступок с её стороны — но этот её плохой поступок заставил меня чувствовать себя менее виноватой в том, что хочу Тристана, несмотря на все глупости, которые он делает и говорит. Для этого парня нет никакой надежды. Или для нас. Я ещё этого не знаю...

Я не готова отказаться от него. Что значит, я сошла с ума. Абсолютно точно.

— Он только болтает и ничего не делает, — напоминаю я ей.

— Он делает небольшой шаг с помощью текста, — указывает Келли.

— Опять же, это всё только разговоры. Никаких действий, кроме того, что он печатает, — внезапно накатывает усталость. И больше нет желания говорить с Келли о Тристане. Мы уже сто раз обсуждали его. — Я иду спать. Не ездь сегодня домой, ладно?

— Ты собираешься оставить меня наедине с парнями?

— Ты уже большая девочка, — глажу её по макушке. — Развлекайся. Сделай шаг навстречу Стивену, но не заходи слишком далеко. Он легко пугается.

— Заткнись, — выражение её лица становится серьёзным. — Я не уеду сегодня, обещаю.

— Хорошо. Если хочешь, спи со мной. Моя кровать намного удобнее, чем диван.

— Ты пытаешься приударить за мной? — спрашивает Келли, невинно моргая.

— Как пожелаешь, — толкаю её.

— Спасибо, Алекс. Ты хороший друг, — она небрежно обнимает меня, и я обнимаю её в ответ, крепко прижимая к себе, прежде чем отпустить. — Спокойной ночи.

— Спокойной. Не делай ничего такого, чего бы я не сделала, — поддразниваю её.

— А это уже вообще ничего, — кричит мне вслед Келли, когда я направляюсь в свою комнату.

Разве это не правда?

Тристан

Мой телефон звонит, я хватаю его и улыбаюсь, когда вижу, от кого пришло сообщение.

«Привет.:)»

Её первый ответ за день, и он приходит в — я проверяю время — одиннадцать-тринадцать. Несчастливое тринадцать только что превратилось в моё любимое число.

«Как прошло твоё свидание?»

Я заставил Келли рассказать, куда Александрия пошла сегодня вечером, и она, в итоге,

неохотно призналась. Эти двое становились близки. Это было немного страшно.

«Не понимаю, о чём ты.»

Улыбаясь, обдумываю, как мне ответить.

«Давай не будем лгать друг другу. Тебе было весело со Стивеном?»

Её ответ почти мгновенный.

«Мы решили, что нам лучше быть друзьями.»

Я ухмыляюсь. Ничего не могу с этим поделать.

«Почему?»

«Потому что он влюблён в Келли, а Келли влюблена в него.»

Мать твою, что-что? Я не могу представить Келли с тихим стервятником Стивеном.

«Ты серьёзно?»

«Да. Они без ума друг от друга.»

«И что же тебе остаётся?»

«В смысле?»

«Они вместе у тебя?»

«Да. Играют в видеоигры.»

Хм, хм. Это скоро станет паролем для секса.

«Где ты сейчас находишься?»

«В постели.»

Я сразу же представляю, во что она может быть одета. Предпочтительно в ничего. Хотя те маленькие шорты и тонкая майка тоже подойдут.

«И что ты делаешь в постели?»

«Смотрю СБГ.»

«????????»

«Секс в большом городе. Кэрри и её подружки — мои любимые, особенно сейчас.»

Проводя рукой по челюсти, задаюсь вопросом, на что она намекает.

«Почему именно сейчас?»

«Их неправильный выбор помогает мне оправдать мой.»

«И что за неправильный выбор ты делаешь?»

«Хм, даже не знаю. Пишу тебе?»

Она считает, что я плохой выбор. И она права. Именно так она должна думать обо мне. Это вселяет в меня надежду. Убеждая, что, может, я не сделаю ей больно. Потому что это последнее, чего я хочу. Я не собираюсь завязывать отношения с долгосрочной перспективой, и она должна быстро это понять.

«Могу предложить пару грязных идей, которые мы могли бы осуществить вместе.»

«Держу пари, ты можешь.»

«Я также могу и показать.»

«Не сомневаюсь. Ты пытаешься предложить мне большой Ч?»

Я смеюсь во весь голос. Она никогда этого не забудет. Отстойно только, что это сработало. И не раз.

«А ты хочешь большой Ч?»

«Не сегодня.»

Моё сердце бешено колотится от этих двух невинных слов. Они дают мне надежду. Заставляют хотеть сделать что-нибудь сумасшедшее.

«Я хочу тебя увидеть.»

«Но уже так поздно.»

«Плевать. Я сейчас приеду.»

«Тристан, не думаю...»

«Да. Я не буду пытаться предложить тебе большой Ч. Мы можем просто поговорить.»

«Разговоры ни к чему не приведут.»

«Ладно, отлично, будем целоваться. Это будет потрясающе. Увидимся через десять минут.»

Я выхожу из дома, прежде чем Александрия сможет убедить меня остаться.

ГЛАВА 16

Тристан

Я изо всех сил швыряю ещё один кусок коры в окно спальни Алекс, но он просто ударяется о стекло и падает в розовые кусты. Так и знал, как только увидел их, что ненавижу эти дурацкие розовые кусты не просто так. А камни в её окно я бросать не могу. С моей удачей я бы, наверное, разбил его и разозлил её.

Поэтому мой выбор — кора.

Нервная энергия, бурлящая внутри меня, приводит меня в возбуждение, и я расхаживаю, говоря себе, что, пытаясь привлечь её внимание таким образом, веду себя глупо. Я мог бы просто постучать в эту чёртову дверь. Зайти внутрь, поздороваться с парнями, не обращая внимания на ухмылку на лице Келли, которая, как я знаю, будет там, и пройти прямо в спальню Алекс.

Но мне не хочется, чтобы они знали о моём присутствии. Я хочу, чтобы это было между нами. Наш маленький секрет. Чёрт, я почти уверен, что Алекс не догадывается о моём присутствии, но на самом деле я не дал ей выбора.

Типичное поведение с моей стороны, но поделаться с собой ничего не могу. Я умирал от желания увидеть её весь день.

Весь. Чёртов. День.

Решив, к чёрту всё, забрасываю её окно корой, которую держу в ладони. Кусочек за кусочком, шлепок, шлепок, шлепок по стеклу, пока, наконец, она не приоткрывает жалюзи и не оказывается там, освещённая светом, горящим позади неё.

Моё сердце сжимается при первом взгляде на её милое, слегка нахмуренное, совершенно растерянное лицо. Я машу ей пальцем, показывая, чтобы она открыла окно, и она тянет за шнур, чтобы поднять жалюзи, затем толкает окно.

— Что ты делаешь? — шепчет она, когда я подхожу.

— Пришёл повидаться с тобой, — я останавливаюсь прямо перед дурацким розовым кустом, внезапно почувствовав себя неуверенно. Что, если она велит мне уйти?

— У меня действительно есть входная дверь, ты же знаешь, — она кладёт руки на подоконник и выглядит чертовски мило в зелёной рубашке с длинными рукавами, в центре которой изображён белый голубь, а сверху в рождественскую клеточку написано «Old Navy 2010».

— Симпатичная рубашка, — говорю я ей.

Она опускает взгляд.

— Она у меня со средней школы.

— Готовишься к Рождеству?

В её взгляде мелькает что-то непонятное.

— Едва ли. Ненавижу праздники.

— Да ладно? — я удивлён. Был уверен, что большинство девушек любят Рождество. Мишура, блеск, милые маленькие Санта-Клаусы и подарки — чего ещё они могли желать?

— Да, — она рассматривает меня, склонив голову набок. — Я должна сказать тебе, чтобы ты возвращался домой.

— Почему? — страх камнем падает мне в живот.

— Уже поздно. Я устала, — Александрия проводит рукой по волосам и зевает, как бы подчёркивая свои слова. — И здесь холодно.

— Не то слово, — бормочу я. На мне мой самый толстый пуловер с капюшоном и спортивные штаны. Чертовски холодно, но я начинаю понимать, что сделаю всё, чтобы увидеть эту девушку.

Что безумно пугает.

— Ты не устал? — спрашивает Александрия.

Качаю головой.

— Замёрз?

Киваю.

— Тогда приходи завтра. Это безумие, — она начинает закрывать окно, а я делаю вид, что собираюсь протиснуться мимо розового куста. Мне всё равно, если эти гигантские шипы, которые, кажется, сверкают в ночи, поцарапают меня. Я полон решимости проникнуть в спальню Александрии. — Что ты делаешь? — недоверчиво спрашивает она.

— Если ты собираешься заставить меня пробраться сквозь этот грёбаный розовый куст, чтобы увидеть тебя, я сделаю это, — уверяю я её.

— Тристан.

— Александрия, — ухмыляюсь я.

— Боже мой. Позволь мне открыть дверь.

— Никому не говори, что я здесь, — тут же прошу я, останавливая её на полпути. — У вас есть другая дверь, через которую ты можешь меня впустить?

Она обдумывает это.

— В конце коридора есть странная дверь, ведущая на задний двор.

— Впусти меня через неё.

Она улыбается.

— Тебе придётся перепрыгнуть через забор.

Я отхожу назад и обдумываю это. Забор высокий, по крайней мере, шесть футов, но блин. Я перескочил через несколько заборов в своей жизни.

— Встретимся там через две минуты.

— Ты ненормальный.

Ради тебя, хочется сказать, но держу рот на замке. Она закрывает окно прежде, чем я успеваю что-либо вымолвить, и жалюзи опускаются с громким стуком. Это намёк на то, что пора бы мне направиться к забору, что я и делаю, обдумывая, как лучше атаковать его.

Оглянувшись через плечо, убеждаюсь, прежде чем прыгнуть, что мимо никто не проезжает. Надеюсь, мимо не проедет полицейская машина, потому что прямо сейчас я выгляжу как грабитель, готовый ворваться внутрь.

Чёрт. Если бы она только знала, на что я готов, чтобы провести с ней всего несколько украденных минут...

Я перетаскиваю свою задницу через шаткий деревянный забор, приземляюсь на землю с

глухим стуком, вызывая дрожь в коленях. В другой жизни — в средней школе — я играл в футбол. И был приличным игроком, мне это нравилось, но главная причина, по которой я играл? Спортсменам доставались все киски. Вообще-то, в то время у меня было много кисок.

Моё подкрадывание напоминает мне о тех старых временах. Когда я заявлялся к девчонке посреди ночи, проскальзывал в её комнату и часами целовался с ней на кровати. То были хорошие времена — особенно хорошие, потому что нас никогда не ловили. Я был везучим сукиным сыном.

Сегодня вечером надеюсь, мне снова повезёт.

Дверь распахивается, как только подхожу к ней, Александрия стоит там, жестами показывая мне, чтобы я вошёл внутрь. Я поднимаюсь по ступенькам и вхожу в тёплый дом, её запах окутывает меня, вызывая желание схватить её, притянуть к себе и поцеловать.

Но держу свои руки при себе, наблюдая, как она быстро закрывает дверь, поворачивает замок, а затем показывает, что хочет, чтобы я следовал за ней. Я иду в ногу с ней, тесня её, когда мы направляемся в её спальню. У меня нет сил сопротивляться — опускаю руку ей на талию, и она позволяет мне прикоснуться к ней, и как мне кажется, Александрия останавливается, чтобы наши тела могли соприкоснуться друг с другом, я закрываю глаза, вдыхая восхитительный аромат её волос.

Она так хорошо пахнет. Ощущается ещё лучше.

Через несколько секунд мы уже в её комнате, и я притягиваю её к себе, коротко целую. Слишком коротко.

— Я не должна была впускать тебя, — произносит она, задыхаясь. Она делает шаг назад, и я отпускаю её.

— Почему?

— Мне не стоит отвлекаться.

Я улыбаюсь. Что ж, это обнадеживающее признание.

— Так значит, я отвлечение.

— Абсолютное. Ты же в курсе, я уже сегодня вечером ходила на свидание, — криво усмехается она.

— Да, — потираю затылок, пытаюсь снять напряжение. Мне невыносима мысль, что она была со Стивеном. Единственная причина, по которой я не пробиваю дыры в стенах, это то, что она мне сказала. — Но ты сказала, что вы двое решили быть друзьями.

— Да, решили, — кивает Александрия.

— И что он интересуется Келли? — сумасшедший.

— Да.

— А она интересуется им?

— Интересуется.

— Вроде того, как ты интересуешь меня?

— А как именно ты во мне заинтересован, Тристан?

— Позволь мне показать тебе, — Яделаю вид, что собираюсь схватить её, и она уворачивается с моего пути, проскальзывая мимо моих пальцев. — Да ладно тебе.

Александрия качает головой.

— Если ты хочешь потусоваться со мной сегодня вечером, то это будет на моих условиях.

— И каковы твои условия?

— Мы будем смотреть «Секс в большом городе» и прижиматься друг к другу, — то, как

она это произносит, очаровательно.

— Серьёзно?

Она кивает.

Ладно. Я за то, чтобы прижаться поближе. Я никогда не делал этого раньше, но ради Александрии пойду на всё, только бы провести с ней время. Но «Секс в большом городе»?

— Ты собираешься заставить меня смотреть этот сериал с цыпочками?

— Ага.

— Он старый.

— Он вне времени.

— Он про кучу старых вешалок, трахающихся направо и налево.

— Эй, они настоящие женщины с крепкой дружбой, ищущие любви в бессердечном, жестоком городе, — очень пылко объясняет она.

— Ты же не собираешься предоставить мне выбор, не так ли?

— Нет, — качает она головой и машет рукой в сторону кровати. — Соглашайся или уходи. Либо обнимашки и «Секс в большом городе», либо ты уходишь.

Скидываю туфли и засовываю их под ближайший стул, затем снимаю толстовку. Александрия стоит передо мной, словно застыв, её губы приоткрыты, глаза широко распахнуты.

— Что? — спрашиваю я, бросая толстовку на стул.

Она качает головой, закрывая рот.

— Ничего. Давай начнём, — она идёт к кровати, сбрасывает кучу подушек на пол и откидывает одеяло, приглашая меня в свою постель. Господи, у меня такое чувство, будто я только что выиграл самую крупную комбинацию, которую когда-либо разыгрывал.

И я собираюсь наслаждаться каждой грёбаной секундой.

Алекс

Нет ничего лучше, чем наблюдать, как Тристан раздевается и устраивается поудобнее в моей спальне. Серьёзно, стоило ему снять толстовку, его футболка задралась, и я мельком увидела его плоский живот. Определенно, это был момент Алекс-поклонницы, всё во мне ожило и находилось в состоянии повышенной готовности. И потом, когда он посмотрел на меня со смущением в глазах, а его волосы превратились в золотисто-каштановый бардак из-за того, что он стянул толстовку через голову?

Во мне что-то умерло. Возможно, я сохраняю хладнокровие и веду себя так, будто мне всё равно, что он здесь, но в глубине души мои девчачьи органы визжат от предвкушения.

Он забрался ко мне в постель, словно ему там самое место, и не оставил мне другого выбора, кроме как сделать то же самое. К тому времени, как я нервно поправила подушки и устроилась поудобнее, он уже держал мой ноутбук в руках и, положив его на колени, хмуро смотрел на экран.

— Ты действительно смотришь DVD? — он взирает на меня так, словно я сошла с ума.

Пожимаю плечами.

— Они принадлежали моей маме.

Тристан выгибает бровь.

— Принадлежали?

Здесь я ступаю на опасную почву. Совершенно не хочется говорить о моих родителях. И так достаточно неловко, что люди, с которыми я выросла, знают, что они сделали. Но ещё хуже, когда я вынуждена объяснять каждую мелочь грехопадения родителей новым людям в

моей жизни.

Поэтому держу рот на замке.

— Ей больше не нужны были DVD, поэтому она отдала их мне. Я начала смотреть сериал и как-то незаметно подседа, — наклоняюсь и смотрю в меню, желая сменить тему. — Третий сезон сейчас — мой любимый.

— Что разные сезоны соперничают за то, чтобы быть твоими любимыми? — Тристан смотрит на меня, свет от моего ноутбука освещает его лицо, отчего он выглядит ещё более красивым. И совсем не страшно, что этот парень в моей постели.

В моей постели. С ума сойти.

— Всё зависит от моего настроения, но, серьёзно, этот сезон потрясающий. Я узнала кое-что новенькое, например, «о золотом дожде», — Тристан кривится, и я хихикаю. — Девочки отправляются в Лос-Анджелес, и там у них начинаются дикие приключения. Теперь я в курсе, что такое плохая карма и что как аукнется, так и откликнется. Но мои любимые эпизоды — это когда Кэрри встречается с Бигом, хотя он женат.

Тристан хмурится.

— Почему так?

— Её переживания так... реальны, — не знаю, как это описать, и чувствую себя немного глупо, защищая эпизоды, связанные с изменой. Но моё сердце болит за неё каждый раз, когда я смотрю их. И когда Шарлотта замечает их идущими вместе по улице, и очень злится из-за этого, а Кэрри чувствует себя такой виноватой...

В последнее время я чувствую себя так же. Барахтающей. Виноватой. Раздираемой противоречиями. И большинство этих чувств связано с парнем, сидящим рядом со мной. В моей постели, позвольте напомнить.

— А ещё это сезон, который подарил нам «вонючую спаржу», — выпаливаю я.

Стоит только слететь этим словам, как Тристан поворачивает голову в мою сторону.

— Прости, что?

Мои щёки горят.

— Саманта делает минет какому-то парню...

— Это которая самая распутная, верно? — перебивает он.

Бросаю на него взгляд.

— Она более... предприимчивая, да, во всяком случае, он, э-э, кончает ей в рот, — да, описывать этот эпизод гораздо более неловко, чем я ожидала, особенно, учитывая, как пристально Тристан наблюдает за мной. — Это ужасно на вкус. И поэтому она говорит, что у него там вонючая спаржа.

— Я хочу посмотреть этот эпизод, — тут же реагирует Тристан.

— Давай я тебе просто перескажу его, — предлагаю я.

— Неа, — качает он головой. — Мне нужно это увидеть. Давай, загружай его.

И вот так мы заканчиваем тем, что вместе смотрим эпизод с «вонючей спаржей». Происходит много чего и другого. Шарлотта обручается, Кэрри узнаёт, что Биг разводится, а Миранда злится на Стива, но Тристан оживает только тогда, когда на экране появляется Саманта.

Ну, конечно же. Всевозможные сцены минета и разговоры о спарже — всё очень неловко, но он смеётся во всех нужных местах, и я тоже. Я краснею, когда мы видим голую задницу актёра, и не могу не задаться вопросом, красивая ли у Тристана голая задница...

Уверена, да. Он достаточно хорошо одет. Я не могу представить, что увижу его голым.

— Мне неохотно такое говорить, — признаётся он, как только эпизод заканчивается, — но это было весело.

— Саманта забавная, — соглашаюсь я.

— Они все чудные, — он поворачивается и встречается со мной взглядом, на его лице лёгкая улыбка, а от его близости у меня перехватывает дыхание. — Давай посмотрим ещё один эпизод.

— Серьёзно?

— Да, — кивает он. — Думаю, я не против посмотреть ещё на Саманту.

Мы осиливаем ещё три выбранных мною эпизода, где демонстрируются сексуальные выходки Саманты. Эпизод с парнем, у которого огромный пенис, понравился Тристану больше всех.

Логично.

— Мне это знакомо, — сонно произносит он, как только эпизод заканчивается. Его голова утопает в груди подушек, на которых он лежит, глаза полуприкрыты. — Не то, чтобы ты никогда не знала, так как никогда не видела мой большой Ч.

— Ты это серьёзно? — я насмешливо смотрю на него, и он посмеивается.

— Я могу показать тебе прямо сейчас, если хочешь. Хотя, возможно, ты предпочтёшь заняться кое-какой интенсивной йогой и закурить косяк, чтобы сначала хорошенько расслабиться, — он поднимает брови. — Нужно подготовиться, чтобы ты смогла взять его глубоко.

— О, Боже, заткнись, — я пытаюсь оттолкнуть его, но он хватается за руку и медленно трёт свою ладонь о мою, и от лёгкого трения, кажется, между нами вспыхивают искры. Я, затаив дыхание, наблюдаю, как он обхватывает мои пальцы, вытягивает свои, прежде чем снова сжать их, так что мы держимся за руки, как дети.

Но в том, как он прикасается ко мне, нет ничего детского. Моя кожа гудит там, где мы соединяемся, его ловкие пальцы легко скользят по моим, заставляя меня дрожать.

— Мне нравятся твои руки, — признаётся он низким и сексуальным голосом. — Они такие мягкие.

А его нет. Они достаточно грубые, чтобы чувствовать себя мужественным и сильным, и мне это нравится. Он всё ещё играет с моими пальцами, расцепляет наши руки, чтобы перевернуть мою ладонь и изучить её, прослеживая линии указательным пальцем. Его прикосновения легки, как перышко. Когда я поднимаю голову, то обнаруживаю, что он уже наблюдает за мной своими тёмными, беспокойными глазами.

— Кажется, ты обратила меня, — шепчет он, и я моргаю, глядя на него.

— Обратила тебя?

— «Секс в большом городе», — он улыбается и поворачивается так, чтобы его голова была ближе к моей. — Я стал фанатом сериала.

— Ты посмотрел всего четыре эпизода.

— Я буду смотреть и дальше. Я посмотрю весь сериал полностью, — его улыбка становится шире. — Это даст мне хороший повод приходить сюда почаще. Не то, чтобы он мне был нужен.

Самонадеянный Тристан и так достаточно ужасен. Милый, очаровательный Тристан в десять раз хуже, и я не думала, что это возможно. Всё, что я могу делать, это удивлённо смотреть на него и гадать, что происходит в его голове. О чём он думает? Что он замышляет? Каковы его мотивы?

Не знаю. И, наверное, не хочу знать. Я бы предпочла думать, что он влюблён в меня, а я в него, и мы просто хорошо проводим время.

Так проще.

— Тебе нравится приходить сюда, чтобы играть в видеоигры с парнями? — тихо интересуюсь я.

Он медленно качает головой и двигается ещё ближе, поворачиваясь так, чтобы самому лежать на боку, а я — на спине, и его голова нависла над моей. Я смотрю на него, дрожа, ожидая, когда он сделает следующий шаг.

— Я здесь ради тебя, — он наклоняет голову и касается моих губ своими. Ещё больше искр. Я удивлена, что мы ещё не подожгли друг друга. — Единственная причина, по которой я когда-либо приходил сюда, — это ты.

Больше никаких разговоров. Поцелуй нежный, исследующий, оценивающий. Я легко раздвигаю губы, поощряя его, желая углубить поцелуй. Наши языки кружат и ищут, его рука тянется к моему животу, ладонь легко ложится на талию. Я протягиваю руку, чтобы коснуться его лица, провожу пальцами по его щеке, по линии его твёрдой челюсти. Его кожа тёплая, покрыта колючей щетиной. По правде говоря, раньше я не позволяла себе так прикасаться к нему. Я всегда держала себя в узде, боясь хотеть слишком много, брать слишком много.

Но сегодня вечером я хочу взять. Совсем чуть-чуть. Ровно столько, чтобы удовлетворить своё любопытство.

Он прерывает поцелуй первым, я открываю глаза и вижу, что он наблюдает за мной, его губы влажные, волосы свисают на лоб. Он целует меня в кончик носа. В щёку. В другую щёку. В лоб. Нежные, сладкие поцелуи, которые никогда бы не ожидала от такого потаскуна, как Тристан, но начинаю думать, что в нём есть что-то большее. Скрытая сторона, которую он никому не показывает. Та, которую мне бы хотелось узнать получше.

— Мне пора, — шепчет он мне в щёку, его дыхание горячее.

— Серьёзно? — хриплю я. Я ошеломлена. Он собирается... уйти? Сейчас? — Ты, эм говорил, что мы будем целоваться.

— Если я продолжу в том же духе, это будет больше, чем просто целоваться, — он перекачивается на спину, складывает на груди руки, переплетя пальцы. — Я пытаюсь не торопиться.

— Почему?

Он улыбается и приподнимается на локтях.

— Потому что я думаю, ты, возможно, того стоишь, — я наклоняюсь, он обхватывает мой затылок ладонями и целует меня. — Потому что хочу поступить с тобой правильно. — ещё один поцелуй, на этот раз невероятно нежный, губы Тристана задерживаются на моих, прежде чем он неохотно отстраняется, и его рука соскальзывает с моих волос. — Потому что хочу быть уверен, что ты действительно этого хочешь. Хочешь меня.

Прежде чем я успеваю что-либо сказать, он спрыгивает с кровати, натягивает толстовку и обувается.

— Увидимся позже? — спрашивает он, как только готов уже идти.

Я встаю на колени и ползу, пока не оказываюсь на краю кровати, ближе всего к тому месту, где он стоит. Схватившись за завязки на его толстовке, я тяну, притягивая его для поцелуя.

— Я не хочу, чтобы ты уходил, — шепчу я ему в губы.

Вау. Посмотрите, как я дерзка, прося о том, чего хочу.

Он резко выдыхает и закрывает глаза.

— Ты убиваешь меня. Я пытаюсь поступить правильно.

— А я думаю, что ты должен поступить неправильно.

— И что ты называешь неправильным?

— Нырнуть обратно под одеяло и раздеться вместе со мной, — испытываю ли я его?

Испытываю ли я себя? Не знаю. Но я не лгу, когда говорю, что хочу этого. Поэтому действую.

Он берёт мои руки и крепко держит их, сжимая, прежде чем отпустить.

— Мне нужно идти. Я напишу.

Я плююсь на него, разинув рот. Не могу поверить, что он просто отшил меня. Как ни странно, я не чувствую себя отвергнутой.

— Ты действительно уходишь?

Тристан подходит к двери и открывает её, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня, прежде чем выскользнуть.

— В конечном счёте это будет того стоить. Обещаю.

Как только дверь тихо закрывается, я бросаю в неё подушку, борясь с сексуальным разочарованием, пульсирующим глубоко внутри меня. Мне даже понравилось, что он ушёл. Я вроде как ненавижу то, что он, казалось, мог сделать это так легко.

Теперь он просто оставил меня желать большего.

ГЛАВА 17

Алекс

— Понятия не имею, что надеть, — бормочу я, роясь в своём крошечном шкафу. Не могу вспомнить, когда в последний раз покупала что-то новое. Я намеренно заставляла себя носить одежду, которая у меня уже есть, учитывая, что дома мой старый шкаф был размером с теперешнюю спальню и был полон от вещей новейших и лучших стилей, включая супергорячие туфли и дорогие сумки.

После того, как всё пошло прахом, я вернула кучу неношенной обуви и обратно получила деньги. Многие из этих дорогих сумок также принесли мне хорошую сумму в комиссионном магазине. Сэнди в восторге от того, как быстро они продались, и продолжает спрашивать, есть ли у меня ещё, и у меня есть, но это требует посещения склада, а у меня давно не было возможности туда сходить.

По какой-то причине моя жизнь из скучной и одинокой превратилась в увлекательную и насыщенную. Я виню в этом новых друзей. И одного высокомерного, сексуального парня.

— Уверена, ты что-нибудь найдёшь, — откликается Келли, явно не обращая на меня внимания. Она сидит на моей кровати и листает журнал, купленный в продуктовом магазине, когда мы заезжали туда раньше. — Эй, хочешь пройти тест о сексе?

Прекращаю поиски идеальной вещи, которую можно было бы надеть.

— Нет.

Она издаёт какой-то звук.

— Боже, как же с тобой скучно. Разве ты не хочешь знать, дикая ты женщина или нет?

Я совершенно уверена, что я не дикая женщина.

— Я довольно скучная, когда дело доходит до секса. Мне не нужен тест, я и без него могу это сказать.

— О, да ладно, ты не можешь быть такой скучной. Держу пари, у тебя в рукаве

припрятано несколько интимных секретиков, — она отрывает взгляд от журнала и морщит нос. — Это то, в чём ты собираешься пойти? Тебе не кажется, что это немного чересчур?

Вздыхнув, стягиваю через голову чёрное платье-свитер, которое на мне надето, оставляя его скомканной кучей на полу. Келли права. Платье слишком строгое. Оно кричит, что я слишком стараюсь произвести впечатление, а это совсем не тот образ, который я хочу продемонстрировать друзьям Тристана.

Тьфу ты. До сих пор не могу поверить, что вообще согласилась сделать это сегодня вечером. Мне кажется, Тристан тоже немного ошеломлён тем, что и сам согласился на подобное. Двойное свидание с Гейбом и Люси, мы собираемся поужинать вместе. Сегодня вечером.

Он заедет за мной меньше, чем через час, а я всё ещё не выбрала наряд. Я и так уже один сплошной комок нервов. Я не видела Тристана с той ночи, когда мы смотрели «Секс в большом городе», а это было несколько дней назад. Мы разговаривали. Переписывались. Но что, если он будет вести себя странно?

Зная его, он может. Я до сих пор сбита с толку, мы поцеловались всего пару раз, а потом он ушёл. Я думала, что он попытается что-нибудь предпринять. Что-нибудь серьёзное. С участием его большого Ч.

О, Господи, я начинаю мысленно походить на него. Очевидно, у меня проблема.

— Ого, что, чёрт возьми, на тебе надето? — вскрикивает Келли.

Бросаю взгляд на себя, прежде чем поднять голову и встретиться с её удивлённым взглядом.

— Нижнее бельё?

— Это один из самых модных и шикарных комплектов нижнего белья, которое я когда-либо видела, — Келли аж присвистнула. — Где ты его взяла?

Видите ли, вот в чём дело. В те далекие времена, когда деньги не имели значения, и я использовала кредитную карточку своего отца, чтобы купить всё, что захочу, у меня появился фетиш нижнего белья. Например, мне нравилось тратить большие деньги на лучшее нижнее бельё, которое можно было найти. Не то, чтобы я носила его для кого-то особенного. У меня было не так уж много серьёзных отношений, с большим перерывом между ними, да и то они не были особенно страстными.

Но ношение изящных кружевных трусиков с подходящим бюстгалтером, которые стоят больше, чем настоящая одежда, которую я носила поверх них, давало мне странное ощущение власти. Как будто я носила доспехи под обычной одеждой, о чём никто не имел ни малейшего понятия. Сексуальное нижнее бельё заставляло меня чувствовать себя неприкасаемой.

После всего, что случилось с моими родителями, я потеряла часть этой силы и, определённо, не чувствовала себя неприкасаемой. Когда нас выгнали из нашего великолепного особняка, я запихнула всю эту красоту в коробку и попыталась забыть о её существовании. Когда же я всё перетрясла и оставила безумное количество вещей в хранилище, коробку с кружевами и шёлком я принесла с собой.

Так что деньги могут исчезнуть, но нижнее бельё останется. Да и вряд ли можно было бы принести всё это в комиссионный магазин и продать свои бывшие в употреблении трусики — это отвратительно. Кроме того, мне не хотелось от них избавляться. С той ночи, как приходил Тристан, я заново открыла для себя любовь к своей коллекции дорогого нижнего белья и начала носить её. Этот конкретный комплект бюстгалтера и трусиков я

надела, думая о Тристане, надеясь, что позже сегодня вечером он увидит их.

Прямо сейчас я словно забылась и прощоголяла в нём прямо перед Келли.

— Это Victoria's Secret, кажется, оно у меня давным-давно.

Чёрный шёлк в белый горошек и отделанный тонким чёрным кружевом, этот комплект, скорее всего, стоит намного дороже, но мне не хотелось признаваться в этом. Victoria's Secret доступен нам обоим. Почти каждая девушка в кампусе закупается в их магазинах.

— Тристан сойдёт с ума, — Келли бросает журнал и садится на край кровати. — Серьёзно, Алекс, ты выглядишь секси. У тебя оказывается, есть сиськи.

Ха, жестокая правда от подруги. Я в курсе, что плоскогрудая. Как и Келли. Но для неё не было проблемой сообщить и мне об этом.

— У этого лифчика на самом деле отличный подъём, — трогаю косточки и поправляю чашечки. Некоторые парни называют это ложной рекламой. Я же просто называю это улучшением того, что уже имеется.

— Вот что я скажу. Тристан захочет вытащить твоих девочек прямо из лифчика, — она качает головой. — Боже, я говорю, как извращенка. Я виню в этом отсутствие сексуальной жизни.

Стивен и Келли медленно кружат вокруг друг друга. Они тусуются вместе. Общаются. Переписываются. Дважды встречались за кофе. Ходили в кино. Однажды он взял её за руку, когда им пришлось очень быстро переходить улицу. Во всех иных отношениях ничего не происходит.

И Келли расстроена.

— Тебе нужно сделать первый шаг, — предлагаю я ей, подходя к своему комоду, открываю ящик, достаю свой любимый тёмно-синий свитер и встряхиваю его, прежде чем надеть. Этот цвет хорошо смотрится на моей коже и делает глаза более голубыми. Закатываю рукава и тянусь за тонкими золотыми и серебряными браслетами, которые всегда носила на запястье. — Он боится.

— Пугливые парни — заноза в заднице, — бормочет Келли.

Я надеваю через голову длинную цепочку и поворачиваюсь к ней лицом.

— Именно мне пришлось сделать первый шаг со Стивеном. Советую тебе сделать то же самое, — развожу руки в стороны. — Ну как? Что думаешь?

— Классный свитер. Обожаю украшения. Но тебе нужны брюки, — Келли прищуривается. — И что ты имеешь в виду, говоря, что ты вынуждена была сделать первый шаг?

Не могу поверить, что я, чёрт возьми, забыла про брюки. Схватив свои любимые джинсы, поспешно натягиваю их, а затем отправляюсь на поиски чёрных кожаных ботинок до колен, которые лежат под моей кроватью.

— Я поцеловала его в машине в тот вечер, когда мы ходили в кино.

Келли шумно втягивает воздух.

— Ты шлюха! Почему ты ни разу даже не заикнулась об этом?

Пожав плечами, сажусь рядом с ней и начинаю натягивать ботинки.

— Это было совершенно скучно, вот почему.

— Поцелуй был ужасен? Стивен плохо целуется? Боже, не говори мне этого. Всё это предвкушение убивает меня, — она выглядит встревоженной.

— Между нами он был плох. Не было никакой химии. В ту ночь мы решили, что нам лучше быть друзьями, и он признался, что ему нравишься ты.

— У него забавный способ показать это, — бормочет Келли.

— Я тебя умоляю. Вы всё ещё узнаете друг друга. Стивен двигается медленно, ты это знала. Но между вами двумя, похоже, химия есть. Я уверена, что, когда ты наконец поцелуешь Стивена, это будет потрясающе, — успокаиваю я её, натягивая второй ботинок, поправляя их оба вокруг колена, а затем встаю. — Хорошо, а теперь как я выгляжу?

— Потрясающе. Брюки действительно дополняют образ, — я показываю ей язык, и она смеётся.

— Я нервничаю, — признаюсь, вставляя в уши крошечные бриллиантовые гвоздики, которые родители подарили мне на тринадцатый день рождения. — Что, если Люси меня возненавидит?

— Люси тебя обожает, — перебивает Келли. — Вы двое уже знаете друг друга. Из-за чего тут переживать?

— Мы едва знаем друг друга. Я ближе с Джейд. Но Шеп сегодня работает в казино, так что они с Джейд не могли пойти с нами.

— Всё будет отлично! Люси не возненавидит тебя. С чего бы? Они с Гейбом могут иногда ненавидеть Тристана, но они, определённо, не будут ненавидеть тебя, — Келли замолкает, наблюдая, как я брожу по своей комнате, поднимаю с пола сброшенную одежду и бросаю её в шкаф, прежде чем закрыть дверь, чтобы скрыть беспорядок. — Что мне делать со Стивеном?

— У вас двоих есть какие-нибудь планы на сегодняшний вечер?

— Я просто поболтаюсь здесь с ребятами, — она пожимает плечами, выглядя разочарованной.

— Может, тебе следует предложить вам двоим выйти и заняться чем-нибудь, а затем сделать первый шаг, пока вы одни? Или затащи его к себе домой, — Келли ненавидит свою соседку. Они делят крошечную квартирку, и парень её соседки — полный придурок — всегда там, устраивает беспорядок и валяется на диване целыми днями. — Приведи его в свою комнату и сотвори с ним свою магию.

— Что, если его не заинтересует моя магия? — жалобно спрашивает она.

— Тогда он идиот, — твёрдо заявляю я, разглаживая свитер спереди. — Как думаешь, моему идиоту понравится то, что на мне надето?

— У него остановится сердце, когда увидит тебя. А потом, когда позже снимет с тебя одежду и увидит, что на тебе под всем этим, он умрёт ещё раз. Это будет потрясающе. Убедись, что сделала несколько фотографий на свой телефон и разместила их в Instagram, дабы запечатлеть такой момент.

— Точно. Обязательно так и сделаю, — сухо соглашаюсь я, отчего мы обе смеёмся.

Тристан

Не могу перестать пялиться на Александрию. С того момента, как подъехал к её дому и увидел, стоящую в открытом дверном проёме, я чуть не проглотил язык. Синий свитер, который на ней, облегает её во всех нужных местах, и по какой-то причине её сиськи выглядят особенно потрясающе. Ткань мягкая, отчего мне постоянно хочется протянуть руку и прикоснуться, джинсы очень обтягивающие, а сапоги до колен подчеркивают её чертовски длинные ноги.

Моя девушка чертовски сексуальна. Я отчётливо помню, как сказал ей именно это в ночь вечеринки в честь Хэллоуина. И по-прежнему согласен с моей ранней оценкой.

Ужин с Гейбом и Люси пока проходит хорошо. Признаюсь, я немного нервничал. У нас

были свои моменты в прошлом. Чёрт, всего пару недель назад у меня были дерьмовые отношения с Гейбом после того, как я оскорбил Люси, как придурок, каким и являюсь. Я не мог свыкнуться с мыслью, что мои друзья хотят быть только с одной девушкой, поэтому набросился и наговорил всяких неприятных вещей. Не извиняло и то, что я был пьян.

Начинаю понимать: быть пьяным никогда не помогает делу.

Люси и Александрия отлично ладят — так здорово, что они делают то, что делают все девушки, и уходят в туалет вместе.

— Почему они всегда делают именно так? — спрашивает Гейб, наблюдая, как девчонки идут через ресторан к дамской комнате.

— Без понятия, — мой взгляд прикован к Александрии, к тому, как она заправляет волосы за ухо, вежливо улыбаясь группе парней, проходя мимо. Половина из них оборачивается и смотрит на неё и Люси, я сжимаю руки в кулаки, готовясь погнаться за ними и велеть им держать глаза при себе. Ублюдки.

— Возьми себя в руки, — бормочет Гейб, замечая мои сжатые кулаки и, без сомнения, смертоносный взгляд в глазах. — Они могут смотреть, просто не могут прикасаться. А если когда-нибудь попытаются, вот тогда ты пойдёшь и надерёшь им задницы.

Медленно разжимаю кулаки и тянусь за стаканом с водой, делая большой глоток. Всё ещё с трудом могу поверить в то, как я себя веду. Последние несколько дней Александрия была занята работой и учёбой. Я тоже, хотя наши графики, похоже, никогда не совпадают. Поэтому провожу много времени в своей комнате, пересматривая серию за серией «Секса в большом городе».

Если бы парни узнали, я бы уже тут не сидел. Но, чёрт возьми, это неплохой сериал. Я многое узнал о женщинах и их взглядах на секс и отношения. Да, это немного устарело, но не думаю, что женщины так уж сильно изменились. До того, как я встретил Александрию, мне было наплевать на взгляды женщин на секс и отношения. И вот сейчас я начинаю познавать свою женскую сторону и смотреть сериал, который девушки всё ещё хвалят.

Очевидно, моя мужественность держится на волоске.

Я уже выяснил, кто такая Александрия среди женщин из сериала. Она Шарлотта. И Шарлотта — моя грёбаная любимица, вся такая чопорная и правильная, но совершенно дикая под этой спокойной внешностью. Я по уши увяз в пятом сезоне, Шарлотта только что переспала со своим адвокатом. Она сводила мужика с ума от вожделения.

Я полностью могу понять его проблему.

— Что с тобой такое? — любопытствует Гейб, толкая меня локтем и вырывая из моих мыслей.

Бросаю на него неодобрительный взгляд.

— О чём ты?

— Ты и Александрия. Ты ведёшь себя... серьёзно, братан. Это странно, — Гейб качает головой. — Я волнуюсь за будущее человечества.

— Что, чёрт возьми, ты несёшь? — Гейб странный парень. Но также он романтик, без памяти влюблённый в свою девушку. Теперь я, вроде как, понимаю это.

И это чертовски пугает.

— Даже не думал, что доживу до того дня, когда ты захочешь серьёзных отношений с девушкой. Ты ведёшь себя так, как будто... она тебе нравится.

— Да, она мне действительно нравится. Но я не хочу серьёзных отношений с ней, — бормочу я, нервы разъедают меня изнутри. Не думаю, что хочу этого. Но с другой стороны...

хочу. Я в замешательстве. Воображение будущего с Александрией рядом со мной выводит меня из себя. Воображение будущего без неё выводит меня из себя тоже.

Совершенно очевидно, я запутался.

— Можешь лапшу на уши мне не вешать, — Гейб допивает остатки пива и отодвигает от себя стакан. — Когда ты в последний раз кувыркался с другой цыпочкой?

Я должен подумать об этом. И это неслыханно.

— Э-э... две недели назад? Три? — с ночи Хэллоуина, той ночи, когда я встретил Александрию. Больше никто меня не интересовал.

Только она.

— Точно, — Гейб кивает с весёлым выражением лица. — Итак, ты постоянно занимаешься сексом с одной девушкой. Невероятно.

— Э-э. На самом деле у нас ещё не было секса, — признаюсь я, и тут же сожалею об этом, как только вижу выражение лица Гейба.

Его глаза выглядят так, словно вот-вот вылезут из орбит. Если бы я не был так раздражён, нашёл бы это совершенно комичным.

— Ты серьёзно? Чёрт возьми, как бы я хотел, чтобы Шеп был здесь. Он должен это услышать.

— Не говори ему ничего... — начинаю я, но Гейб качает головой, прерывая меня.

— Я просто обязан сказать ему. Это мой долг как друга.

— Ты ублюдок, — я хмуро смотрю на него, но он просто начинает смеяться.

— Как и ты. Полагаю, мы на равных. Ты знаешь, мы ждали этого момента, хотя, честно говоря, я никогда не думал, что этот день наступит. Ты не можешь держать член в штанах. Мы всегда говорили это. Ты сам заявлял так, — его смех затихает. — Это же не имеет никакого отношения к тому пари, которое ты заключил с Шепом, не так ли?

— Откуда, чёрт возьми, ты узнал об этом пари? Я сам совсем забыл про него.

— Шеп рассказал мне, — на мгновение он колеблется, прежде чем выпустить всё наружу. — Если это единственная причина, по которой ты с ней встречаешься, то это трюндец.

— Причина, по которой я встречаюсь с Александрией, не твоё чёртово дело, но просто чтобы ты знал — это не имеет никакого отношения к тому пари, — яростно цежу ему.

Мы всё ещё спорим, когда девочки возвращаются к столу, Люси тактично меняет тему и заставляет прекратить наши пререкания. Клянусь Богом, иногда мне кажется, что мы с Гейбом напоминаем пожилую супружескую пару. Шеп не раз говорил, что верит, будто мы тайно влюблены друг в друга.

Не то, чтобы само по себе это было плохо, но Боже.

— Тристан, у тебя есть планы на День благодарения? — интересуется Люси. Я заметил, что она похожа на маленькую маму, которая не может не заботиться обо всех вокруг. Даже обо мне, хотя я и не заслуживаю её доброты, учитывая, каким ослом был по отношению к ней, когда она впервые появилась среди нас.

Пожимаю плечами и, прежде чем ответить, бросаю взгляд на Александрию. Она тут же наклоняет голову, проверяя свой телефон. Хм.

— Как обычно. Проведу его с предками. А ты?

— Я собираюсь съездить к маме. Гейб поедет со мной, — она улыбается ему, и он обнимает её за плечи, притягивая ближе. — Мы собираемся приготовить много еды и откормить его. — Люси хлопывает Гейба по плоскому животу.

— Её мама — лучший повар на свете, — соглашается Гейб.

— А ты, Алекс? — Люси обращает своё внимание на Александрию. — Какие у тебя планы?

Александрия поднимает голову, выражение её лица настороженное.

— Эм, у меня нет никаких планов. Скорее всего, просто останусь здесь.

— О, у тебя нет семьи поблизости? — Люси хмурится, на её лице написано беспокойство. Очевидно, ей не нравится мысль о том, что Александрия будет одна на выходных.

Как и мне.

Александрия качает головой, но ничего не говорит.

Странно. Она никогда не говорит о своей семье. Единственное краткое упоминание — это то, что её маме принадлежали DVD с сериалом «Секс в большом городе». Во всех других случаях — ничего. Довольно загадочно... и необычно. Девушки любят болтать без умолку обо всём и ни о чём. По крайней мере, девушки, с которыми я проводил минимум времени. Не то, чтобы у меня было желание поговорить.

Я тоже не так много рассказываю о своих родителях, в основном потому, что они мне не нравятся. Или, что ещё хуже, я боюсь, что вырасту таким же, как они. Может, она чувствует то же самое.

Так что, наверное, в конце концов, это не так уж и странно.

— Я бы пригласила тебя поехать с нами, но дом моей мамы совсем крошечный. Всего две спальни, и она заставляет Гейба спать на диване, — продолжает Люси с явным разочарованием в голосе. Затем она светлеет. — Тристан, ты должен пригласить её к своим родителям.

Паника сжимает моё сердце, сдавливая его мёртвой хваткой. Я не хочу, чтобы она была рядом с моими родителями. Если я привезу Александрию с собой, это будет заявление не только о том, что между нами все серьёзно, но чёрт. Мои родители отстой. Я не хочу, чтобы она встречалась с ними и думала: «Таким ли будет Тристан в дальнейшей жизни?».

Нужно сыграть на этом и побыстрее.

Я смеюсь, но в лучшем случае этот смех можно посчитать нерешительным.

— Что, и подвергнуть её пыткам? Я так не думаю, — бормочу я, качая головой.

Люси сверлит меня взглядом. Гейб посылает мне... «ты такой тупой» взгляд. Но, чёрт возьми, это правда. Ей лучше не посещать грёбаный праздничный ужин, для которого мама не будет готовить индейку, потому что она толстеет, а отец может вообще не появиться за столом, потому что он слишком занят работой. Я пытаюсь заманить эту девушку, а не оттолкнуть её.

— Всё в порядке, — успокаивает Александрия, робко улыбаясь. — Я, наверное, всё равно буду ужинать у Стивена.

— погоди, что? — я поворачиваюсь посмотреть на неё, пытаюсь подавить поднимающееся во мне раздражение, стоило мне услышать имя этого придурка. — Ты собираешься на ужин в честь Дня благодарения к Стивену?

Она пожимает плечами.

— Его родители живут не слишком далеко. Келли и я едем с ним. Он не хотел, чтобы мы оставались одни.

Как он узнал, что она собирается провести каникулы одна, когда я этого не знал? Как часто она общается с этим парнем? Видимо, он каждый день бывает у неё дома. У него есть

идеальное оправдание, так как он дружит с её соседями, а теперь ещё якобы пытается сойтись с Келли. Но кто знает, правда ли это.

Мне не нравится, что он проводит так много времени с Александрией. Совсем не нравится. Но как можно протестовать, не выглядя ревнивым придурком? Никак. Так что я влип.

— Он просто был милым, — тихо добавляет Александрия, только чтобы я услышал. Её рука лежит на моём бедре. Она сжимает его, и обычно я был бы только за. Её рука на моём бедре, приятная и близкая к моему члену, почему бы мне это не понравилось? Но я раздражён.

Этот парень Стивен всегда просто милый. Они могли согласиться, что им лучше быть друзьями, но почему у меня такое отчётливое чувство, что он ждёт своего часа, готовый вонзить свои когти в Александрию, как только у него появится второй шанс? Что, если он думает, что она просто пытается выбросить меня из головы? Хороших девушек привлекают такие парни, как я. Я должен был бы быть слепым, чтобы не видеть этого.

А я, определенно, это вижу. И в прошлом всегда этим пользовался. Хорошие девочки хотят вырваться и быть плохими. Я всегда был добровольным партнёром. Является ли Александрия одной из таких? Я, вроде как, думаю, что да. Но нужно ли мне что-то обдумать, прежде чем она встретит хорошего парня, который предложит ей стабильность и уютные субботние вечера в объятиях друг друга? Как этот тупой осёл Стивен?

Мысль о том, что она будет с другим парнем — или, что ещё хуже, вернётся к Стивену, — разрывает меня изнутри. Что, чёрт возьми, это значит? Я почти слишком напуган, чтобы исследовать возможности.

ГЛАВА 18

Тристан

— Ты не... — сжимаю губы вместе, не отрывая взгляда от дороги передо мной. Мне так чертовски неудобно, что практически ёрзаю на сидении, но сдерживаюсь. Хуже того, я не знаю точно, что сказать, как подступить к Александрии так, чтобы не выглядеть совершенной размазнёй.

Поэтому решаю вообще ничего не говорить.

— Я не что? — спрашивает она.

Проклятье. Кажется, она слышала.

Быстро смотрю в её сторону, не желая отвлекаться от дороги во время вождения. Погода снова дерьмовая — все эти разговоры о погоде, обусловленной явлением Эль-Ниньо¹⁰, проходящим через западное побережье в течение сезона, оказываются верными. Пока мы были в ресторане с Люси и Гейбом, разразился сильный ливень. Сейчас дождь идёт в медленном, устойчивом ритме, как раз достаточном, чтобы ухудшить видимость и сделать улицы скользкими и особенно опасными.

Александрия молчит с тех пор, как мы вышли из ресторана, и это заставляет меня тревожиться. О, она была мила с Гейбом и Люси, когда мы прощались, обняла их обоих и поблагодарила за приглашение на ужин. Хотя я был тем, кто пригласил её, но проехали, забудем. Она хотела быть вежливой. Пытаясь произвести хорошее впечатление на моих друзей. Надеюсь, что задержится и увидит их снова — что и случится, учитывая, что она дружит с Келли и Джейд.

Такого рода вещи должны повергнуть меня в панику. Во-первых, я не хочу обманывать девушку и заставлять её думать, что у неё есть шанс. Ни у кого раньше не было со мной

шанса.

Чёрт, я даже не уверен, есть ли у Александрии он. Я всё ещё нахожусь на стадии выяснения возможностей.

Во-вторых, тот факт, что я даю ей этот особый шанс, когда всё может не сложиться, и мне всё равно придётся сталкиваться с ней позже? Безумие. Опять же, не похоже на меня. Я держу девушек на расстоянии. Я могу трахаться сколько угодно, но стоит им только захотеть увидеть меня снова, позвонить или написать, потусоваться с друзьями или встретиться с ними в баре, собраться вместе на ужин — это большое жирное «нет».

Так почему же Александрия отличается от других? Что заставляет её выделяться среди остальных? И почему, чёрт возьми, я до сих пор не переспал с ней? Я не засовывал руку ей в трусики. Она не делала мне минета, не дронила мне, ничего. Чёрт возьми, я едва поцеловал её. Чертовски неслыханно.

И ещё хуже, насколько я сейчас волнуюсь. Как только мы сели в мою машину, она притихла. Чувствую себя так, словно сделал что-то не так. Каким-то образом всё испортил. Девушки молчат, когда злятся, когда не добиваются своего, что бы это ни было. Кажется, я сделал что-то плохое, и не знаю, как это исправить.

Обычно мне всё равно настолько, что желания что-то исправлять совершенно не возникает. Вся эта ситуация чужда и неудобна, и мне это чертовски не нравится.

— Так ты действительно собираешься к Стивену на День благодарения? — решаюсь я.

Она даже не смотрит на меня, просто продолжает держать голову отвёрнутой от меня, пялясь в окно.

— Он пригласил меня. Других планов у меня не было. Поэтому да. Собираюсь.

Я умираю от желания точно знать, почему у неё нет больше никаких планов. Где её родители? Они живут далеко отсюда? Я даже не знаю, откуда она родом. До этого я никогда не задумывался спросить об этом, и я отношусь к Александрии так же, как к любой другой девушке, входящей в мою жизнь.

Что доказывает, какой я бессердечный засранец. И я ненавижу это. Раньше меня это никогда не беспокоило, но... чёрт.

— Он всё ещё тебе нравится? — говорю, как неуверенный в себе осёл.

Она бросает на меня уничтожающий взгляд.

— Только как друг.

— Уверена? — остановись, чувак. Остановись, от греха подальше.

— Я здесь с тобой, не так ли?

Мы оба замолкаем. Она продолжает смотреть в окно. Я продолжаю обдумывать каждое её короткое слово и жест. У неё вырывается лёгкий вздох, звук совершенно печальный, и всё. Я не могу этого вынести.

— Ты злишься на меня или что-то в этом роде? — выпаливаю я. Мои губы снова сжимаются, и я мысленно проклиная то, как чертовски тупо это звучит. Я никогда не был из тех, кто спрашивает девушку, сердится ли она на меня. Мне было всё равно. Обычно я даже надеюсь, что они злятся на меня, потому что это означает, что больше не придётся иметь с ними дело.

Она снова вздыхает, ещё один тихий, печальный звук, от которого у меня болит в груди.

— Я не злюсь. Я просто... трудно объяснить.

Чёрт, теперь я чувствую себя ещё хуже. Что она имеет в виду?

— Я... что-то сделал?

— Нет, совсем нет. Это не из-за тебя, — я смотрю на неё и обнаруживаю, что она тоже смотрит на меня, слабо улыбаясь. — Дело во мне.

И это всё, что она говорит.

Она ничего не даёт. Ни крошки. Она ещё более скрытная, чем я, а я думал, что это невозможно. Я боюсь копнуть глубже в поисках дополнительной информации, потому что знаю, каково это.

И ненавижу это.

Мы молчим несколько минут, пока я веду машину, слышен только шорох дворников,двигающихся по стеклу, стук дождя по машине и тихая музыка радио на заднем плане. В воздухе нет напряжения. Я больше не чувствую себя неловко, но у меня есть ещё один вопрос, который хотелось бы ей задать. Мне нужно знать...

— Не хочешь поехать ко мне? — спрашиваю я совершенно ровным голосом. Внутри же я весь на нервах. Не хочу, чтобы она ответила «нет».

Боюсь, что она, определённо, скажет «нет».

Ещё больше тишины, можно только предположить, что она обдумывает мой вопрос, и, чёрт возьми, я больше не могу этого выносить. Она собирается мне отказать, и да, я говорю, как полный придурок, но ни одна девушка никогда мне не отказывала. Что я такого сделал, чтобы всё испортить? Она будет тусоваться со Стивеном и всеми его отстойными друзьями — ладно, она живёт с этими отстойными друзьями, но, чёрт возьми, она проводит с ними достаточно времени — но не хочет быть со мной.

Это ранит. Сильно.

— Да, — наконец произносит она, её голос такой тихий, сладкий, что такое чувство, словно она шепчет прямо сквозь меня. — Мне бы этого хотелось.

Облегчение разливается во мне, вместе с пьянящим предвкушением. Я набираю скорость, крепко сжимаю руль и практически мчусь домой.

— Я никогда раньше не была наверху, — сообщает она мне, когда я следую за ней вверх по лестнице. Мой взгляд прикован к её идеальной попке, тем более что она находится на уровне глаз. Свитер, который на ней, прикрывает её, но джинсы у Александрии чертовски узкие. Они облегают её стройные бёдра... по всей длине ног, которые, кажется, продолжают вечно.

Всё, что я могу себе представить, смотря на эти сексуальные ноги, — это как они обвиваются вокруг моей талии, когда я погружаюсь глубоко в её влажное, горячее тело. С трудом сглотнув, поднимаю глаза и ловлю её вопросительный взгляд через плечо. Наверное, это намек, что она ждёт моего ответа.

— Добро пожаловать в моё логово, — подаю голос с плотоядной усмешкой, надеясь, что она рассмеётся.

Она этого не делает. Проклятье.

Наверху лестницы я беру её за руку и веду до двери моей спальни, которая закрыта. Протянув руку, поворачиваю ручку и открываю, махнув рукой, предлагая ей войти первой.

Не говоря ни слова, даже не улыбнувшись, она делает, как я прошу, её рука выскользывает из моей хватки. Я наблюдаю, как она входит в мою комнату, останавливается в центре, медленно поворачивается по кругу, её широко раскрытые глаза, кажется, пытаются охватить всё сразу, прежде чем встретиться с моими.

— Оно огромно, — выдыхает она.

Желание пошутить «ты сама так сказала» сильно, но я сдерживаюсь. Она ведёт себя так,

будто сейчас не в настроении шутить.

К сожалению.

— Меня устраивает, — пожимаю плечами. Я скромничаю. Я знаю, что комната огромная. У Шепы такая же огромная. Этот дом огромен для двух парней, которые используют его только для сна, секса, душа и вечеринок. — Мне надоело делить дом с Шепом. Джейд всегда здесь, и стоит мне прийти домой, они смотрят на меня так, словно не могут поверить, что у меня хватает наглости прервать их семейное блаженство. Это раздражает.

— Похоже на то, — тихо соглашается она, подходя к комоду и проводя пальцами по лежащим там предметам. Флакон одеколона, неглубокая тарелочка, куда я бросаю лишнюю мелочь, копия Биг-Бена, купленная в Лондоне, когда мне было двенадцать, тоже там. — Биг Бен? — интересуется она.

— Это одна из тех вещей, с которой я, кажется, не могу расстаться, — признаюсь. Делает ли это меня сентиментальным? Возможно.

Александрия поворачивается ко мне лицом, облачиваясь на комод.

— Ты когда-нибудь был там? В Лондоне?

— Да, — я засовываю руки в карманы. — Несколько раз.

— Я тоже, — признаётся она, опускает голову и слишком долго изучает свои ботинки. — Есть много вещей, которые я раньше делала.

Я иду к ней. Облако печали, которое, кажется, окутывает её, чертовски угнетает и меня, и это мне не нравится. Не хочу, чтобы она грустила. Я предпочитаю, чтобы она была резка и полна быстрых ответов, бросая мне вызов, улыбаясь мне, как будто она думает, что я появился на этой земле только для её развлечения.

Остановившись прямо перед ней, нежно беру её за плечи, заставляя поднять глаза и встретиться со мной взглядом.

— Скажи мне, что тебя беспокоит, — прошу я мягким голосом, но твёрдо. Я больше не могу этого выносить.

Она делает глубокий вдох и начинает:

— Ничего...

Теперь моя очередь прижимать указательный палец к её роскошным, тёплым губам. Господи, она потрясающе ощущается. Одно простое прикосновение, и я хочу большего.

— Не лги мне. Я хочу... быть рядом с тобой. Скажи мне, что не так.

Она моргает своими большими глазами, её тело напряжено. Я провожу пальцем по её нижней губе, прежде чем снова опускаю руку ей на плечо и пальцами обеих рук поглаживаю её предплечья. Жаль, что не прикасаюсь к её обнажённой коже. Вместо этого изо всех сил стараюсь довольствоваться мягкой тканью её свитера. Клянусь Богом, каждый раз, когда она рядом, моё сердце начинает биться в другом ритме, который появляется только в присутствии Александрии.

Хочу, хочу, хочу, хочу.

Да. Вот какой ритм. Вот что я чувствую, когда с ней. Мне всегда хочется большего.

— Семейные проблемы, — наконец неохотно произносит она тихим голосом. — Мои родители. Их... нет.

Вот дерьмо.

— То есть... они скончались?

Она качает головой.

— Они не мертвы. Они просто... всё сложно.

Я притягиваю её ближе, обнимаю, чтобы крепче прижать к себе. Она сливается со мной, положив голову мне на плечо, при этом касаясь волосами моего лица, а руками свободно обнимая меня за талию. Странно, как хорошо мы подходим друг другу.

— Ничего страшного, если ты не хочешь говорить об этом. Я тоже не большой любитель рассказывать о семье, — успокаиваю я её.

— Спасибо, — шепчет она мне в шею, и я закрываю глаза, наслаждаясь ощущением её в своих объятиях, её тёплым дыханием на моей коже.

Провожу рукой по изящному изгибу её спины, пальцами цепляясь за ткань её свитера, когда веду рукой вверх. Я пытаюсь быть заботливым парнем, а вместо этого всё, о чём могу думать, — это раздеть её догола. Потому что я такой. Я мечтаю об Александрии обнажённой.

Отчаянно нуждаюсь в этом.

Она поднимает голову и смотрит на меня, а я думаю о том, чтобы воспользоваться этим. Это было бы так просто. Это было бы не впервые. Девушка смотрит на вас так, как Александрия смотрит на меня, и вы просто... делаете так, чтобы это произошло. Они открыты, они немного уязвимы, но они хотят этого.

Они всегда этого хотят. Хотят меня.

В её глазах светится доверие. Чёрт, просто видя её такой, я чувствую, что моё сердце вот-вот выскочит из груди, отрасли ноги и убежит. Эмоции, наполняющие меня, чужды мне. Я не знаю, что делать, не знаю, как себя вести. Я не могу бросить её. Это несправедливо по отношению к Александрии, и я не даю себе шанса.

Жизнь не так уж плоха, когда ты влюбляешься, верно? Не то, чтобы я влюблён в эту девушку. Боже, нет. Я её хочу. Она мне нравится. Ладно, я, блин, влюбляюсь в неё. Но не в смысле «люблю».

Определенно не «люблю».

Алекс

Разговор о семейных праздниках и о том, где я проведу День благодарения, был самым душераздирающим разговором, который у меня был за долгое время. Вопрос Люси был совершенно безобидным. Абсолютно нормальным. И всё же всё, о чём я могла думать, — это мои родители, застрявшие в тюрьме, и я, одна, без дома, куда можно было бы вернуться.

Я ценю предложение Стивена провести День благодарения у его родителей. Мы с Келли уже согласились на его приглашение. Тристану, похоже, не понравилась эта идея, когда я упомянула об этом, но предложил ли он что-то, когда на него упал свет прожектора благодаря Люси?

Нет.

Не то, чтобы я ожидала, что он пожалеет меня и возьмёт с собой на встречу со своими родителями. Между нами не настолько серьёзные отношения. Отношения не строятся на флирте и нескольких поцелуях.

Но всё же. Весь этот разговор превратился в Неловкость-Сити. И я застряла в нём с тех пор, как мы вышли из ресторана.

Что я ценю в Тристане, так это то, что он не давит. Я уклоняюсь. Неудобно говорить о моей семье и о том, что с ними случилось. И унижительно. Ему любопытно. Я знаю, он хочет помочь и узнать правду. Когда я бросаю несколько намёков, он не копает дальше. И мне это нравится. Он просто утешает, прижимает меня к себе и обращается со мной так нежно, что

почти хочется плакать.

А что ещё хуже? Я почти хочу признаться во всём. Что мои родители — осуждённые преступники, отбывающие тюремный срок. Что они присвоили деньги из компании моего отца — украли те самые деньги, которые так много людей доверяли им инвестировать. Они лишили так много людей их будущего, и всё, чем мы могли расплатиться, — это великолепный дом, полный красивой мебели и дизайнерских вещей.

Ничего существенного. Ничего значимого. Ничего хорошего. Мои родители нехорошие люди.

Иногда меня беспокоит, что я тоже окажусь плохим человеком.

Тристан медленно отпускает меня, и я отступаю, наблюдая, как он подходит к своему столу и достаёт телефон из кармана, устанавливая его поверх стыковочной системы, которую до этого момента не замечала. Через несколько секунд звучит музыка, что-то вроде мягкого рока, который, опять же, насколько я знаю, из 90-х.

— У тебя есть что-нибудь гранжевое? — спрашиваю я, когда он оборачивается. Я пытаюсь поднять настроение и надеюсь, что он подыграет мне.

— У всех нас есть что-то гранжевое. У меня, Шепа и Гейба, — он отмечает их имена, загибая свои длинные пальцы. — Качественной музыки больше нет. Одно попсовое дерьмо.

— Хочу, чтобы ты знал, что я большой поклонник Деми Ловато, — сообщаю я ему с таким серьёзным лицом, насколько это возможно. Ладно, я фанатка. Я практически чувствовала себя дряхлой старушенцией, когда смотрела фильм *«Camp Rock: Музыкальные каникулы»* на Дисней-канале много лет назад, но мне он понравился. *«Дайте Санни шанс»* с Деми в главной роли? Этот фильм мне тоже понравился. Мне всегда она нравилась.

— Тьфу. Следующее, что ты скажешь мне, что ты фанатка Бибера, — вздыхает он, выглядя так, будто только что пососал лимон.

— Фу, ни за что. Я предпочитаю Ника Джонаса, — да, конечно, тут всё ясно. Этот мальчик вырос нереально классным. Почему бы мне не быть фанаткой?

Тристан стонет и держит голову так, словно она вот-вот взорвётся.

— Ты меня просто убиваешь.

Я смеюсь, и он посылает мне печальную усмешку, его руки опускаются по бокам. Улыбка исчезает, а затем он просто смотрит на меня, отчего остро осознаю, что я здесь. В его комнате. Только мы вдвоём.

Одни.

— Итак, — мой голос звучит наигранно бодро, я поворачиваюсь так, чтобы оказаться к нему спиной. Не могу выдержать то, как он смотрит на меня. Когда он так близко, вся эта мощная энергия, идущая на меня густыми, пьянящими волнами, сводит с ума. Мой взгляд останавливается на гигантской кровати королевских размеров с серебристо-голубым одеялом и тёмно-коричневым кожаным изголовьем. Кровать роскошная. Простая, но в то же время мужественная. Очень удобная на вид. Кровать. И мы знаем, почему я здесь. Не для того, чтобы вздремнуть.

Мои колени дрожат от образа Тристана и меня, обнимающих друг друга в его постели, и я мысленно говорю себе: «Возьми себя в руки».

— Итак... что? — спрашивает он, от его глубокого, немного грубого голоса у меня мурашки по коже.

— Ты приводишь много девушек в свою комнату? — любопытно я, напрягаясь, готовясь к его ответу. Уверена, он приводит сюда кучу девушек. Полагаю, эти стены видели

и слышали вещи, которые я не могу даже представить.

— Я не привожу девушек в свою комнату, — признаётся он так осторожно, что я снова поворачиваюсь к нему лицом с открытым ртом.

— Ч-что ты имеешь в виду? — о, Боже, я заикаюсь. Этого не может быть.

— Никогда не считал, что какая-либо другая девушка, которую я встречал, достойна увидеть мою спальню, — заявляет он, не отводя взгляда. — Только ты.

Мои щёки горят. О чём он вообще говорит? И Боже, как он на меня смотрит. Я почти чувствую, как его взгляд касается моей кожи, когда блуждает по мне.

— Тристан, — порицаю я. Словно тупица, не могу придумать, что ещё сказать.

— Мне чертовски нравится, когда ты произносишь моё имя, — его голос неистовый, как и походка, когда он начинает приближаться ко мне. — Произнеси его ещё раз.

Что, ради всего святого...

— Тристан! — я начинаю хихикать, смущённая его внезапной сменой настроения.

— Я серьёзно. Меня сводит с ума, когда ты его произносишь, — он останавливается передо мной, так близко, что я могла бы протянуть руку и коснуться его. Или он мог бы прикоснуться ко мне — и я хочу, чтобы он сделал первый шаг. Сегодня я чувствую себя недостаточно умелой. К тому же мяч на его стороне.

Я прочищаю горло, размышляя, не лучше ли нам сократить вечер.

— Может, нам следует...

Он обрывает меня.

— Я знал, что стоит мне привести тебя сюда, то никогда не захочу, чтобы ты ушла. Мысль о тебе обнажённой, в моей постели... скручивает меня изнутри. Я бы не смог держать свои руки подальше от тебя.

Оу. Вау. У меня такое чувство, будто моё лицо горит.

— Остановись, Тристан, — слабо прошу я. Его слова что-то делают со мной. Заставляют меня чувствовать себя... почти сумасшедшей от желания.

Из его горла вырывается тихое рычание.

— С первого взгляда, как увидел тебя, я не могу думать ни о чём другом. Я как... Я прям как грёбаный Ромео.

Погодите минутку. То, что он говорит — его слова кажутся знакомыми?

— Я фантазирую о твоих губах, — он касается моего лица, кончиками пальцев скользая по моей щеке, по моим губам, прежде чем его рука опускается. — О твоих идеальных, розовых губах...

В моей груди вспыхивает какая-то легкомысленность.

— О, Боже, — крепко хватаю его, так, что у него нет другого выбора, кроме как напрячься, когда он обхватывает меня за талию, чтобы мы оба не упали на пол. — Ты цитируешь мне грёбаного Гарри Голденблатта! — сколько «Секса в большом городе» он пересмотрел в одиночку?

Тристан опускает голову, улыбка на его лице такая искренне милая, что у меня перехватывает дыхание.

— Шарлотта — моя фаворитка, — он целует меня, прикосновение его губ к моим заставляет немедленно захотеть большего. — Ты напоминаешь мне её.

— Ну, а ты совсем не похож на Гарри, — второй муж Шарлотты был лысым, потным адвокатом, который любил Шарлотту всем своим существом. Они были самой милой парой на свете.

Тристан — горячий кусок мужской плоти, который использует и выбрасывает девушек, как салфетки. До... меня? Мне трудно это осознать, но каким-то образом я ему достаточно нравлюсь, его так влечёт ко мне, что он хочет раскрываться мне понемногу. Маленькими реальными кусочками.

С каждым новым проблеском, который я получаю, он нравится мне всё больше и больше.

— Хотя я чувствую его боль, — бормочет Тристан, снова касаясь губами моих, крадя мои слова, крадя моё дыхание на какую-то секунду, прежде чем прерывает поцелуй. — Я хочу тебя так сильно, что это просто убивает меня.

Я кладу дрожащую руку ему на щеку, ошеломлённая его словами и жестом, стоящим за ними. Он смотрел мой любимый сериал из-за меня. Ради меня. То, что он процитировал один из самых сексуальных диалогов, которые я когда-либо слышала — я сама хотела прыгнуть на лысого, потного Гарри Голденблатта в первый раз, когда только увидела, как он произносит эту наглую, страстную речь перед Шарлоттой, — трогает меня.

Такая мелочь, на самом деле, но так много значит. Это значит, что ему не всё равно. И это единственное, что возбуждает меня больше всего на свете.

ГЛАВА 19

Алекс

Тристан убирает мою руку со своей щеки и целует её, прежде чем притянуть меня к себе и поглотить. Нет другого слова, чтобы описать то, как он целует меня. Он именно поглощает, сомкнув свои губы на моих, рукой обнимая мой затылок, а языком исследуя мой рот. Я целую его в ответ так же лихорадочно, отчаяние скребётся у меня внутри, и я тихонько стону. Наши языки соприкасаются в горячем ритме, один над другим. Один под другим. Снова и снова.

Я прерываю поцелуй первой, чтобы перевести дыхание, и его руки оказываются повсюду, везде сразу. Скользя по моему телу, вдоль моих боков, опускаясь под свитер, касаясь моего живота. Его пальцы словно клеймо. Обжигающе горячие, но всё же заставляющие меня дрожать; моё сердце бешено колотится, голова кружится.

— От него нужно избавиться, — бормочет он, потянув за свитер и приныкая к моей шее, посасывая чувствительную кожу, прежде чем прикусить её. Закрываю глаза, от движений Тристана меня переполняют чувства. Он скользит руками вверх, останавливаясь чуть ниже моей груди, подняв большие пальцы вдоль отделанной кружевом чашечки лифчика, а затем касаясь моей обнажённой кожи. Я втягиваю воздух, мурашки бегут по телу, я чувствую, как он улыбается мне в шею, прежде чем поднять голову.

— Что ты под ним прячешь? — лёгкая полуулыбка, играющая на его губах, заставляет моё сердце трепетать. Он так невероятно красив. От одного взгляда на Тристана у меня кружится голова. Его руки на мне, пока я пялюсь на него?

Удивлена, что всё ещё стою.

— Сними и увидишь, — поддразниваю я таким хриплым голосом, какого никогда раньше за собой не замечала. Говорю, как настоящая секс-бомба.

И, судя по вспыхнувшему во взгляде Тристана жару, очевидно, ему это нравится. Он хватается за низ моего свитера и медленно тянет его вверх, последнее, что я вижу, как его зубы впиваются в нижнюю губу, пока он стягивает свитер через мою голову и отправляет его в полёт через всю комнату.

— Господи, — выдыхает он, его взгляд прикован к моей груди. У меня не так уж там

богато. Если парня влечёт ко мне физически, то это явно не из-за моих выдающихся буферов. Иногда мне кажется, что, коллекционируя нижнее бельё и надевая дорогие, красивые бюстгалтеры и трусики, я пытаюсь компенсировать то, чего мне не хватает. — Этот лифчик... самая сексуальная вещь, которую я когда-либо видел.

Отлично. Предполагаю, он видел много бюстгалтеров, так что я удивлена.

Он осторожно прикасается ко мне, как будто я могу быть ненастоящей, положив свои большие руки мне на талию и скользя ими вверх, по моей грудной клетке, пока они не оказываются прямо под лифчиком. Он накрывает мою грудь ладонями, изучает мой крошечный размер, возможно, чувствует подкладку в лифчике, но мне всё равно.

Я наслаждаюсь его движениями и тем, как он смотрит на меня, его взгляд полон желания.

Потребности.

Когда его пальцы играют с вершинками моих грудей, прослеживают нежное кружево, разглаживая шелковистые чашечки в чёрно-белый горошек, у меня вырывается дрожащий вздох. Мои соски твердеют, грудь тяжелеет, лифчик внезапно кажется тесным.

— Ты это надела для меня? — от его прокуренного голоса у меня по спине пробегает дрожь.

— Тебе нравится?

— Чертовски нравится, — без колебаний отвечает он, наблюдая, как его руки играют с моей грудью. — Я не могу перестать смотреть на тебя.

Я делаю шаг ещё ближе к нему, кладу руки ему на плечи и шепчу на ухо:

— Верх идёт в комплекте с трусиками.

— Значит, ты действительно надела это для меня, — Тристан тут же тянется к поясу моих джинсов и возится с застёжкой. — Сними их, — требует он.

— Сам сними, — я вырываюсь из его ищущих рук и подхожу к кровати, потрясённо фыркая от смеха, когда он обнимает меня сзади, убирает волосы с моей шеи и целует меня там. Тристан задерживает там свой рот, покусывает кожу зубами, и я дрожу, пытаюсь уклониться.

— Не знал, что ты такая дразнилка, — бормочет он, возвращая пальцы к застёжке моих джинсов. Шлёпаю его по рукам и поворачиваюсь в его объятиях лицом к нему, наслаждаясь жарким сиянием в блестящих голубых глазах. — Эти джинсы нужно снять, Александрия.

— Знаю, — я тянусь к подолу его рубашки и слегка натягиваю её. — Но это должно быть честной игрой.

Посмеиваясь, он отпускает меня и тянется за шею, одним рывком стаскивая рубашку. Я глубоко вздыхаю в открывшуюся грудь, мой взгляд прыгает, не в силах оставаться на одном месте. Он прекрасен везде, настоящее произведение искусства с чётко очерченными грудными мышцами, плоским животом и небольшим пучком волос в центре груди. Никакого устрашающего пресса в виде стиральной доски, но у него есть золотисто-коричневая дорожка волос, которая начинается чуть ниже пупка и исчезает прямо под поясом джинсов.

Я хочу посмотреть, куда ведёт эта дорожка.

— Вау, — шепчу я, и Тристан снова хихикает.

— Именно это я и почувствовал, когда впервые увидел тебя, — бормочет он, обхватывая мои щёки руками, прежде чем наклониться и поцеловать меня.

Когда его губы касаются моих, я забываю обо всём. Всё, на чём могу сосредоточиться, — это то, что он заставляет меня чувствовать. Как моё тело реагирует на

его прикосновения, его вкус, его слова. Он шепчет, что я красивая, и у меня в животе порхают бабочки. Он тянется к передней части моих джинсов, скользит пальцами внутрь них, пока не касается кружевного верха моих трусиков, и я мгновенно становлюсь влажной. И когда мои руки, наконец, касаются его тёплой, твёрдой груди, мои колени дрожат. Я не могу сформулировать слова, я не могу думать, всё, что я могу делать, это водить руками по его коже, словно пытаюсь запомнить на потом.

Каким-то образом мы оказываемся на кровати запутанным клубком. Тристан заводит руку мне за спину и умело расстёгивает застёжку лифчика, чашечки освобождаются, обнажая мою отсутствующую грудь. Он стягивает бретельки лифчика с моих плеч, вниз по рукам и бросает его на край кровати. Застенчивость поднимает свою уродливую голову, и я отстраняюсь от него, мои руки немедленно поднимаются, чтобы прикрыть грудь.

— Эй, эй, что случилось с моим дразнящим ангелочком? — его улыбающееся лицо парит над моим, его пристальный взгляд прикован к моему лицу. Он нежно отрывает мои руки от груди, задевая её пальцами, и я делаю глубокий вдох. — Позволь мне увидеть тебя.

Я опускаю руки по бокам и лежу, словно девственница, которую приносят в жертву. Глаза плотно закрыты, тело напряжено, конечности дрожат в ожидании его оценки. Не знаю, почему я так нервничаю. Не прошло и тридцати секунд, как я дразнила его и смеялась, а теперь веду себя так, будто он собирается только взглянуть на мои сиськи и задницу. Я веду себя нелепо. Знаю.

Но ничего не могу с этим поделать.

— Ты такая красивая, — благоговейно говорит он. Я приоткрываю глаза и обнаруживаю, что он наблюдает за мной с ошеломлённым выражением на лице. Ну, наполовину ошеломлённым и наполовину возбуждённым. Одним словом, он выглядит так, словно хочет наброситься на меня. — Расслабься. Ты слишком напряжена.

И затем он снимает напряжение своим ртом, лаская мою грудь и оставляя след влажного тепла на коже там, где лихорадочно пробежал губами и языком. Одной рукой он обхватывает грудь, в то время как сосёт другой сосок ртом, проводя языком по моей ноющей, покрытой мурашками плоти. Я запускаю руки в его волосы, прижимая Тристана ещё ближе, выгибаясь навстречу его рту. С безрассудной нуждой обхватываю его ногами и понимаю, что на мне мои дурацкие ботинки, я сильно тяну его за волосы, заставляя поднять голову.

— Что? — выпаливает он раздражённо, словно я прервала его, и это почти заставляет меня улыбнуться. Его губы припухшие и влажные, глаза затуманены похотью, а волосы в полном беспорядке.

Он офигительно классно выглядит.

— Мои ботинки, — провожу ногой в ботинке по задней части его обтянутой джинсами икры. — Ты можешь помочь мне снять их?

Ухмылка, которой он одаривает меня, развратная, по-другому не сказать.

— Я помогу снять всё, — он отталкивается от меня, встаёт в изножье кровати, чтобы расстегнуть молнию сначала на одном ботинке, затем на другом.

— Извращенец, — поддразниваю я.

— Тебе это нравится, — бросает он в ответ, снимая мой левый ботинок и позволяя ему упасть на пол, делая то же самое с правым. Затем он дёргает за джинсы, приказывая расстегнуть их, и я дрожащими пальцами расстёгиваю молнию. Когда он практически срывает джинсы с моего тела, я прерывисто выдыхаю, чувствуя себя незащищённой.

Его взгляд обжигает, пробегая по моим ногам, останавливаясь на трусиках.

— Чёрт возьми, — стонет он, качая головой. — Ты словно моя ожившая эротическая мечта.

Я хмурюсь.

— Это должно быть комплиментом?

— Детка, это один из самых больших комплиментов, которые я когда-либо мог сделать девушке. Ты знаешь, как сильно я мечтал о том, чтобы ты выглядела именно так? Лежащая посреди моей кровати в одних трусиках и больше ни в чём? Боже. Это даже почти чересчур.

— То есть, все эти разговоры о том, что ты фантазируешь обо мне, правда? — мне казалось, что, может, он просто цитирует реплики из «Секса в большом городе» и ничего больше. Ладно, я надеялась, но снится в порочных снах Тристану Прескотту?

— О, ты живёшь в моих самых глубоких, самых тёмных фантазиях, Александрия, — его голос полон грязных, восхитительных обещаний. Предвкушение бежит по моим венам, и я знаю, что бы ни случилось дальше, я обязательно получу от этого удовольствие.

Тристан

Александрия буквально раскинулась поперёк моей кровати, как будто была создана специально для меня. Готовая для меня. Только для меня. Одета в пару тонких чёрных трусиков и ничего больше, с этими длинными-длинными ногами, скользя одной по другой. Она выглядит беспокойной, может, немного встревоженной, и мне интересно, нервничает ли она. Я не хочу, чтобы она так себя чувствовала. Между нами всё будет хорошо.

Я знаю это.

Предвкушение гудит в моих венах, я тянусь к её ступне, поднимаю ногу и провожу пальцами по икре, щекоча под коленом.

— Прекрати, — вскрикивает она, пытаясь вырваться из моей хватки, но я только крепче держу её. И, когда снова щекочу, у неё вырывается разочарованное хихиканье. — Я боюсь щекотки.

Решаю сжалиться над ней, но запомню это на потом.

Отпустив ногу, обхватываю её за талию обеими руками, подтягивая Александрию к краю матраса, пока её ноги не приземлятся на пол. Она приподнимается на локтях, задыхаясь, в то время как я опускаюсь перед ней на колени. Её глаза светятся, когда она смотрит на меня.

— Что ты делаешь? — дрожащим голосом спрашивает она.

Мои руки всё ещё на её талии, я наклоняюсь и целую её в плоский живот.

— Целую тебя. — Хм, и я мог бы целовать её вечно, клянусь. Её кожа мягкая и гладкая, слегка пахнущая цветами и со слабым привкусом специй. Я снова целую её, вокруг пупка, ниже. Я чувствую её запах, сильный запах её возбуждения, и клянусь, она хочет меня. От местечка между её ног исходит тепло.

Я хочу исследовать каждый дюйм этого тепла пальцами и языком.

Она сжимает бедра вместе, когда я целую кружевной верх её трусиков, кожа дрожит под моими губами, а колени упираются мне в грудь. Я в настроении подразнить её. Это совершенно точно будет пыткой для нас обоих, но я выдержу. Я хочу свести Александрию с ума. Я хочу увидеть, как она утратит самообладание.

И хочу, чтобы она помнила, что именно я заставил её чувствовать себя так.

Зацепив пальцами её трусики с обеих сторон, немного стягиваю их вниз, ровно настолько, чтобы обнажить тазовые косточки, это мягкое, секретное место чуть выше лобковых волос. Прижимаюсь к нему ртом, вдыхаю её аромат, закрываю глаза и оставляю

медленные, приоткрытые поцелуи на её коже. Подумываю о том, чтобы полностью снять с неё трусики, но пока решаю этого не делать.

— Раздвинь ноги, ангел, — шепчу я, отстраняясь, кладу руки на внутреннюю сторону её бёдер и медленно раздвигаю их. Она не сопротивляется, просто соглашается с моими желаниями, и я сажусь на корточки, любуясь видом. Передняя часть её трусиков мокрая, бёдра дрожат, я целую внутреннюю сторону одного бедра, затем другого, приближаясь всё ближе и ближе...

Пока не оказываюсь там, где хочу быть, прижимаясь ртом к тому влажному месту, которое дразнило меня.

— О, Боже, — стонет она, и я делаю это снова. И снова. Её трусики такие тонкие, что я практически чувствую её вкус. Я дразню это место языком, нажимая сильнее, и ещё сильнее, делаю влажным её нижнее бельё, мускусный вкус наполняет мой рот. Чёрт, она потрясающая на вкус, настолько потрясающая, что мой член дёргается за ширинкой, отчаянно желая вырваться на свободу. На секунду закрываю глаза, пытаюсь восстановить свой угасающий контроль.

Но я бессилён. Моё терпение покинуло меня теперь, когда я знаю, какова она на вкус. Я хочу большего.

Отодвигаю трусики в сторону, провожу пальцами по её щели, погружаю в неё два пальца, пристально наблюдая, как я толкаю их внутрь, а затем вытаскиваю. Она горячая. Мокрая. Обмазываю свои пальцы так, чтобы они блестели. Моё сердце колотится как сумасшедшее, когда я вытаскиваю пальцы из её цепкого тела и нежно провожу по её складкам. Всего лишь лёгкий намёк на прикосновение к её красивой розовой плоти, мне трудно оторвать взгляд от её киски, но мне также сильно хочется наблюдать за её лицом, когда я играю с ней так в первый раз.

— Али, — шепчу я, и она открывает глаза, её взгляд встречается с моим. Мне нравится такое обращение к ней. Оно милое и интимное, только моё. — Ты такая чертовски мокрая. — Господи, она совершенно мокрая. — Тебе хорошо?

— Оч-чень хорошо, — выдыхает она сдавленным голосом. Она с глухим стуком откидывает голову на матрас и закрывает глаза рукой. — Пожалуйста, не останавливайся, — бормочет она.

Как будто я могу.

Подпитываемый её просьбой, скольжу по её складкам кончиками пальцев, обводя плоть в капюшоне, который прикрывает клитор. Провожу по нему большим пальцем, нажимаю сильнее, оттягиваю крошечный кусочек кожи, так что её клитор выступает, и наклоняюсь, щёлкая по нему языком, дразня его, обхватывая губами. Её прерывистое дыхание ободряет меня, и я жадный, жажду большего. Я втягиваю в свой рот столько её, сколько могу. На вкус она как рай.

Александрия приподнимает бёдра и сильнее прижимает свою киску к моему лицу, я хватаю её за талию одной рукой, удерживая на месте. Просовываю палец глубоко в неё, заставляя стонать, и продолжаю сосать и лизать её клитор, всю её киску. Вверх и вниз, снова и снова, следя за тем, чтобы ни один дюйм не остался непокрытым. Она издаёт эти судорожные, хнычущие звуки низко в горле, и я добавляю ещё один палец, засовывая их глубоко, отчаянно пытаюсь довести её до оргазма, заставить распасться на кусочки.

Обычно, когда я с девушкой, всё крутится вокруг меня. Да, я мудака. Никогда этого не отрицал. Я не оставляю их неудовлетворёнными. Но я редко занимаюсь с ними оральным

сексом. Я эгоистичный придурак, который никогда не отказывается от минета, но забывает поласкать киску. Только в особых случаях, и даже тогда речь шла скорее о том, чтобы разогреть девушку, прежде чем её трахнуть.

То, что я думаю о других девушках, сейчас настолько непривлекательно, что отбрасываю эти мысли в сторону, сосредотачиваясь на дрожащей, красивой девушке передо мной, которая каким-то образом нашла в себе силы позволить мне сделать это с ней.

Я счастливый ублюдок.

Неловкими руками я каким-то чудом умудряюсь снять с неё трусики, оставляя их свёрнутыми в комок на полу, прежде чем возобновить атаку. С рыком удовольствия облизываю, сосу и толкаюсь, её внутренние стенки изгибаются вокруг моих пальцев, когда я трахаю её ими. Александрия сжимает бёдра вокруг моей головы, как чёртовы тиски, и я позволяю ей. Её пальцы скользят по моим волосам, и я вздрагиваю, когда она тянет их, но это нормально. Ей нужно за что-то держаться. Её бёдра приподнимаются, она выгибает спину, моё имя срывается с её губ в сдавленном вздохе, и я понимаю, что она близко. Она должна быть чертовски близко...

Её тело напрягается под моим ртом как раз перед тем, как начинает дрожать и содрогаться, её захлестывает оргазм. Поток влаги вытекает из её киски, и я посасываю её клитор, мои пальцы погружаются в её тело, когда она кончает. Я держу глаза открытыми, желая увидеть это, момент, когда она полностью утратит самообладание от моих рук.

Ну, и от моих губ, и от языка тоже.

Она извивается под моим ртом, убирает руку от моих волос и откидывает голову назад, обнажая красивую шею, которую я так обожаю целовать. Отрываю свой рот от её клитора, целую её киску сверху. Ещё раз. Вытаскиваю пальцы из её всё ещё сжимающегося тела, снова целую её, и внезапно её рука оказывается у моего лица, отталкивая меня.

— Остановись. Боже, это слишком, — хнычет она.

Я приподнимаюсь и ложусь рядом с ней, тянусь к её щеке, поворачивая Александрию лицом к себе, чтобы я мог поцеловать её. Раствориться в ней. Она сосёт мой язык, в то же время практически пытаюсь взобраться на меня, и я переворачиваюсь на спину, увлекая девушку за собой.

— Это было так хорошо, — бормочет она, упираясь руками мне в грудь и возвышаясь надо мной. Волосы струятся вокруг её лица, кожа пылает, глаза сияют, когда она улыбается мне сверху вниз, и я знаю, что никогда не видел более красивого зрелища. Она совершенно голая, я чувствую, как её горячая киска прижимается к моему члену, обтянутому джинсами, и мне кажется, что они его буквально душат. Хватаю её за бёдра, провожу руками по заднице и притягиваю ближе, позволяя ей почувствовать, что она делает со мной. Клянусь, её глаза практически закатываются, и она давит на меня, просто чтобы свести меня с ума, я уверен.

— Тебе понравилось? — спрашиваю я, словно высокомерный ублюдок, но мне насрать. Я сделал так, что она кончила. Я умирал от желания сделать это с той самой первой ночи, когда увидел её. С самого первого момента, как я увидел её в том костюме ангела, я хотел её. В тот момент чисто физически, теперь это превратилось в...

Нечто большее. Мне нравится эта девушка. А мне никогда не нравилась ни одна девушка.

— Да, — Александрия распласталась поверх меня, она тянется к волосам, чтобы убрать их с шеи, и её спина выгибается так, словно она толкает свои сиськи ко мне. Не в силах сопротивляться, я приподнимаюсь, втягиваю в рот один идеальный розовый сосок и сосу.

Она убирает руки от волос и опускает их мне на плечи, притягивая меня ближе. — Боже, твой рот.

— Что с ним? — бормочу я у её плоти, прежде чем снова втянуть сосок между губами.

— Ты точно знаешь, как его использовать, — она трётся о меня, её мокрая киска пропитывает мои джинсы, но мне всё равно. Чёрт, я хочу, чтобы она тёрлась о меня своим сексуальным телом до такой степени, чтобы всё, что я мог видеть и чувствовать, это только её запах. — Ты мой собственный мистер Киска?

Ещё одна отсылка к сериалу. Я не мог удержаться, начав цитировать сериал. То, как мы вели себя, напомнило мне конкретный эпизод, который я смотрел всего несколько дней назад. Парень может многому научиться благодаря этому шоу.

— А ты хочешь своего личного мистера Киску? — я целую её в грудь, ключицу, ложбинку между грудями. Они маленькие, едва ли выпуклые, с розовыми сосками, которым, кажется, нравится моё внимание. — Ты просто хочешь, чтобы я ласкал тебя весь день и всю ночь?

Дрожь по всему телу — мой физический ответ.

— Как тут сказать «нет»?

Усмехнувшись, откидываю голову назад и улыбаюсь ей.

— Эти отношения были обречены с самого начала. Всё, чего она хотела, это чтобы он сделал ей кунилингус.

Александрия проводит рукой по моей голове, погружает пальцы в мои волосы. Выражение её лица мягкое, глаза сияют, волосы в полном беспорядке вокруг головы. Она выглядит как очень довольная женщина.

— Хм, ну, ты, определенно, нравишься мне не только за твои оральные навыки.

Мои брови взлетают вверх.

— Да? — я не должен чувствовать себя счастливым от того, что она только что это сказала, верно? В том, что у нас происходит, нет ничего особенного. Это всего лишь развлечение. Да, она мне нравится. Да, она кажется... особенной, и мне становится не по себе при одной мысли об этом. Но что ещё может быть? Несколько месяцев траха, а потом что?

Без понятия.

— Я на самом деле очень ценю твои усилия, — она улыбается. — Несмотря на всё, что ты сказал и сделал, ты мне нравишься, Тристан.

— Несмотря на всё, что я сказал и сделал? — О чём, чёрт возьми, она говорит?

— Ты ужасный человек, — она целует меня. — Ты говоришь самые неприятные вещи на свете. — ещё один поцелуй, на этот раз чуть более долгий. — Ты сделал всё возможное, чтобы оттолкнуть меня, но ты всегда возвращаешься за большим. — следующий поцелуй уже со скольжением языка, покусыванием моей нижней губы. — Ты забавный. Ты милый. И ты цитируешь «Секс в большом городе». — ещё один сладкий, но слишком быстрый поцелуй. — Думаю, я оставлю тебя.

— Не забывай, что я заставляю тебя выкрикивать моё имя, когда ты кончаешь, — напоминаю я.

Она толкает меня в плечо, едва сдерживая улыбку.

— Заткнись. Я не кричала.

— Ты кричала, — запускаю руку в её волосы на затылке и тяну вниз, чтобы наши губы снова встретились. — Ты повторяла его снова и снова, — бормочу я низким голосом. Мне

нужно как-то проникнуть в неё, найти облегчение, хоть какое-то. Я чувствую, что вот-вот взорвусь, но отказываюсь кончать в джинсах, как какой-то неопытный подросток.

— Нет, — шепчет она мне в губы, когда я целую её. — Я тебе не верю.

— Я могу продемонстрировать ещё раз, если хочешь, — поцелуй становится глубже, и я переворачиваю её так, чтобы она оказалась подо мной. — Заставлю тебя кончить. — я прижимаюсь бёдрами к её, медленно поворачиваясь, отчего у неё из горла вырывается низкий стон. — Сведу тебя с ума. Просто чтобы доказать, что могу заставить тебя кричать моё имя.

— Звучит как план, — выдыхает она, протягивая ко мне руки.

ГЛАВА 20

Алекс

Этот парень засуживает быть удовлетворённым, и быстро. После умопомрачительного оргазма, который он только что подарил мне — Боже мой, что он может делать своим языком — я хочу отплатить ему тем же. Умираю от желания увидеть его, прикоснуться к нему.

Он толкается в меня медленно и приятно, его большое тело прижимает меня к кровати. Мне нравится чувствовать его вес, как он вдавливают меня в матрас. Он крепкий, такой тёплый, такой невероятно мужественный, большой и твёрдый...

Везде.

Его руки блуждают по всему моему телу, рот сливается с моим, и наши языки переплетаются. Я провожу пальцами по верху его джинсов, приспуская их спереди, мышцы его живота сокращаются, как только я касаюсь их. Я расстёгиваю молнию и скольжу пальцами по его эрекции, которая напрягается под нижним бельём.

Хм. Вау. Он длинный. Толстый. И это только на первый взгляд.

— Перевернись, — бормочу я ему в губы.

Он покусывает мою нижнюю губу.

— Нет.

— Тристан, — я толкаю его в плечо рукой, всё ещё крепко сжимая пальцами другой его член. — Пожалуйста.

— Ну, если ты настаиваешь, — как только я отпускаю его, он переворачивается на спину, подложив руки под голову, расставив локти, очень небрежно. Стоя на коленях рядом с ним, мой взгляд блуждает, задерживаясь на всех интересных местах, выставленных на обозрение. На бицепсах, которые бугрятся мышцами. На его груди, плоском животе, на расстёгнутых и распахнутых джинсах, обнажающих чёрное нижнее бельё под ними, на очертаниях члена, прижатого к ткани.

Каким-то образом он успел до этого скинуть свои ботинки, и сейчас просто в носках. Его щёки покраснелись, губы влажные и опухшие от наших поцелуев, а волосы растрёпаны. Он отлично выглядит. Нет, в этой обманчиво расслабленной позе он выглядит сексуально. Он смотрит на меня в ожидании, и его тело напряжено, а взгляд полон жара и желания.

Я должна избавить его от мучений.

Наклонившись над Тристаном, целую его в губы и двигаюсь вниз, чтобы поцеловать его подбородок, шею, пробежаться губами по груди, грудным мышцам, мягким волоскам в центре, щекочущим мои щёки. Целую один сосок, другой сосок, под моими губами его тело дрожит, мышцы напряжены. Я знаю, он сдерживает себя. Мне это нравится. Он полон мощной мужской силы, но позволяет мне делать с ним всё, что захочу, когда на самом деле

он просто хочет схватить меня и покончить с этим.

Я целую его в живот, мои губы мягкие и ищущие, время от времени высовываю язык, чтобы облизать его. Взглянув на его лицо, обнаруживаю, что он наблюдает за мной, его глаза сверкают, губы сжаты в мрачную линию, когда он протягивает руку и убирает волосы с моей щеки.

— Ты не обязана этого делать, если не хочешь, — уверяет он со смущённым выражением на лице. Уверена, это первый раз, когда он говорит подобное девушке. В смысле, он же на самом деле самый большой кобель в кампусе. Чтобы он говорил девушкам, что им не нужно делать ему минет, если они этого не хотят, просто... непостижимо.

— Я хочу, — честно признаюсь ему, отмечая, как отчаянное выражение лица сменяется облегчением. Прямо сейчас он реально держится из последних сил, и я думаю, что это восхитительно. — Но я не собираюсь идти до конца.

Почему, не уверена, но это почти слишком интимно — позволить ему войти в меня сегодня вечером. Да уж, я позволяю ему прижаться лицом к моей киске и сосать меня прямо до оргазма. Я собираюсь прикоснуться ртом к его члену. Это всё, конечно, здорово и хорошо. Это... весело. Сексуальное исследование, снимающее всё то напряжение, в котором мы находимся с той ночи, когда встретились.

Но позволить ему войти в меня, слиться с ним воедино, лицом к лицу, сердцем к сердцу, — это такой невероятно интимный акт, что мне страшно решиться на это с ним. И ещё страшнее, что, как только это случится, он уйдёт.

А я останусь собирать осколки в полном одиночестве.

— Всё хорошо. Меня всё устраивает. Мы не обязаны, — говорит он очень быстро. — Я не собираюсь давить на тебя, чтобы ты делала то, чего не хочешь, Александрия.

Он произносит эти слова, и я ему верю. Ещё ни разу Тристан не нарушал обещаний, и я ценю это в нём. Он всегда честен — большую часть времени, даже себе во вред. Он говорит то, что чувствует, то, что думает, абсолютно без фильтра. Большую часть времени это раздражает.

Но ещё это притягательно.

— Знаю, — шепчу я, начиная стягивать с него джинсы. — Помоги мне с ними.

Ухмыляясь, он приподнимает бёдра, чуть спускает джинсы, где я берусь за верх и стягиваю их до конца, позволяя им упасть на пол. На нём чёрные боксёры, которые облегают его бёдра и всё остальное, демонстрируя всё, что у него есть. Какое-то мгновение я пристально смотрю на него, с трудом сглатывая, пока обдумываю, как мне подойти к этому. Он большой. Я не из тех, кого можно было бы назвать чрезвычайно опытной в оказании оральных услуг. Да, я делала минет. Нет, я никогда не глотала. Да, мне это понравилось — в какой-то степени. Ладно, совсем немного. Трое парней, которым я делала минет, все кончили так быстро, что всё закончилось ещё до того, как я начала. Вот что мне понравилось, понимаете? У меня не свело челюсти.

Вот почему мне не нравится, когда парни отсасывают мне. Обычно это длится вечность. Они никогда ничего не могут найти, понимаете? Лижут и сосут не в том месте, или так сильно трут меня пальцами, что это чертовски больно. Это деликатный процесс, и каждый парень, с которым я была в прошлом, похоже, не осознавал этого. Они практически атаковали мою киску без особого изящества.

Тристан, как мне показалось, понимает это. Приятнее всего было, когда он прикоснулся ко мне так легко, что я едва почувствовала. Его язык. То, как он, казалось, сразу же нашёл

мой клитор, без колебаний. Просто думая о том, что он делал со мной... у меня покалывает между ног.

— Знаю, я огромен, — протягивает он, вырывая меня из моего мечтательного состояния. — Но я никогда раньше не заставлял женщину молчать так долго.

Я качаю головой и смотрю на него, когда двигаюсь, чтобы оседлать его. Глаза Тристана расширяются, когда я забираюсь на него, потираясь киской о его живот, дрожащий стон покидает его, когда он тянется и хватает меня за талию.

— Я просто представляла то, что я хотела бы сделать с тобой, — говорю я ему.

Его пальцы скользят по моей талии, бёдрам.

— Каков твой план?

— Свести тебя с ума, — шепчу я, потянувшись вверх и целуя его в губы, высовывая язык и дразняще облизывая их. Он поднимает голову, пытаюсь снова завладеть моими губами, но я отстраняюсь от него, качая головой. — Чтобы заставить тебя кончить так же сильно, как ты заставил меня.

Он улыбается, весь такой наглый и самоуверенный.

— Хм, ты готова принять вызов?

— Смотри на меня, — шепчу я, вспоминая, как он сказал мне это, как будто целую вечность назад, в библиотеке. Я двигаю бёдрами, потираясь о его живот, и он закрывает глаза, его руки скользят вниз, чтобы схватить меня за задницу.

Я отстраняюсь от его прикосновения и сползаю вниз, тянусь к поясу его боксёров и тащу их за собой. Его член свободно выскакивает, чтобы поприветствовать меня, и я с удивлением смотрю на него, тихо выдыхая. Клянусь, он качается в ответ.

О. Блин. Он большой. Его член толстый, с прожилками, с расширяющейся головкой и слегка изгибается к животу. Я не отрываю от него взгляда, поспешно избавляясь от его нижнего белья, затем протягиваю руку и обхватываю пальцами основание.

— Чёрт, — бормочет он, закрывая глаза так крепко, что это выглядит почти болезненно. — Если ты продолжишь так прикасаться ко мне, то я сейчас взорвусь.

— Почему? — недоверчиво спрашиваю я. — Я едва прикоснулась к тебе.

— Я не был ни с кем другим с тех пор, как встретил тебя, — признаётся он, приоткрыв глаза. — И я так чертовски долго мечтал об этом моменте, что просто слышать, как ты говоришь, ощущать, как твои пальцы обхватывают мой член, это потрясающе, знаешь ли. Это подталкивает меня к краю. — Улыбка, которую он мне дарит, полна боли.

Я хочу избавить его от мучений.

Сжимая его, опускаю голову и целую самый кончик его члена. Сдавленный стон, который звучит низко в его горле, подбадривает меня, и я приоткрываю губы, беря головку в рот. Тристан шипит, когда я вытаскиваю его, провожу языком по кончику, дразня и облизывая, мой пристальный взгляд не отрывается от него.

Он тоже не отводит от меня взгляда. Его глаза так горят, что чувствую себя ободрённой его реакцией. Мне нравится, что ему это так приятно, и чувствую, что тоже завожусь. Его возбуждение разжигает меня, и я никогда в жизни не испытывала такого раньше. Никогда ни с одним парнем.

Только с ним.

Только с Тристаном.

Тристан

Я вот-вот всё испорчу. Просто кончу на её хорошенькое личико, и она разозлится и,

возможно, уйдёт. Ну, я привёз её сюда, так что ей придётся найти попутку домой, но Джейд ей поможет. Шеп поможет ей. Они все подумают, что я полный придурок, и это было бы отстойно, но...

Но в подобной ситуации реагируешь слишком остро. Мне нужно успокоиться, чёрт возьми.

Она проводит языком по всей длине моего члена, исследуя каждую пульсирующую вену, её пальцы крепко сжимают основание. Я с удивлением смотрю на самую красивую девушку в мире, женщину из моих недавних фантазий, ту, которую я, кажется, не могу поколебать, как бы сильно ни старался, и вот она делает мне потрясающий минет.

Я раздвигаю ноги шире, когда она устраивается, губы изгибаются в лёгкой дразнящей улыбке, прежде чем она снова начинает лизать мой член. Прерывисто выдыхаю и протягиваю руку, убирая волосы с её лица, чтобы лучше видеть.

И я действительно хочу это видеть.

Её пальцы гладят, язык облизывает, и она берёт меня глубже, влажный жар её рта заставляет меня закрыть глаза и бороться с желанием кончить. Было бы так легко отпустить себя. Она делала это всё ради чего? Три минуты? И я готов взорваться. Я виню в этом волнение от того, что это она мне отсасывает. Я виню в этом тот факт, что уже несколько недель не был с девушкой. Я виню в этом тот факт, что в последнее время хорошо познакомился со своей рукой, и прикосновение языка и губ Александрии просто чертовски хороши, чтобы не поддаться.

Но на самом деле всё дело в девушке. В том, что она готова сделать это для меня, что она реально наслаждается этим, повышая тем самым мой фактор возбуждения. Невероятно возбуждает — смотреть, как девушка сосёт твой член и не имеет никаких ожиданий в ответ. Она делает это, потому что ей так хочется.

Не потому, что ей что-то от меня нужно.

Она мурлычет вокруг головки моего члена, вызывая вибрацию, которую чувствую до самых колен. Я приподнимаю бёдра, пытаюсь направить свой член немного глубже, не желая, чтобы это было очевидно, и она полностью отстраняется от меня, по-прежнему крепко обхватывая пальцами основание. Её губы влажные, блестящие в тусклом свете. Волосы в беспорядке, золотое облако вокруг головы. И самое приятное, она голая. Вся обнажённая и покрасневшая, её грудь выставлена напоказ, эти длинные ноги подогнуты под ней, она великолепна. Выглядит немного взволнованной, очень очаровательной.

— Не знаю, смогу ли взять тебя полностью в рот, — признаётся она, её лицо полно разочарования. — Просто... ты такой большой.

Каждый парень во всём чёртовом мире хочет это услышать. Да, да, мы также хотим, чтобы нас брали глубоко в горло, но, если твоя девушка не может этого сделать, потому что ты хорошо подвешен? Кто будет жаловаться на это?

— Просто продолжай делать то, что ты делаешь, — я колеблюсь, когда она хмурится. — Или... не продолжай. Мне безумно хорошо. Поверь мне.

— Правда? — Она крепко обхватывает мой член, и я сжимаю губы вместе, чтобы не закричать ей: «Сильнее!».

— Чёрт, да. Не стесняйся, — я прикасаюсь к её лицу, обхватывая ладонью щёку. Она наклоняется навстречу моему прикосновению, и я запускаю пальцы в её шелковистые мягкие волосы, наслаждаясь тем, как цепляются пряди. — Всё, что ты сделаешь, мне понравится, ангел. Поверь мне.

Её щёки розовеют, когда она улыбается. И затем, не колеблясь, она делает это всерьёз, обхватывая меня ртом, её голова качается вверх и вниз, её движения совпадают с тем же ритмом, что и её ищущие губы. Я стараюсь продержаться как можно дольше. Убираю её волосы, чтобы можно было наблюдать. Приподнимаю бёдра и наслаждаюсь видом моего члена, всё глубже погружающегося в её рот. Это визуальная перегрузка, сенсорная перегрузка, грёбаная перегрузка Александрией, и я больше ничего не могу сделать, чтобы выдержать это.

Я теряю всякий контроль.

Её имя срывается с моих губ дрожащим шёпотом, когда я выгибаю спину, ощущение покалывания, начинающееся у основания позвоночника, проникает в мои яйца. Близко. Я уже близко. Мне нужно предупредить её. Нужно сказать ей, чтобы она могла отстраниться или что-то в этом роде, но потом я чувствую это. Этот первый всплеск вылетает из меня и можно забыть об этом. Я кончаю. Я кончаю ей в рот, кончаю на её язык, и она ни на секунду не отстраняется, ни капельки.

Она глотает, как чемпион. Мой чемпион. Чёрт возьми, эта девушка хороша.

Я неудержимо дрожу и издаю звук, словно умираю, стону и продолжаю кончать. Она не успокаивается, пока я не заканчиваю, в последний раз проводя по мне языком, прежде чем отстраниться, вытирая рот тыльной стороной ладони. Я лежу там бесформенной кучей, не в силах пошевелиться, подумать, сказать что-нибудь, а она улыбается мне. Сексуальный изгиб губ, яркие глаза, розовые щёки, когда она убирает волосы с лица.

— Кажется, тебе это понравилось, — тихо говорит она, и становится очевидно. Чертовски очевидно.

Я обречён.

ГЛАВА 21

Тристан

Наступает утро понедельника, воздух свежий и холодный, небо голубое, и ни одного тёмного облачка не видно. Я просыпаюсь в шесть тридцать, практически выпрыгиваю из постели и принимаю долгий горячий душ, и, закончив свои дела, напоминаю Шепу, что нам нужно идти. Он всё ещё в постели с Джейд, ленивая задница.

Но это простительно. К нему прижимается милая тёплая девушка. С чего бы ему хотеть уйти?

Я терпеливо жду его внизу на кухне, потягивая кофе и расхаживая взад-вперёд. Я умираю с голоду, но хочу приберечь свой аппетит для закуской. Какая бы ни была самая большая тарелка для завтрака в их меню, я возьму её. Мне нужно подкрепиться к сегодняшнему вечеру, когда увижу Александрию.

В субботу днём она работала. А вечером я был в игорном доме, пока она заканчивала работу, которую должна была сдать, хотя мы переписывались всю ночь. В воскресенье мы встретились за поздним завтраком. Никогда раньше не завтракал с девушкой. Это было приятно. Я сидел напротив неё за столиком в ресторане, окружённый множеством болтающих и флиртующих людей. В то время как всё, что я мог делать, это смотреть на её губы, вспоминая, как несколько ночей назад держал свой член между ними.

Да, я грёбанный извращенец. Ничего не могу с этим поделать.

В воскресенье вечером мы ничем не занимались. По крайней мере, ничем сексуальным. Мы тусовались в её комнате, и она заставила меня смотреть «Друзей» — я не против «Друзей», я могу признать, что вырос на этом дерьме. В некотором роде. Я вроде как

обращал на них внимание.

Ладно, ладно, не совсем.

Я попытался сделать смелый шаг, поцеловав её, но она сказала, что не хочет торопиться. В её предложении не было ничего застенчивого, ничего фальшивого. Она сказала, что я ей нравлюсь, и ей кажется, что между нами есть связь, и пусть, что бы между нами ни происходило, это развивается постепенно. Я хочу выполнить её просьбу. Либо так, либо она сбежит. А я не готов к тому, чтобы она сбежала.

Она мне чертовски сильно нравится, чтобы позволить себе разрушить всё, что между нами есть.

— Какого чёрта ты такой жизнерадостный? — спрашивает Шеп, шаркающей походкой появляясь на кухне и выглядя, как самый большой ворчун в мире. Он одет, но в лучшем случае наполовину, словно только что скатился с кровати и накинул первое попавшееся под руку. К тому же у него немного затуманенные глаза, он ещё не совсем проснулся. — Ради бога, сегодня понедельник.

— У меня были отличные выходные, — пожимаю плечами.

— В смысле? — он наливает себе чашку кофе, кладёт в неё тонну сахара и сливок, прежде чем воткнуть туда ложку и размешать. — Наконец-то, блин.

— И что это должно означать? — я почёсываю затылок, останавливаясь на ходу. Было ли так очевидно, что мы с Александрией не переспали?

— Ты бегаешь за этой девушкой уже несколько недель. Приятно видеть, что ты такой... жизнерадостный, — он делает глоток кофе и кривится. — Ты никогда не бываешь таким.

— У меня всегда хорошее настроение, — возражаю я.

— Нет, на самом деле, нет. И, как только мы начали регулярно встречаться с нашими девчонками, ты стал ещё хуже, — Шеп ставит свою чашку на стойку. — Но теперь, когда ты присоединился к клубу, всё хорошо.

Я хмурюсь.

— К какому клубу?

— «Клуб состоящих в отношениях», — подчёркивает он с дурацкой ухмылкой на лице. — Посмотри фактам в лицо, братан. Ты влюбился. Ты в отношениях с Алекс.

— У меня нет никаких отношений, — тут же возражаю я, удивляясь, какого чёрта только что это ляпнул. Однако то, что между мной и Александрией, я бы не стал классифицировать как отношения.

Пока нет.

Но на самом деле, что между нами? Потому что я не уверен и не думаю, что Александрия тоже понимает, так что, может, нам обоим триндец?

— Неужели? Значит, ты трахнул её из-за нашего пари, — предполагает Шеп. — Неплохо.

При слове «трахнул» чуть не вздрагиваю. В его устах это звучит так... грубо. Это исходит от парня, который раньше спрашивал девушек, готовы ли они трахаться.

И надо ж было ему заговорить об этом дурацком пари.

— Послушай, ты выиграл пари, — твёрдо заявляю я. — Я тебе должен.

— Я выиграл? Ты серьёзно? — недоверчиво переспрашивает Шеп.

— Ну, да. Мы не... — я собирался сказать, что у нас ещё не было секса, что правда. Но не могу признаться ему в этом. Потому что Шеп расскажет Гейбу, и они оба будут ржать и сплетничать о нас, как маленькие старушки. Нет, спасибо. — Я с ней не из-за дурацкого

пари, которое мы заключили развлечения ради.

Шеп улыбается.

— Приятно это слышать.

— Так что никогда больше не поднимай эту тему, — прошу я его.

Он качает головой.

— Не буду, — ухмылка всё никак не сходит с его лица.

— И перестань лыбиться, как ненормальный, — бормочу я, взмахнув рукой перед ним. — Это раздражает.

— Ты должен чувствовать себя взволнованным. Я вот тоже взволнован. Я серьёзно никогда не думал, что доживу до того дня, когда это случится. Я уж подумал, что ты будешь до конца своей жизни извращенцем-дядей Тристаном для моих шестерых детей.

— Шестерых? — и я его двоюродный брат, а не родной. Так что не буду дядей для его детей.

— Держу пари, я смог бы уломать Джейд.

— Ты ненормальный, — то, что он подумывает о том, чтобы завести детей с Джейд — шестерых — наверное, меня не должно удивлять, но, чёрт возьми. Даже не могу себе представить.

— Неважно. Я и не ожидал, что ты захочешь детей. Чёрт побери, я даже не ожидал, что ты задумаешься о браке. Мне казалось, что ты будешь вечным холостяком, выйдешь на пенсию, будешь увиваться за разведёнками и вдовами, пока мы, наконец, не отправим тебя в дом престарелых только для того, чтобы тебя оттуда выгнали за то, что ты не переставал щипать медсестер за задницы.

— У тебя всё распланировано, не так ли?

— Джейд и я говорили об этом не один раз, — Шеп пожимает плечами, как будто это нормально — планировать всю оставшуюся жизнь.

Странно.

Я усмехаюсь.

— Никогда не знаешь наверняка. Это всё ещё может случиться. По крайней мере, щипание задниц.

— Не сомневаюсь, — улыбка Шепы исчезает, и на его лице появляется серьёзное выражение. То, которое говорит мне, что он собирается вторгнуться на «сопливую» территорию. — Хотя приятно видеть тебя с девушкой. С милой девушкой, которая не похожа на обычных девушек, с которыми ты, э-э, проводишь время.

— О каких девушках ты говоришь, Шепард? — невинно спрашиваю я. Я хочу услышать его ответ, потому что не так давно он тоже тусовался с такими же.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Всегда готовых угодить, — он делает большой глоток кофе, затем ставит чашку в раковину. — Ладно, нам уже пора.

Хороший способ сменить тему. Я понимаю, почему он это делает. Пристальное изучение меня и моих привычек, когда речь заходит о девушках, означает, что Шеп также должен вспомнить и своё прошлое поведение. Я неидеален и никогда не утверждал, что являлся таким. Как и Шеп. Но за последние шесть месяцев он изменил свою жизнь с Джейд. Он стал совсем другим человеком. Но его прошлое всё ещё живо, как и прошлое Гейба — и им приходится сталкиваться с ним каждый день, когда они смотрят на меня.

Им это никогда не нравилось. Знаю. Это всегда казалось личным, как будто, я им тоже больше не нравлюсь. И это было больно, хотя я никогда бы в этом не признался. Я бы

предпочёл притвориться, как обычно, сволочью. Мне хотелось разозлить их ещё больше, чтобы, по крайней мере, получить реакцию.

Инфантильно? Да. Но я ничего не мог с собой поделать.

И вдруг я нашёл девушку. Девушку, которая мне действительно нравится. Девушка, с которой я хочу проводить больше времени. Это всё, на что я пока готов. Не могу сказать, что хочу подружку. И уж точно не могу сказать, что влюблён в неё. Но могу сказать, что Александрия мне нравится. Очень нравится.

И на этот раз признание в этом самому себе меня не пугает.

— Ну что, выдвигаемся? — спрашивает Шеп, вырывая меня из моих мыслей.

— Да, — осушаю свою чашку и тоже ставлю её в раковину, одаривая Шепу улыбкой. —

Я чертовски голоден.

— Регулярный секс с кем-то, кто тебе нравится, делает такое с человеком, — самодовольно заявляет Шеп, когда мы выходим в гараж.

Я не отвечаю, просто открываю пассажирскую дверь машины Шепу и забираюсь внутрь. Мы ездим вместе каждый понедельник. На этой неделе его очередь вести машину.

Мой телефон звонит, я проверяю его и улыбаюсь, когда вижу, от кого сообщение.

«Какие планы на сегодняшний день?»

Я быстро отвечаю ей, игнорируя звуки поцелуев, издаваемые Шепом, когда он заводит свою машину и выезжает из гаража.

«Провести его с тобой.»

Её ответ такой же быстрый.

«Супер. Значит, ты пойдёшь со мной на пробежку?»

Я хмурюсь. Моя девочка бегает? С каких это пор?

«Ты бегаешь?»

«Да. Ну, какое-то время не бегала, но думаю, что мне стоит вернуться к этой привычке. Вся эта пицца, которую я ем со своими соседями, сказывается на фигуре.»

Я вас умоляю. Она такая худая, что мне интересно, куда всё помещается.

«Ты совершенна, именно такая, какая ты есть.»

«Ты такой льстец.»

Я не пытаюсь ей льстить. Это правда. Она посылает мне ещё одно сообщение, прежде чем я успеваю ответить.

«Напиши мне, когда освободишься, хорошо?»

— Первым делом вы списываетесь утром. Вы двое такие милые, — произносит Шеп притворным фальцетом.

Я бы врезал ему, если бы он не был за рулем.

— Отвали, — бормочу я, отправляя ей последнее сообщение.

«Поговорим позже. Желаю хорошо провести утро.»

«Тебе того же. ХОХО»

— Что значит, когда девушка пишет тебе кучу крестиков и ноликов? — спрашиваю я, хмуро глядя на свой экран.

— Ты сейчас это серьёзно? — когда я посылаю Шепу беспомощный взгляд, он качает головой, бормоча себе под нос. — Это означает объятия и поцелуи, тупица. Господи, где ты был? Жил в подземелье?

Его насмешливые слова не задевают меня. Никто никогда в моей жизни не посылал мне объятий и поцелуев в форме крестиков и ноликов. Это, наверное, делает меня жалким, но

мне всё равно. На самом деле, мне чертовски приятно, что Алекс первая, кто это сделал.

Я так рад, что улыбаюсь всю дорогу до закуской.

Алекс

Бегать с Тристаном сегодня было огромной ошибкой. Он не только несколько раз оставлял меня далеко позади, но и делал так, чтобы это выглядело так просто. Я фыркаю и пыхчу, изо всех сил стараясь не отставать, пока он бежит рядом со мной, едва покрываясь потом и чертовски хорошо выглядя при этом. И на протяжении всего этого времени он болтает со мной, не переводя дыхания.

Серьёзно, кто этот парень?

Твой потенциальный парень?

Я запикиваю вызывающую головокружение мысль в дальний уголок своего сознания.

— Мне казалось, ты сказала, что ты бегунья, — насмехается он, когда мы на финишной прямой. Другими словами, в нескольких кварталах от моего дома. Он разворачивается и бежит задом наперёд, не обращая внимания на то, с чем может столкнуться, а мне хочется ударить его за то, что ему даётся это так легко.

А ещё хочется завизжать от радости и сказать всем, что этот парень мой. Но это может его напугать, поэтому держу рот на замке.

— Я предупреждала тебя, что это было давненько, — раздражаюсь я. Я уже почти сдалась, стараясь изо всех сил осилить хотя бы ходьбу, так как отказалась бежать, когда он бежит передо мной. То есть, бежит спиной вперёд. Он улыбается, слишком мило, солнце освещает его, отбрасывая на Тристана золотое сияние, отчего тот выглядит прямо... ангельски.

Забавно, учитывая, что иногда он называет меня ангелом из-за того костюма, который был на мне, когда мы впервые встретились.

Он одет в красную футболку, облегающую грудь во всех нужных местах, и чёрные спортивные штаны, такие, которые застёгиваются по бокам. Интересно, что бы он сделал, если бы я подошла к нему и попыталась сорвать с него штаны...

— Тебе стоит пойти со мной в спортзал, — небрежно предлагает он, прерывая мои грязные мысли.

— Серьёзно? — изо всех сил стараюсь оставаться безразличной и не придавать слишком большого значения его словам. Конечно, я могла бы оскорбиться и подумать, что он завуалированно намекает, что мне нужно заняться собой. Но я очень худощавая, как моя мама, у которой такая же стройная фигура, так что очевидно, что дело не в этом. Но я довольно хилая. — Разве я недостаточно сильна для тебя, Прескотт?

— Даже близко нет... — его голос срывается, и он хмурится. — Я даже не знаю твоей фамилии. Насколько это хреново?

Оглядываюсь, чтобы убедиться, что поблизости нет детей, прежде чем крикнуть:

— Ашер.

— Александрия Ашер? АА? Только не говори мне, что твоё второе имя Анна. — Её смех заразителен, и я не могу не ответить. — Если я назову тебя Тройной А, ты исполнишь все мои желания?

— Попробуй, — бросаю я в ответ, безумно ухмыляясь, на сердце у меня легко, хотя оно не имеет никакого отношения к тому... что бы мы ни делали.

Мы друг друга подначиваем, Тристан и я, хотя не уверена, осознаёт ли он это. Я изо всех сил стараюсь поставить как можно больше препятствий, чтобы не торопиться, пока он ведёт

себя так, будто мы уже пара. Я даже не думаю, что он понимает, что делает это.

По правде говоря, мы оба просто пара идиотов, танцующих вокруг чего-то, чем мы стали. И это глупо. Но я не отступаю со своей нынешней позиции. И также не думаю, что он собирается это делать.

Так что мы будем продолжать танцевать вокруг друг друга, пока кто-нибудь не сделает следующий реальный шаг.

— Но, если без шуток. Если ты хочешь пойти со мной в спортзал, я не против. Ты могла бы использовать беговую дорожку или любые другие тренажёры, которые тебя интересуют.

— Ты не пользуешься беговой дорожкой? — конечно нет. Он бежит так естественно. Ну-ну.

— Предпочитаю поднимать железо, — говорит он, пожимая плечами. — Я часто занимался этим в школьные футбольные дни.

— Ты играл в футбол? — взвизгиваю я.

Он бросает на меня странный взгляд.

— Да.

— Я была чирлидершей! — бросаюсь к нему, и когда я бегу, мои ноги легки. — Я даже была королевой выпускного вечера в выпускном классе.

— Да ладно, — он останавливается как вкопанный. — А я был королём выпускного вечера в моём выпускном классе.

— Не верю, — останавливаюсь прямо перед ним, уперев руки в бёдра и пытаюсь отдышаться.

— Был. Три года подряд номинировался, хотя до этого никогда не выигрывал, — он морщится. — Не то, чтобы я на самом деле хотел. Это было своеобразное фальшивое соревнование популярности.

— Это означает, что ты был очень популярен, — добавляю я. Всё, чего я когда-либо хотела, — это победить. Это означало, что я была популярна и нравилась людям. По крайней мере, я так думала. Как только моя семья впала в немилость, стало очевидным, что на самом деле я никому не нравлюсь. После этого у меня не осталось друзей.

Ни одного.

— Ну, ты тоже должна была быть такой, — его пристальный взгляд пробегает вдоль всего моего тела, от макушки головы до кончиков пальцев ног. — Я бы хотел как-нибудь увидеть тебя в юбке болельщицы.

Моя кожа горит от его пристального взгляда.

— Она была действительно короткой.

— Не сомневаюсь, — протягивает он, его голос, словно тёплый мёд, сочится по моим нервным окончаниям, отчего я...

Возбуждаюсь.

Боже, и почему я продолжаю отговаривать его от секса? Наши последние признания доказывают, что мы почти созданы друг для друга. В стране старшекласников мы были бы отвратительно идеальной парой. Хотя, если бы мы встретились в старших классах, вероятно, между нами ничего не вышло бы. Я была слишком бесхребетной — в то время я была мямлей, вечно огорчавшей своих парней, как какая-то неуверенная в себе преследовательница, — и он, несомненно, изменил бы мне.

Не то, чтобы Тристан изменщик, но... да. Именно так в своё время поступали горячие футбольные спортсмены, по крайней мере, в моей школе. Мой парень, который был королём

бала и моим сопровождающим на выпускном вечере, изменил мне в ночь бала, получив по окончании танца дрочку от главной чирлидерши конкурирующей средней школы. Он высадил меня, прокрался к ней домой и развлёкся с ней.

К слову, о клише. Я бросила эту задницу. А одна из моих подруг по команде поддержки поймала его через неделю.

В своё время я общалась со многими ехидными девчонками.

— Держу пари, ты был сексуален в своей джерси, — бросаю я ему в ответ. — Было бы здорово увидеть, как ты играешь на поле.

— Я был не так уж великолепен, — его улыбка немного увядает. Она не такая яркая, не так полна приятных воспоминаний. — Я играл ради тусовки с друзьями и девчонок.

Я смеюсь.

— По крайней мере, ты честен.

— Да, ты никогда не сможешь назвать меня лжецом, — соглашается он. — Я всегда говорю всё прямо.

Я ничего не отвечаю. Чувствую, что я ему отказываю в этом, скрывая маленькие кусочки себя от него, от всех. Это нечестно по отношению ко всем, особенно к Тристану и Келли, Джейд и Люси, Стивену и моим соседям, даже к Шепу и Гейбу. Я скрываю своё прошлое, проблемы своей семьи, своих родителей и то, что они сделали, потому что мне за них стыдно.

Если я скажу Тристану, поймёт ли он? Или он будет думать обо мне хуже? Я не знаю.

И не уверена, что когда-нибудь захочу это узнать.

— Давай, прибавь шагу, Ашер. Встретимся на крыльце, — зовёт Тристан, и меня охватывает зависть, когда он поворачивается и бежит к моему дому. Позволяю своему взгляду задержаться, и вздох, полный тоски, вырывается из меня.

Непринуждённый, идеальный болван — хотя это не совсем справедливо. Он уже несколько дней не вёл себя со мной, как придурок. Нет, он был милым, вёл себя абсолютно наилучшим образом. После нашей ночи обнажённых игр мы немного сбавили темп. Он пригласил меня на поздний завтрак в воскресенье и на протяжении всей трапезы так жадно смотрел на меня, что я едва могла сосредоточиться. Это было как-то неудобно.

И горячо. Нельзя этого отрицать.

Мы много переписывались. Чуть-чуть потусовались. Множество раз целовались. Долгие поцелуи с языком, которые, кажется, отравляют мой мозг и превращают меня в кучку кашицы. Это... приятно. И кажется реальным. Весело и легко, ничего слишком серьёзного. В прошлом я всегда очень быстро бросалась с головой в полноценные отношения. Ожидая гораздо большего, чем когда-либо хотел дать парень, с которым я была.

Да, мы танцуем вокруг да около, но у нас не полноценные отношения, и меня это устраивает.

На самом деле.

Наконец, я добираюсь до парадного крыльца и нахожу Тристана, сидящего на ступеньках, потягивающего воду из бутылки и выглядящего сексуально, как грех. Падаю на ступеньку рядом с ним, кладу голову ему на плечо и пытаюсь отдышаться. Он не отталкивает меня, не говорит ничего грубого или обескураживающего. Просто, закончив пить, целует меня в макушку и размахивает новой бутылкой воды перед моим лицом.

От этих милых жестов я таю. Которые в последнее время он действительно хорошо умеет делать.

Беру у него воду и откручиваю крышку, делаю большой глоток, прежде чем снова закрутить крышку и поставить бутылку рядом с собой.

— Я не в форме.

— По мне, так ты выглядишь довольно хорошо, — он толкает меня плечом, и я реально чуть не падаю. Этот парень крепок, как гора.

— Не совсем. Я худая, но у меня это получается само собой. Когда я была подростком, все думали, что я страдаю анорексией, — я хмурюсь. Я совсем забыла про это, даже не знаю, как. Я ненавидела, когда мама водила меня к врачу, снова и снова подчёркивая, что у меня, должно быть, какая-то проблема.

Что на самом деле иронично, так как именно она и была моей проблемой. Она постоянно говорила, что мне нужно следить за своим весом, следить за тем, какую пищу я ем, постоянно дёргая меня за одежду и намекая, что я почему-то выгляжу толстой. Она единственная, кто мог бы в одно мгновение сделать меня анорексичной. Я удивлена, что этого так и не случилось.

— Кто все? — уточняет Тристан.

— Мои родители, — я замолкаю. Не хочу говорить о них, хотя мне действительно следует поговорить с Тристаном.

— Они были суровы с тобой? — мягко спрашивает он.

— Большую часть времени мне казалось, что они даже не помнят о моём существовании, — честно признаюсь я. — Они всегда были заняты.

— Та же самая картина и со мной, особенно что касается отца, — Тристан смотрит вдаль, щурясь на солнце. — Он трудоголик. У него есть чем ещё похвастаться, так что это уже кое-что.

— У вас много денег, — констатирую я очевидное.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Состояние Прескоттов исчисляется миллиардами. Нам с Шепом нужно соответствовать, хотя от нас ничего не ждут. Не то, что от Гейба. Его отец полностью рассчитывает, что когда-нибудь он возьмёт на себя их семейный бизнес, не то, чтобы Гейб этого хотел.

— А ты собираешься заняться семейным бизнесом после окончания университета? — спрашиваю я с любопытством. Он тоже никогда не говорит о своём будущем. Как и я, тем более что понятия не имею, с чем оно будет связано.

— Если они возьмут меня. Наверное, — он снова переводит взгляд на заходящее солнце, в уголках его глаз появляются морщинки, рот кривится в напряжённой гримасе. — Не знаю, хочу ли я этого.

— Тогда чего ты хочешь?

— Я знаю, что мне нравится проводить время с тобой, — он берёт мою руку и сжимает её между своими. — Ха, это, наверное, прозвучало чертовски глупо. В духе Стивена.

Мне смешно, потому что, хоть я и знаю, что это неправильно, мне нравится, как он ревнует к моим отношениям со Стивеном. Хотя называть это отношениями — преувеличение. Это больше похоже на дружбу.

— Стивен очень милый.

— А я нет. Я далеко не милый, — сознаётся Тристан, снова толкая меня в плечо, на этот раз более мягко. — Тебе нравятся такие? Я зря трачу своё время, ангел?

Он зондирует почву, чтобы посмотреть, как яотреагирую? Как он хочет, чтобы я

ответила? Повернувшись, смотрю на него, улыбаясь и не отрывая взгляда.

— Я не думаю, что ты зря тратишь своё время. И сладкое переоценивают. Я предпочитаю немного острых и самодовольных.

Его улыбка становится шире.

— Я бы никогда не подумал, что ты пустая трата времени. Надеюсь, ты это понимаешь.

— Да, — искренне отвечаю я.

Я действительно так думаю.

ГЛАВА 22

Тристан

После нашего познавательного разговора на крыльце — кто знал, что пробежка заставит Александрию так сильно открыться — мы пробрались в дом, а затем и в её комнату, радуясь, что все, кто уже был внутри, сосредоточились на игре, разворачивающейся на экране телевизора.

— Мы могли бы быть террористами, они бы нас ни за что не заметили, — возмущается Александрия, как только я закрываю дверь в её спальню.

— Точно, как будто террористам интересен твой дом, — шучу, прочно запирая замок. Не хочется быть прерванным прямо сейчас.

— Ладно, пусть не террористы, а просто люди, вторгшиеся в дом, — она делает паузу, и я бросаю на неё взгляд. — Что? Такие преступления пугают меня до чёртиков! Ты сидишь дома, занимаешься своими делами, когда внезапно кто-то врывается и требует всё самое ценное. Не могу представить, насколько это страшно.

— В ваш дом каждый день вторгаются друзья Конрада, — серьёзно говорю я ей. Чёрт возьми, это правда. В настоящее время в гостиной пятеро парней, и троих из них я не знаю. — Или Келли.

Она морщится.

— Не смейся над Келли. Она расстроена.

— Из-за чего? — сажусь на край кровати Александрии и наблюдаю, как она бродит по комнате, хватая резинку для волос и собирает их на макушке в небрежный пучок.

Мне нравится, когда она так делает. Мне вообще всё нравится, чем бы она ни занималась.

— Из-за Стивена. Они всё ещё играют в игру «Ты-мне-не-нравись-но-нравись», — она закатывает глаза. — Им нужно просто разобраться с этим.

— Звучит знакомо, — замечаю с улыбкой, зарабатывая за свои слова шлепок по руке.

— Ты знаешь, почему я не тороплюсь, — парирует она, совершенно очаровательная. А я никогда не думал, что цыпочка очаровательна. — И ты говорил, что тебя это устраивает.

— Да. Честно, — у меня пересыхает во рту, когда она тянется к подолу своей толстовки и приподнимает его. И задирает его вверх, пока не обнажает голый живот и чертовски сексуальный спортивный лифчик, который на ней надет. Он прилично закрывает. Где она взяла эту штуkenцию? — Проклятье, это что, новая попытка?

Она полностью стягивает с себя толстовку и бросает её на ближайший стул.

— Что не так с моим спортивным лифчиком? — она смотрит на себя сверху вниз, ещё более очаровательная, чем была раньше.

Я машу рукой, показывая ей подойти ближе. Она делает, как я прошу, останавливаясь прямо передо мной, и я поднимаю руку, поигрывая указательным пальцем с маленькой застёжкой молнии.

— Это. Вот что не так с твоим спортивным лифчиком. Он застёгивается на молнию, — прямо по центру. Один рывок, и я мог бы всё увидеть.

И это всё, о чём я могу думать. О том, как медленно расстёгиваю лифчик и обнажаю эту идеальную маленькую грудь с розовыми сосками. И провожу остаток дня, посасывая их, мы оба голые в её крошечной кровати.

Закатив глаза, она отбрасывает мою руку и делает шаг назад.

— И что тут такого? Обычная молния.

— Молния, которая расстёгивается и предлагает мне взглянуть на землю обетованную, — немедленно парирую я.

Александрия закатывает глаза.

— Ты называешь мои груди землёй обетованной?

— Я назову их Статуей Свободы и горой Эверест, без разницы, только бы доказать тебе, насколько волшебны твои сиськи на самом деле, — торжественно заявляю я.

Она закатывается от смеха, качая головой.

— Ты и правда нереальный.

Я подпрыгиваю на краю её кровати, упираясь руками в матрас.

— А вообще, насколько большая эта кровать?

— Размер Queen. Жаль, что не California king или что там у тебя дома. Некоторые из нас, деревенщин, могут позволить себе только это, — она принохивается и морщит нос. Она что, шутит? Пожалуйста, Боже, скажи мне, что она шутит. — Держу пари, твоя кровать даже сделана на заказ.

Так и есть. Каркас и пружинный матрас длиннее, чтобы соответствовать моему росту.

— Ты не жаловалась, когда была в ней.

Её щёки становятся пунцовыми.

— Тебе всегда приходится сводить всё к сексу?

— Когда ты волнуешься? Чёрт, да, — я хватаю её за талию и притягиваю к себе между ног, моя рука лежит на её ягодицах. На ней чёрные леггинсы из спандекса, которые ничего не оставляют воображению. То есть всё, что я вижу, это её длинные-длинные ноги и идеальную задницу. — Человеку даётся столько терпения.

— Хочешь сказать, что уже отказываешься от меня? — она кладёт руки мне на плечи как раз в тот момент, когда я наклоняюсь и прижимаюсь ртом к её обнаженному животу.

— Никогда, — бормочу я, прижимаясь к тёплой, слегка солёной коже. Я целую её там. Нежные, лёгкие, как пёрышко, поцелуи, снова и снова, изо всех сил стараюсь не пропустить ни дюйма кожи губами. Она дрожит под моим ртом, прерывистый вздох покидает её, когда я облизываю изгиб пупка.

— Тристан, что ты делаешь?

Я запрокидываю голову, и она проводит рукой по моим волосам.

— А на что это похоже? — я целую её в грудную клетку, пока она дёргает меня за волосы. Видимо, она хочет, чтобы я остановился? Почему?

— Я вспотела. Мне нужно принять душ.

— Ни за что. Мне нравится, когда ты потная, — провожу губами по краю её спортивного лифчика, глубоко вдыхаю аромат полевых цветов. Это лосьон, которым она пользуется? Или духи? Нужно спросить её. Но не сейчас. — Сама виновата, знаешь ли.

— Я? — она издаёт недоверчивый смешок, когда я смотрю на неё, прищурив глаза.

— Соблазняешь меня своим сексуальным лифчиком на молнии и спандексом, — я

легонько шлёпаю её по заднице, отчего она спотыкается. — Ты действительно думаешь, что я буду паинькой, когда ты так одета?

— Если бы ты мне не нравился, я бы обиделась на такое замечание, — начинает она твёрдым голосом. Неужели я только что нажал на её феминистские кнопки? Дерьмо. Я ничего такого не имел в виду. — Женщины не носят одежду только для того, чтобы быть объектами возбуждения для мужчин, знаешь ли.

— Да, но ты носишь свои сексуальные лифчики и трусики только для того, чтобы свести меня с ума от похоти. Не отрицай этого, ты знаешь, что это правда. Ты сама призналась в этом несколько ночей назад, — указываю я.

Она впивается зубами в нижнюю губу, рассматривая меня. Её пальцы всё ещё в моих волосах, она осторожно перебирает их. Как будто ей доставляет радость прикоснуться ко мне.

— Сходишь с ума от похоти?

Я киваю.

— Угу, — а ещё от неё. Протягиваю руку и играю с молнией, слегка дёргая её. Она легко скользит вниз, обнажая великолепную кожу. — Обожаю молнии.

Александрия улыбается, глаза сияют, когда она смотрит на меня.

— Правда?

— Чистая. Особенно, когда я могу сделать вот это, — я расстёгиваю лифчик до конца, ткань распаивается, открывая её грудь. У меня пересыхает во рту. Будет ли так каждый раз? В первый захватывающий момент, когда я вижу её обнажённой только для меня? Её соски твёрдые, как бусинки, и я притягиваю её ближе к своему нетерпеливому рту, целуя в местечко между грудями.

Александрия обхватывает рукой мой затылок, прижимая меня к себе.

— Нам не стоит...

— О, определённо стоит, — перебиваю я, облизывая нижнюю часть её груди и заставляя свою девочку подпрыгнуть. — Если только ты не думаешь, что я слишком потный?

— Мне кажется, что ты вообще ни капли не вспотел за всю пробежку, — раздражённо бормочет она.

Что только заставляет меня улыбнуться.

— Завидуешь моим потрясающим спортивным способностям?

Она качает головой.

— Вроде того. Не совсем. Думаю, в конце концов я только получу от этого выгоду.

М-мм, она так права.

— Ты можешь извлечь из этого пользу прямо сейчас, если хочешь.

— Я хочу, — тихо признается она.

Не говорю больше ни слова, просто целую её грудь, дразня соски языком. Её дыхание ускоряется, как и моё, пальцы сжимаются в моих волосах. Поза становится немного шаткой, когда я беру сосок в рот и нежно посасываю. Я ни на секунду не отрываю рук от её задницы, удерживая на месте, не позволяя убежать, хотя не верю, что она даже попытается.

Она хороша на вкус. Тёплая, ароматная, солёная Александрия. Я вцепляюсь пальцами в пояс леггинсов в тот самый момент, когда она снимает спортивный лифчик, обнажаясь выше талии. Спандекс доставляет больше хлопот, с трудом стягиваю с её ног облегающую ткань и оказываюсь лицом к самым сексуальным маленьким чёрным сетчатым стрингам, которые когда-либо видел.

И я вижу всё, каждый выющийся тёмно-русый лобковый волосок, едва прикрывающий её

холмик, влагу от её тела, проявившуюся на передней части трусиков. Делаю глубокий вдох, вдыхая мускусный аромат, прежде чем поднимаю взгляд и вижу, что её голова наклонена, волосы падают вперёд, когда она смотрит на меня.

— Ты мокрая.

Она кивает, снова покусывая нижнюю губу.

— Так всегда, когда ты прикасаешься ко мне.

— Только от одного прикосновения? — Оставив её леггинсы, стянутыми вокруг колен, провожу пальцем по передней части трусиков. Александрия резко втягивает воздух, её веки дрожат.

— Это всё, что нужно, — бормочет она.

— Хм... — провожу пальцем по её клитору, взад и вперёд, радуясь, когда ткань становится влажнее. Горячее. Другой рукой стягиваю её леггинсы ещё ниже, пока они не падают кучей вокруг лодыжек, хотя она не сбрасывает их. — Ты хорошо пахнешь.

— Тристан...

— Я серьёзно, — я прижимаюсь лицом к её киске и вдыхаю. Мой член дёргается в ответ. — Мне нравится, как ты пахнешь, особенно здесь.

По её телу пробегает дрожь.

— Ты извращенец.

— Да, я такой, — отстраняюсь, чтобы улыбнуться ей. — Я никогда этого не отрицал.

Она смеётся нервным, звенящим смехом.

— Кажется, ты считаешь, меня должно это устраивать?

— Как ты сама сказала, от этого ты только выигрываешь. И я извращенец лишь с тобой, — хватаюсь за тонкие ниточки, которые натягиваются на её бедрах, и тяну. — А теперь давай пойдём дальше и разденем тебя.

Алекс

О, он испорченный, порочный человек. Тристан так небрежно улыбается мне, его лицо прямо в моих женских прелестях, а длинные пальцы обвилились вокруг моих трусиков, пытаюсь их снять. Всего несколько мгновений назад его лицо было прямо там, вдыхая меня. Дразня меня своими пальцами, а перед этим он целовал и лизал мои соски...

Я не планировала, что это произойдёт. На самом деле не планировала. Я решила, что мы отправимся на пробежку, дабы избавиться от той сексуальной неудовлетворенности, которая накапливалась между нами. Но потом я сняла кофту, и стоило ему бросить один взгляд на мой спортивный лифчик, как всё было позабыто. Наше либидо снова включилось, и вот она я, в леггинсах на лодыжках и в туфлях, практически голая, в то время как он всё ещё полностью одет.

Из-за одежды это может быть немного неловко.

Но когда он стягивает мои трусики, открывая меня себе, на его лице по-прежнему играет улыбка. Он резко вдыхает, его ноздри раздуваются, улыбка исчезает, когда он растворяется во мне. Волна возбуждения проходит через меня, я чувствую себя сексуальной. Всесильной. То, что я могу вызвать у него такую сильную реакцию, ничего не делая на самом деле, просто существуя, — это пьянящее ощущение.

— Я так чертовски сильно хочу попробовать тебя, — он держится за мои бёдра, обхватывая их большими руками. Я жду и наблюдаю, едва дыша, дёргаясь напротив него, когда он утыкается носом в мою киску. Его рот. Он целует меня там, сначала нежно, потом более настойчиво. Поцелуи с открытым ртом, которые так приятны, что можно упасть в

обморок. А когда присоединяется и его язык, лаская мою влажную кожу, я не могу сдержать громкого хныканья.

Такого громкого, что он поднимает на меня глаза, и эта порочная улыбка снова прочно обосновалась на своём месте.

— Ты в порядке?

Киваю.

— Я всё ещё обута.

Посмеиваясь, он помогает мне и стаскивает обувь с моих ног вместе с носками, затем снимает леггинсы и трусики, пока я не оказываюсь голой перед ним. Обнажённой, полностью выставленной напоказ при дневном свете, где он может изучить каждый мой недостаток.

— Ты чертовски красивая, — благоговейно шепчет он, скользя руками по моим бёдрам, по внешней стороне голеней. Я стою на дрожащих ногах, глубоко вдыхая, отчаянно пытаюсь держать себя в руках.

С ним в таком состоянии я чувствую себя безумно уязвимой. Прошло много времени с тех пор, как я испытывала подобное, и никогда до этого так сильно. Я так долго была отстранённой, пряталась в тени, пытаюсь опять крепко встать на ноги. С самого начала я говорила себе, что не должна связываться с таким парнем, как Тристан. Что он заставит меня чувствовать себя слишком уязвимой, слишком чувствительной, слишком... всё.

И вот она я. Обнажённая. Открытая. Незащищённая. Уязвимая. Его руки на мне, губы ласкают мою кожу, он поклоняется моему телу, заставляет меня чувствовать себя так хорошо, так чудесно, восхитительно...

Живой.

— Ты дрожишь, ангел, — он касается моего бедра пальцами, проводит ими вниз, по моим лобковым волосам. — Я заставляю тебя нервничать?

Киваю, моё горло слишком пересохло, чтобы говорить.

— Почему?

Я качаю головой, не желая отвечать.

— Ты тоже заставляешь меня нервничать.

От удивления после его тихого признания вскидываю голову. Я смотрю на него сверху вниз широко раскрытыми глазами, мои губы приоткрыты, хотя я всё ещё не могу говорить. Он кивает в ответ, наклоняясь, чтобы поцеловать меня в верхнюю часть правого бедра, его тёплые губы задерживаются на моей коже, как будто он не хочет останавливаться. Я вздрагиваю от этого нежного жеста.

— Это правда, — бормочет он. — Ты ошеломляешь меня. Я не понимаю своих чувств к тебе.

Провожу рукой по его мягким волосам, молча поощряя его продолжать.

— Ты слишком хороша для меня, ты знаешь это? — он откидывает голову назад, наши взгляды встречаются. Его голубые глаза такие тёмные, в них бушует знакомая буря. — В конце концов, я, вероятно, только причину тебе боль.

Я вздрагиваю от его выбора слов. Конец. Кто хочет слышать это слово, особенно когда то, что у нас есть, только начинается?

— Ты поглощаешь меня, Александрия, — продолжает он грубым голосом. — Я провёл с тобой всю ночь, а на следующий день всё, о чём мог думать, — это когда я снова увижу тебя в следующий раз. Ты в моих мыслях, моих снах. Обычно такого не бывает. Никогда. — он

качает головой, выглядя почти раздражённым. — Ты первая девушка, которая заставила меня чувствовать себя так. Хотя я пытался это отрицать.

Он пытался?

— Я пытался убедить себя, что ты мне не нужна, но к чёрту всё это, — он поднимается на ноги, почти пугая, когда стоит так близко ко мне, его руки всё ещё на моих бёдрах, его тело излучает тепло. Он — это всё, что я могу видеть, слышать, чувствовать. — Я хочу тебя, Али. Я хочу тебя так чертовски сильно, что меня убивает просто экспериментировать с тобой или что бы мы там ни делали, чёрт возьми. Когда всё, чего я действительно хочу, это затащить тебя в эту кровать и трахать тебя до потери пульса.

Оу. Всё моё тело слабеет от его слов, трепет в животе заставляет меня нервничать. Я делаю глубокий вдох и закрываю глаза, все мысли о том, чтобы не торопиться и тем самым защитить себя, вылетают прямо в окно.

— Я не могу давать тебе никаких цветистых обещаний. Я не могу сказать, что одному из нас или нам обоим не будет больно в какой-то момент. Но я... я чертовски отчаянно хочу быть внутри тебя, — он отпускает мои бёдра и обхватывает моё лицо, приподнимая его так, что у меня нет выбора, кроме как смотреть в его пылающие глаза. Он колеблется, я вижу, как двигается его кадык, когда он сглатывает, и жду, что он скажет дальше. — Я просто хочу чувствовать себя ближе к тебе, — шепчет он, его признание вырвалось откуда-то из глубины. — Я хочу смотреть тебе в глаза, когда войду в тебя в первый раз. И хочу быть тем, за кого ты будешь держаться, когда я заставлю тебя кончить.

Я бросаюсь на него. Нет другого способа описать это. Я бросаюсь на него всем телом, и он кричит, обнимая меня, лоя, прежде чем я упаду. Я нахожу его рот, мой поцелуй отчаянный, его всепоглощающий. Он целует меня так, словно вкладывает в это всё своё сердце и душу, его рот, его язык жаждут моего. Я труюсь об него всем телом, пытаюсь взобраться по его телу, как какая-то сумасшедшая, а он ведёт нас к кровати, падает на неё и тянет меня за собой.

— Детка. Детка, притормози, — шепчет он, но я не могу. Я слишком сильно хочу его. Тристан лежит на спине, я растянулась на нём, сливаясь своими губами с его, целуя его долго и глубоко. Желая, чтобы это никогда не заканчивалось.

Его слова, то, что он под ними подразумевает, проникновенный тон его голоса — он точно знает, как прорваться сквозь мои защитные стены. И я начинаю задумываться, почему хотела подождать, когда можно получить его, всего его, прямо сейчас.

— Я хочу, чтобы ты разделся, — прошу я его, прерывая наш поцелуй и скользя вниз по его телу, чтобы я могла задрать его футболку, потянуть пояс спортивных штанов. Наши руки повсюду, натываются друг на друга, пока мы быстро разбираемся с его одеждой, и вот мы оба, наконец, обнажены. Наши ноги переплетаются, как только он переворачивает меня, его бёдра прижимаются к моим, когда он целует меня, его язык поддерживает ритм его движений.

Я провожу руками по гладкой коже его спины, и его мышцы тут же напрягаются под моими ладонями. Он отрывается от моего рта, целует меня в шею, руками обхватывает грудь, большими пальцами играя с сосками.

— Ты не поверишь, — бормочет он мне в шею. — Но у меня нет презерватива.

Потрясённая, я толкаю его в плечи, так что ему ничего не остаётся, как отстраниться от меня.

— Ты серьёзно? У тебя? Тристана Прескотта, самого большого игрока, нет ни одного

презерватива?

Он действительно выглядит смущённым, даже откровенно застенчивым.

— Эй, это ты не хотела торопиться. Я пытался соблюдать твои правила.

Я касаюсь его щеки, и он снова смотрит мне в глаза.

— Никаких правил, когда дело касается нас.

Он вскидывает брови.

— А есть ли «мы»?

— Я думаю, да, — медленно отвечаю, моё сердце колотится о рёбра. — А ты?

Тристан молчит так долго, что заставляет меня нервничать. Или лучше сказать — ещё сильнее нервничать. Я чувствую его, его эрекцию, прижатую к моему животу, большую и привлекающую внимание. Нервы так и скребут меня изнутри от того, что мы собираемся сделать. Пути назад нет. Как только мы займёмся настоящим сексом, следующие моменты будут очень важными.

Останется ли он здесь? Или тут же сбежит? Тристан из прошлого бы точно ушёл. Но Тристан из прошлого также никогда бы не стал проводить столько времени с девушкой, пока не добился бы своего.

По крайней мере, так утверждает Келли.

— Я тоже так думаю, — наконец откликается он так же осторожно.

Моя улыбка дрожит. А сердце наполняется огромным облегчением.

— Открой ящик прикроватной тумбочки, — тихо говорю я ему.

Он наклоняется надо мной, его грудь у моего лица, твёрдый член трётся о мой живот, оставляя влажный, липкий след. Выдвинув ящик, он заглядывает внутрь и начинает смеяться.

— Как думаешь, сколько нам понадобится?

Презервативы дождём сыплются мне на голову и отскакивают на подушку, отчего мне смешно.

— Это был подарок Келли, — отзываюсь я.

— Правда? — он хватает большую часть с подушки и бросает обратно в ящик, задвигая его. Собирает те немногие, что остались, и кладёт на прикроватный столик. — Она, наверное, думает, что у нас секс-марафон.

Меня бросает в жар и трясёт при одной мысли о том, чтобы устроить с Тристаном секс-марафон.

— Это не такая уж и плохая идея.

Медленно он подстраивается, а затем толкается, его член приближается к моему входу.

— Согласен, — бормочет он, наклоняясь для поцелуя.

Я уворачиваюсь от него, и он рычит от разочарования.

— Сначала мне нужно рассказать тебе, где она взяла все эти презервативы.

— Да кого это волнует? — он снова начинает целовать мою шею, его рот влажный и горячий, языком он облизывает мою кожу, заставляя меня дрожать.

— Она нашла их в шкафу Конрада, — я прослеживаю случайные узоры на груди Тристана, играя с волосами на груди. Он такой восхитительно мужественный, что не могу привыкнуть к тому, что он в моей постели. Между моих ног.

Тристан замирает, медленно поднимая голову.

— Что она забыла в шкафу Конрада? И сколько презервативов ему нужно?

Я хихикаю.

— В том-то и дело. Он никогда не приводит с собой девушек, и всё же он сверхподготовлен. Понятия не имею, что Келли искала в его шкафу. И не думаю, что хочу это знать.

— Наверное, нет, — бормочет он, прежде чем снова поцеловать меня. Его язык скользит вокруг моего, кружит по нему точно так же, как его бёдра двигаются напротив моих. Я стону ему в рот, мои руки опускаются на его идеальную задницу, притягивая Тристана ещё ближе. Я хочу, чтобы он был внутри меня. Сейчас.

Я устала ждать. Я точно знаю, чего хочу.

Тристана.

ГЛАВА 23

Тристан

Чёрт, так приятно ощущать Александрию, прижавшуюся ко мне, её длинные ноги обхватывают мои. Она водит пяткой вдоль моей икры вверх-вниз, и от такого простого прикосновения по моим венам разливается тепло. Мой член прижимается к её животу, более чем готовый погрузиться в неё, но не хочу торопиться.

Нужно убедиться, что она готова.

Ещё одно отличие Александрии от других девушек, с которыми я был, — мы занимаемся прелюдией. Долгой тщательной прелюдией, которая сводит с ума нас обоих. Не то, чтобы я был против прелюдии с кем-то ещё. Скорее, всегда торопился, стремился поскорее заняться сексом.

С Александрией я хочу насладиться им. Не спешить. Исследовать каждый дюйм её прелестного тела, познакомиться с ним поближе.

Интимно. Слово, которое никогда раньше не ассоциировал ни с одной другой девушкой. Близость заставляет меня чувствовать себя неловко. Просто услышав это слово, я побежал бы так быстро и так далеко, как только смог.

Странно, но меня это не беспокоит, когда я думаю об Александрии.

Переполненный своей потребностью в ней, я поглощаю её рот, заставляя девушку тихо стонать. Скольжу вниз по её телу, чтобы попробовать её вкус везде. Шея, ключицы, грудь. Эти пухлые розовые соски, которые стоят по стойке смирно только для меня. Нежный наклон её живота, впадина пупка, тазовые косточки, бёдра, колени, ступни — всё это привлекает моё внимание, пока она не превращается в извивающуюся, задыхающуюся кашу.

Самое лучшее я приберегаю напоследок, широко раздвигая её бёдра, чтобы свободно лизать и сосать киску. Она невероятно влажная, её складки блестят, клитор набух. Я посасываю его губами, и она ёрзает, её руки в моих волосах, вырывающиеся слова непонятны.

Я свожу свою девочку с ума.

Отодвигаясь от её киски, подскакиваю, хватаю презерватив и разрываю обёртку, откидываясь на корточки, чтобы надеть резиновое кольцо на кончик. Она наблюдает с нескрываемым восхищением, облизывая губы, её взгляд прикован к моему члену, как будто она, чёрт возьми, не может дождаться, когда он окажется внутри неё. Самое горячее зрелище на свете прямо здесь. Я бы погладил себя перед ней, но не сегодня.

Сегодня наконец-то я проникну в её сладкую киску.

Как только презерватив надет, наклоняюсь над ней, одной рукой упираясь в матрас рядом с её головой, другой обхватываю основание члена и провожу им по её складкам. Она

выгибается мне навстречу, её рука тянется к моему запястью, как будто ей нужно за что-то крепко ухватиться, и её глаза закрываются.

— Ты хочешь этого? — подначиваю я. Дразню её. Дразню себя. Я смотрю, как провожу своим членом по всей этой блестящей розовой плоти, задевая кончиком её клитор, сдвигаясь вниз, чтобы он оказался прямо у её входа. Один толчок, и я в ней. Один толчок, и я буду идеально погружён в её сексуальное тело.

Но я жду, что она сначала даст мне добро.

Она кивает, сжимая губы вместе.

— Скажи это, ангел. Скажи, что ты этого хочешь, — я наклоняю голову и целую её, облизывая губы, внутреннюю часть рта. Её вкус сладкий, такой же притягательный, как конфеты.

— Я хочу этого, — шепчет она мне в губы, её голос прерывается, дыхание учащается. — Пожалуйста, Тристан.

Это «пожалуйста» — знак для меня. Словно она умоляет меня о члене. Я чувствую её боль. Я ни хрена не прошу, но у меня такое чувство, что встал бы на колени и умолял её позволить мне ещё раз попробовать её киску, ещё один шанс погрузить свой член глубоко в её тело.

Одним медленным толчком я оказываюсь внутри неё. Замираю, задерживаю дыхание, задерживаю мысли, продвигаясь дальше, пока не оказываюсь по самые яйца. Она обхватывает своими сексуальными длинными ногами мои бёдра, прижимаясь своим телом к моему, и я тяжело вздыхаю, чертовски надеясь, что не кончу слишком рано. Я отстраняюсь и снова толкаюсь, на этот раз ещё медленнее, наслаждаясь тем, как её внутренние стенки плотно сжимаются вокруг моего члена.

Закрыв глаза, глубоко вдыхаю и приказываю себе собраться с мыслями. Она буквально пульсирует вокруг меня, сжимая мой член всё крепче и крепче, заставляя сходить с ума от желания. Я обещал себе, что не буду торопиться. Но это было до того, как я узнал, каково это — оказаться внутри Александрии.

И это чертовски потрясающее ощущение.

Она обвивает руками мою шею и приподнимается, её рот у моего горла, мой ангел шепчет слова, которые из-за оглушительного рёва в ушах я не слышу. Я поглощён чистой потребностью, каждый первобытный инстинкт срабатывает, включается. Всё, чего я хочу, это трахаться.

Жёстко трахаться.

Она произносит моё имя, когда я снова отстраняюсь, и я вслепую хватаю её за лицо, ища её губы. Поцелуй дикий. Влажный. Губы, язык и зубы, шепчущие слова, дыхание и всхлипы. Я увеличиваю темп, мои бёдра двигаются, её приподнимаются.

— Ещё, — шепчет она, и я даю ей это. — Сильнее, — требует она с криком, и я делаю, как она велит, врываясь в её тело, как одержимый.

Я даю ей это так, как она хочет, потому что я тоже этого хочу. Всё, что ей нужно, я дам ей. Что бы она ни потребовала, я предложу. Я без ума от своей потребности угодить, у меня покалывает позвоночник, яйца напрягаются. Я вот-вот кончу, приподнимаюсь, освобождая немного места между нами, чтобы мог коснуться её клитора, пока неглубоко вонзаюсь в неё.

— Ты близко, Алекс? Ты готова кончить?

Она кивает, её волосы растрёпаны, тело блестит от пота. Я опускаю голову и облизываю одну грудь, затем другую, солёный привкус её пота растворяется на языке. Чёрт, она хороша

на вкус, а на ощупь ещё лучше.

Мой темп увеличивается, становится почти неистовым. Я вхожу в неё, кряхча с каждым толчком вниз, толкаясь всё глубже и глубже, пока не возникает чувство, что собираюсь навсегда вонзить свой член в её тело. И всё же она берёт его, подбадривая меня шёпотом, её лодыжки впиваются в мою задницу.

Мягкие, медленные занятия любовью никогда, никогда не были моим стилем. Но и не в моём стиле было — трахаться, как грёбаное животное — до Александрии. Меня переполняет желание сделать её своей. Чёрт, я испытываю искушение вытащить член из неё в последний момент, чтобы я мог кончить ей на сиськи, просто чтобы насладиться видом моей спермы на её коже...

Замедляю толчки, переводя дыхание, переоценивая мысли. Откуда, чёрт возьми, всё это взялось? Я никогда не хотел кончить на сиськи цыпочки только для того, чтобы сказать, что я это сделал. Это так собственнически, так чертовски первобытно.

— Тристан? — она царапает ногтями по моей спине, привлекая моё внимание, и я снова начинаю двигаться. Один толчок. Два. Сильнее. Глубже. Она всхлипывает при каждом толчке внутрь, стонет при каждом выходе, и я снова вхожу в неё. И снова. Пока Александрия не произносит моё имя и не кончает так сильно, что я чувствую каждое сжатие вокруг моего члена, её киска пульсирует и пульсирует, делая всё возможное, чтобы выжать из меня мой оргазм.

Это срабатывает. С хриплым криком я кончаю, моё зрение затуманивается, когда оргазм накрывает меня, лишая дара речи. Моё тело сотрясается, и я падаю на неё, тяжело дыша, моё сердце колотится так сильно, что, клянусь, оно вот-вот взорвётся.

Она проводит руками по моей голове, чтобы успокоить меня, и я лежу, глубоко дыша, пытаюсь замедлить своё быстро бьющееся сердце. Ей должно быть тяжело от того, что я вот так распластался на ней, но только собираюсь перевернуться, как она сжимает меня в объятиях, удерживая на месте.

— Ещё нет, — шепчет она.

Поэтому делаю, как она хочет, и позволяю ей обнимать меня, уткнувшись лицом в её волосы, её лицо прижимается к моей груди. Проходят несколько минут, пока я, наконец, не выхожу из неё, не встаю с кровати, снимаю презерватив и завязываю его узлом, прежде чем выбросить в ближайшую мусорную корзину. Глубоко дыша, провожу рукой по волосам, всё моё тело покалывает от осознания.

Я бы повторил. Надеюсь, она готова ко второму раунду.

— Ты назвал меня Алекс.

Я поднимаю взгляд и вижу, что она наблюдает за мной, её голова откинута на груды подушек, простыня обёрнута вокруг бёдер. Довольная улыбка изгибает её распухшие губы, и я зачарованно смотрю на неё.

— Ты о чём? — спрашиваю я, когда понимаю, что она обращается ко мне.

— Чуть раньше. Ты назвал меня Алекс, — её улыбка становится шире, и она закрывает глаза, не говоря больше ни слова. Подъём и опускание её груди — завораживающее зрелище, и понимаю, что, чёрт возьми, я очарован её дыханием.

— Да?

— Да. Мне понравилось. Хотя мне нравится, когда ты называешь меня полным именем. Или Али. Или ангелом. Мне очень нравится ангел, — она протягивает руку и откидывает простыню с другой стороны кровати, похлопывая по матрасу. — Иди ко мне. Мы можем

использовать больше презервативов Конрада.

Без возражений иду к ней, проскальзываю в постель и притягиваю Александрию к себе.

Алекс

У меня голова кружится от счастья. Это безумие, знаю, но последние несколько дней не могли быть лучше, даже если бы я попыталась. Я сдала большой проект, у меня четвёрка за тест по статистике, и я занималась сексом с Тристаном каждую ночь на этой неделе.

Жизнь наконец-то повернулась ко мне лицом.

— Ненавижу тебя, — бросает Келли, когда я толкаю дверь и вхожу в свою спальню. Я знала, что она будет ждать здесь. Она написала мне пятнадцать минут назад, чтобы предупредить. Она прячется, потому что в гостиной слишком много парней.

В тот момент, когда вошла в дом и все они закричали в мою сторону в знак приветствия, я была немного ошеломлена. К нескольким чувакам, вечно околачивающимся у игровых консолей, я уже привыкла, но это становится смешным.

— С чего вдруг? — любопытствую я, бросая сумочку на комод и плюхаясь в ближайшее кресло.

Я только что вернулась домой, отработав весь день в комиссионном магазине. Сегодня был очень суматошный день. Многие девушки приходят и примеряют вечерние платья, большинство из которых выставлены мною на продажу. Сэнди предупредила меня на прошлой неделе, что скоро начнутся зимние праздники как для старшеклассников, так и для нескольких братств и женских сообществ.

Я не только получила обычную почасовую зарплату, но и продала несколько своих платьев. Так что день закончился отличной выручкой.

— Потому что ты регулярно занимаешься сексом, — голос Келли раздражённый, и она плюхается спиной на мою кровать. — И ты сыпешь соль на рану.

— Я сыплю? — проверяю телефон в надежде увидеть сообщение от Тристана. Он должен быть здесь с минуты на минуту. Он написал около часа назад, что поедет сюда вскоре после того, как я закончу работу. Конрад пригласил его поиграть в новейшую версию Call of Duty, которая вышла всего несколько дней назад. Учитывая, что в нашем доме это в некотором роде национальное событие, последние два дня подряд парни безостановочно приходили поиграть.

Не знаю, как так получилось, но Тристана туда тоже втянули. И он сказал, что возьмёт с собой и Гейба. Шеп работает сегодня вечером, как и Люси, так что они вдвоём.

Странно, как два моих мира сошлись. Мне это даже нравится.

— У тебя румянец на щеках, глаза сверкают. Я так чертовски завидую, что аж жалко, — Келли вздыхает, уставившись в потолок. — Мне надоело ждать Стивена.

— Почему? — бедный парень никак не может передохнуть. — Мне казалось, он тебе нравится. И я была уверена, что и ты ему нравишься.

— Я тоже так думала, но он отказывается двигаться дальше, — с горечью говорит Келли.

— Ты сделала первый шаг? — мне нужно переодеться, но не перед Келли, так как снова хочу нарядиться в сексуальное нижнее бельё. Новая любимая игра Тристана — узнать, что у меня под одеждой.

Теперь это и моя любимая игра. При одной мысли об этом меня бросает в дрожь.

— Да, — обращаю внимание на её односложный ответ, ожидая большего. — Но потерпела неудачу.

— О, Келли, — услышав мой сочувственный тон, она садится и бросает на меня хмурый взгляд. — Что случилось?

— Я не хочу об этом говорить. В любом случае, не похоже, что ты полна хороших советов, учитывая, что вы с Тристаном просто трахаетесь, как кролики, и пялитесь друг на друга влюблёнными глазами каждый раз, стоит вам оказаться в одной комнате.

Неужели? Ну да, мне нравится смотреть на него. А что в нём может не нравиться? Не влюблённые глаза? Не замечала такого за Тристаном.

— Не правда, — начинаю протестовать я, но она издаёт раздражённый звук и встаёт с кровати.

— Ты именно так и пялишься. И ты настолько увлечена им, что даже не осознаёшь этого. Это отвратительно. Пойду потусуюсь с парнями, — бормочет она, направляясь к двери. — Тристан приедет?

— Он должен быть здесь с минуты на минуту, — отвечаю я с грустью. Келли злится на меня, а чувствую себя плохо я. Но я не сделала ничего плохого. Я не виновата, если у меня есть парень.

Я не могу назвать его своим другом. А называя Тристана любовником, чувствую себя глупо. Это звучит слишком гламурно и надуманно для того, что между нами. Определённо, не могу назвать его и своим бойфрендом.

Нет. Ни в коем случае.

— Отлично. Наверное, будет весело весь вечер наблюдать, как вы двое пускаете слюни друг на друга, — она открывает дверь. — Увидимся, — бурчит, уходя, Келли.

Как только дверь закрывается, у меня вырывается вздох. Мне не нравится, что Келли расстроена из-за меня, но она это переживёт. Видимо, она просто в плохом настроении. Понимаю, она расстроена из-за Стивена, но как я могу ей помочь, если она не говорит, что происходит?

Встав со стула, подхожу к своему шкафу и открываю дверцу, выбирая что-нибудь из одежды. Рубашка на пуговицах делает своё дело, думаю я, снимая её с вешалки. Я представляю, как Тристан медленно расстёгивает каждую пуговицу, его пальцы касаются моей кожи, его взгляд прикован к моей груди, как только он видит, какой на мне лифчик.

У меня достаточно бюстгалтеров, чтобы поддерживать эту игру в течение нескольких недель. Он понятия не имеет, во что ввязался.

Быстро переодевшись, направляюсь в гостиную как раз вовремя, чтобы увидеть, как Тристан и Гейб входят в дверь, оба держа по двенадцать банок пива. В тот момент, когда взгляд Тристана находит меня, он улыбается и направляется прямо ко мне.

— Привет, — он целует меня в щёку, его губы задерживаются. — Ты выглядишь очень хорошо, так и съел бы тебя, — бормочет он тихо, чтобы никто другой не мог услышать.

Гейб подходит к нему сзади, корча гримасы поцелуя и закатывая глаза. Я смеюсь, прикрывая рот пальцами, когда замечая, как быстро напрягается Тристан. Он оглядывается через плечо, впиваясь взглядом в Гейба.

— Отвали.

— О, бедняжке Тристану не нравится, когда его дразнят, — Гейб ерошит волосы Тристана, который уворачивается от него. — Он этого заслуживает, — поясняет мне Гейб. — В своё время он достаточно поглумился над нами, но особенно досталось Шепу.

— Здесь нет ничего, чему можно было бы придавать значение, — раздражённо отмахивается Тристан. — Мы просто друзья, верно, Алекс?

Он снова назвал меня Алекс. Ещё один редкий случай, хотя на сей раз мне это не нравится. И что, чёрт возьми, он имеет в виду, говоря, что мы просто друзья?

— Если ты считаешь друзьями двух людей, которые раздеваются и постоянно занимаются сексом, то да. Мы очень хорошие друзья, — торжественно подтверждаю я.

Гейб начинает смеяться, беря упаковку из двенадцати банок, которую Тристан пихает ему, когда проходит мимо, направляясь на кухню.

— Она то, что надо, Трис. Любая другая девушка врезала бы тебе по яйцам за такое заявление.

— Твой друг прав, — говорю я Тристану, как только Гейб оказывается вне пределов слышимости. — И у меня всё ещё есть искушение врезать тебе по яйцам.

Вздвогнув, Тристан хватает меня, притягивает к себе и крепко сжимает.

— Прости. Я паникую каждый раз, стоит кому-нибудь спросить, что между нами.

Я утыкаюсь лицом в его грудь, вдыхая пьянящий запах Тристана. На нём фланелевая рубашка в бело-голубую клетку, ткань невероятно мягкая. Приятная. Возбуждающая. Фу.

— Ты придурок, — бормочу я ему в грудь. Не могу позволить ему выйти сухим из воды, хотя и потрясена, что он на самом деле извинился. Это слово редко услышишь из уст Тристана.

Так, ладно. Мы ещё не определили, кто мы такие, но это только начало. Мы встречаемся — то есть занимаемся настоящим сексом — всего около недели. Мы флиртовали и кружили вокруг друг друга почти месяц. Он парень, который не заводит отношений. Я девушка, которая должна была держаться в стороне. Но каким-то образом мы вместе.

Я не жалею.

Но День благодарения в ближайший четверг, и мы не увидимся целую неделю. Он едет домой, чтобы провести каникулы со своими родителями, а я остаюсь здесь. Не хочу оставаться без него. Что, если он поймёт, что не скучает по мне? Что, если ему станет скучно без меня, и он найдёт кого-нибудь другого, с кем можно поразвлечься? Или, ещё хуже, он перепихнётся с кучей девушек и каким-то типичным для Тристана-мудака способом даст мне понять, что я была просто ещё одной, кого он добавил в свой список.

Я слишком глубоко увязла. Я знаю, что потеряю его, если случится нечто подобное.

— Знаю, — он проводит рукой по моим волосам. — Ты права. Я полный придурок. Я с самого начала говорил это.

Что есть, то есть. Нельзя винить его за это.

— Но я не знаю, что говорить людям, когда они спрашивают о нас, — продолжает он низким голосом.

Вот мы стоим на входе в мой дом и ведём важный разговор рядом с группой парней, кричащих на происходящее в видеоигре всего в нескольких футах от нас. И это не первый раз, когда мы делаем что-то подобное.

— Ты не должен им ничего говорить, — отзываюсь я, отстраняясь, чтобы посмотреть на него снизу-вверх. — То, что между нами, никого больше не касается.

— Ты действительно в это веришь? — он касается моей щеки, проводит большим пальцем по моей нижней губе. Его нежное прикосновение заставляет меня дрожать. Заставляет меня хотеть большего.

Я киваю.

— Я сама не могу описать, что между нами, — признаюсь я шёпотом. — Так что не могу ожидать этого и от тебя. Пусть они задают свои вопросы. Пусть строят предположения

и гадают. Мы можем быть тайной, которую они отчаянно пытаются разгадать.

Он улыбается, проводя руками вверх и вниз по моей спине.

— Из-за тебя мы кажемся гораздо более притягательными, чем мы есть на самом деле...

— О, мы очень притягательные, — я откидываю голову назад как раз в тот момент, когда он целует меня в нос. — Подожди, пока не увидишь, что я приготовила для тебя сегодня вечером.

Тристан тут же оживает.

— Под этой рубашкой, которая на тебе, что-то очень сексуальное, да?

Я улыбаюсь.

— Это сведёт тебя с ума.

Тристан просовывает руку мне под рубашку, касается моей спины, его пальцы горячи на моей коже.

— Я, мать твою, не могу ждать.

ГЛАВА 24

Алекс

Утро в понедельник выдалось мрачным, я в унынии, мне грустно, что Тристан уехал на неделю, когда получаю сообщение от Келли.

«Срочно. Нужен кофе. Предпочтительно тыквенно-пряный латте. Встретимся через двадцать минут в ближайшем к тебе «Старбаксе»?»

Почему нет?

Двадцать минут спустя я захожу в переполненный «Старбакс» и замечаю Келли, сидящую за маленьким круглым столиком, перед ней два латте с тыквенными специями и гигантский кекс, который она в настоящее время поглощает.

Ой-ой.

— Что случилось? — спрашиваю я, опускаясь на стул и с благодарностью принимая стакан, который она пододвигает ко мне.

Она ничего не говорит, просто отщипывает кусочек кекса и засовывает его в рот, её глаза на мгновение закрываются, и она медленно жуёт, словно блаженствует над обычным кексом с черникой. Затем хватается за свой кофе и выпивает примерно половину, прежде чем поставить его обратно на стол.

— У меня был секс, — заявляет она.

— Что? — я хватаюсь за край стола. — Когда? Где? С кем?

— Ш-ш, потише, — она оглядывается по сторонам, убеждаясь, что никто не обращает на неё внимания, прежде чем продолжить. — Это случилось в субботу вечером.

— Но... — у меня в голове всё перемешалось. — Сегодня понедельник.

— Знаю.

— Почему ты не сказала мне раньше? — она скрывает уже сколько, тридцать шесть часов? И говорит мне только сейчас?

Келли пожимает плечами.

— Это был последний день перед отъездом Тристана, вы его проводили вместе. Я не хотела мешать.

Мы вернулись к нему домой после видеоигр и провели остаток ночи в объятиях друг друга. Затем продолжали заниматься тем же самым большую часть воскресенья, запершись в его комнате. Я не хотела, чтобы он уезжал. Он утверждал, что ему тоже не хочется уезжать, но не знаю, говорил ли он правду или просто хотел сделать меня счастливой.

— Жаль, что ты не рассказала мне раньше, — я тянусь через стол и беру её за руку, сжимая. Мы по-настоящему не разговаривали с тех пор, как она разозлилась на меня в субботу вечером. — Я всегда поддерживаю тебя, Кел. Надеюсь, ты это знаешь.

— Да, знаю, Алекс. Я была так расстроена в субботу, что вела себя как настоящая стерва. И выместила всё на тебе. Я вымещала это на всех, включая эту дурацкую игру, которую чертовски ненавижу, — с горечью признаётся она.

В какой-то момент она была среди парней, играя, словно сумасшедшая, в новую версию Call of Duty. Стреляя во всё, что попадает на глаза, снова и снова выкрикивая «ублюдок», и всё это время она сидела на... коленях Конрада.

Оу. Пипец. Нет.

У меня перехватывает дыхание, просто вспоминая это.

— Только не говори, что ты переспала с Конрадом, — шепчу я, наклоняясь через стол, чтобы никто больше не мог меня услышать.

— Чёрт, нет, — Келли яростно трясёт головой. — Он был не против. Но я просто использовала его, чтобы заставить Стивена ревновать.

— О, Кел. Это хреново.

— Ничего страшного. Позже той ночью я зашла в ванную и застала там Конрада и Фелишу, целующихся! — Келли улыбается, выглядя вполне довольной своим откровением.

У меня снова перехватывает дыхание.

— Ты серьёзно?

— Да. Его руки были повсюду. Они действительно энергично набросились друг на друга, страстные любовнички, — Келли ухмыляется. — Мне кажется, что Конрад использовал меня, чтобы заставить Фелишу ревновать. Можешь себе представить?

Нет. Не могу. Прямо какая-то мыльная опера в моём собственном доме.

— Так, погоди, давай вернёмся сначала к тебе, — говорю я, прежде чем сделать глоток из своего стакана. — Ты так и не сказала, с кем у тебя был секс. Это был... Стивен?

Келли кивает, её лицо морщится прямо перед тем, как она начинает рыдать. Она закрывает лицо руками, всхлипывая в них, я тут же вскакиваю на ноги, подбегаю к ней, чтобы обнять и утешить.

Я в замешательстве. Она бегала за Стивеном уже несколько недель, и теперь, когда наконец получила его, она плачет?

— Неужели всё было так плохо? — спрашиваю я.

Она утирает руки, обнажая залитое слезами лицо.

— Конечно, нет. Это было потрясающе.

Когда она снова начинает плакать, прижимаю её лицо к своему плечу и похлопываю по спине, совершенно сбита с толку.

— Я думала, именно этого ты и хотела, — бормочу я.

— Да. Так и было, — она отстраняется от меня, махнув рукой в сторону моего пустого стула. — Иди сядь. Это просто смешно. Я буду держать себя в руках. Обещаю.

— Но...

— Садись, — командует она, словно я её собака.

Делаю, как она велит, надеясь, что Келли всё объяснит.

— Ладно, давай, расскажу тебе, что произошло, — она делает глубокий вдох и прерывисто выдыхает. — Я была рядом с Конрадом всю ночь. И когда поняла, что он встречается с Фелишей, то махнула на него рукой. Поэтому начала флиртовать с другими

парнями. У меня был большой выбор, учитывая, что их там было так много, понимаешь?

Я киваю, слегка напуганная тем, что она говорит. Она ставила себя в неловкое положение, особенно из-за того, что пила.

— Не смотри на меня так. Ты сбежала с Тристаном, чтобы трахаться, так что Гейб присматривал за мной, честно. Он даже набросился на одного чувака и велел ему отвалить.

Слава Богу, что есть Гейб.

— В любом случае, Стивен наблюдал за мной всю ночь, но не сказал ни слова. Ни разу не заговорил со мной, ничего не предпринял. Позволил Гейбу быть мачо и выручить меня, и меня это так разозлило, понимаешь? Он должен был вмешаться.

— Может, он был напуган, — вступаюсь я за бедного, тихого Стивена.

— Я тебя умоляю. Не знаю, в чём была его проблема, но в конце концов я решила забить на них всех. Я сказала всем, что еду домой. Гейб такой: «О, чёрт возьми, нет», и уже собрался отвезти меня, но тут вмешался Стивен и заявил, что он будет тем, кто отвезёт меня домой, — Келли допивает свой напиток и смотрит в сторону стойки. — Я хочу ещё один тыквенный латте.

— Нет, ты не хочешь, — щёлкаю пальцами перед её лицом. — Сосредоточься. Что было дальше?

— Итак, мы сели в его машину, и он сказал, что отвезёт меня домой, но он солгал, — она поджимает губы и наклоняет голову. — Вместо этого он отвёз меня к себе домой. И... напал на меня в своей машине.

— Подожди-ка-подожди-ка, — перебиваю я. — Напал в хорошем или плохом смысле?

— В самом лучшем. Боже, этот парень умеет целоваться, — глаза Келли затуманиваются, когда она вспоминает, я узнаю этот взгляд. Держу пари, у меня такое же выражение лица каждый раз, стоит мне подумать о поцелуях с Тристаном. — Следующее, что я помню, мы входим в его дом, наши губы всё ещё соединены, и мы оказываемся в его комнате. Где он начал стаскивать с меня одежду, толкнул меня на кровать и подарил лучший оргазм в моей жизни.

— Звучит горячо, — откликаюсь я, не в силах представить, как Стивен на самом деле делает всё, что она только что описала, что, вероятно, к лучшему.

— Так почему же ты расстроена и плачешь?

— Потому что я ушла из его дома посреди ночи и с тех пор ничего о нём не слышала! Почему он не написал мне? Не позвонил? — она вскидывает руки в воздух. — Ему не понравилось заниматься со мной сексом. Я в этом уверена.

— Брось. Ты ему нравишься. С чего бы ему не понравилось? Он подарил тебе лучший оргазм в твоей жизни. Это значит, что ему было хорошо, — успокаиваю я её.

— Он приходил к вам домой после субботы? — интересуется она.

— Не знаю. Вчера меня не было дома. Я была с Тристаном.

Она вздыхает, выглядя такой невероятно подавленной, что мне хочется встать и ещё раз обнять её.

— Везёт тебе. По крайней мере, ты с парнем, который не боится сказать тебе, что он чувствует.

— Ты, блин, серьёзно? — начинаю я смеяться, практически безудержно. Она странно смотрит на меня, ей совсем не смешно. — Мы говорим о Тристане Прескотте.

— Да, и что?

— В субботу вечером он ляпнул Гейбу, что мы просто друзья, — объясняю я.

Келли хмурится.

— Ну и осёл.

— Согласна. Ему вообще неудобно говорить о своих чувствах. Так что не думай, что мне легко с Тристаном только потому, что мы регулярно занимаемся сексом. То, что между нами есть, хорошо, но в то же время всё кажется шатким. Как будто один неверный шаг, и всё рухнет безвозвратно.

— Регулярный секс сейчас звучит довольно привлекательно, — замечает Келли, отчего мы обе смеёмся.

— Секс — это здорово, но ещё не всё, — не верится, что я только что сказала это, но это правда. Я хочу большего от Тристана. Конечно, мы знаем друг друга не очень долго, и всё это блестяще и ново, особенно для него, но я ничего не могу поделать с тем, что чувствую. Я хочу обязательств.

Я хочу называть Тристана Прескотта своим бойфрендом.

— Думаю, тебе самой следует позвонить ему, — предлагаю я Келли.

— Кому? Тристану? И что я ему скажу? Перестань быть придурком по отношению к Алекс, или я надеру тебе задницу? — спрашивает она, улыбаясь.

Видеть её улыбку — такое облегчение. Мне не нравится, когда Келли расстроена. Она наша жизнерадостная, всегда весёлая, всегда саркастичная девочка.

— Тебе стоит позвонить Стивену.

— О, — улыбка Келли исчезает. — Я не могу ему позвонить.

— Тогда напиши.

— Этого я тоже не хочу делать.

Я закатываю глаза.

— Ведёшь себя глупо. Просто стисни зубы и позвони. Если только тебе не нравится сидеть в страдании и гадать, почему он не выходит на связь с тобой.

— Ладно, — тяжело вздыхает Келли. — Но что я должна сказать? О, привет, Стивен, мы потрясающе провели с тобой субботнюю ночь. Я даже не догадывалась, что ты знаешь все эти трюки с языком и что у тебя такой большой член. Уверена, он был бы безумно рад такое услышать.

Я моргаю, глядя на неё.

— Я на сто процентов уверена, что он очень хотел бы это услышать, — не стоило этого говорить, но слишком поздно.

Она уставилась на свои сжатые руки, лежащие на столе.

— Я нервничаю.

— А тебе не приходило в голову, что он тоже нервничает? — мягко спрашиваю я её.

Она поднимает голову, большие глаза смотрят на меня.

— Может, так оно и есть.

— Абсолютно точно, — киваю я. — Мы же говорим о Стивене.

— Он сказал, что ему ненавистно было видеть, как Конрад обнимал меня, — корчит она гримасу. — Мне стало стыдно за то, что я заставила его ревновать. Он наговорил мне много очень приятных слов. Как я прекрасна, как всем всегда весело, когда я рядом.

— Это мило. И это правда, — заверяю я её.

Келли улыбается, хотя и с оттенком грусти.

— Я не просто нервничаю, мне страшно. Он на самом деле мне очень-очень нравится, особенно после всего, что случилось. Я верю, между нами могло бы быть нечто

удивительное, если бы он просто дал нам шанс.

Я протягиваю руку и снова хватаю её, крепко сжимая.

— Напиши ему. Просто поздоровайся. Посмотрим, что будет дальше. Это ничего не испортит.

— Ты права. Не испортит, — она снова бросает взгляд на прилавок. — Я действительно хочу ещё один тыквенный латте...

— Не стоит. Ты и так достаточно нервничаешь. Но ты можешь сидеть и смотреть, как я допиваю свой, — улыбаюсь, делая ещё один глоток, и Келли показывает мне язык. — Послушай, тебе нужно всё уладить со Стивенем, чтобы мы все могли поехать в дом его родителей на День благодарения, и это не было бы неловким и странным.

— О, это и так будет неловко и странно, поверь мне. Я ведь познакомлюсь с его родителями, Алекс. Мне придётся сидеть с ними за одним столом, улыбаться и любезничать, пока ем их вкусную фаршированную индейку. И всё это время я буду думать: «У меня во рту был член вашего сына». Вот это чертовски неловко.

— Боже, Келли. Пожалуйста, — совершенно не хотелось, чтобы этот конкретный образ вспыхнул в моём мозгу.

— Скажи мне, разве у тебя не будет такой же проблемы, если ты когда-нибудь встретишься с родителями Тристана. К слову, о неловкости, — сухо парирует Келли.

От одной мысли о Тристане и его семье мне становится грустно. Что глупо. Мы расстались всего на неделю — на самом деле даже меньше. Он возвращается домой поздно вечером в пятницу, так что технически это пять дней.

Уверена, самые долгие пять дней в моей жизни.

— Я даже не думаю, что у Тристана есть родители, — шучу я. — Может, он вылупился. Я имею в виду, кто его сотворил?

Келли смеётся.

— Он настолько идеальный образец мужского пола, что, может, он Божье творение, да? — Келли указывает пальцем вверх и восклицает. — И на восьмой день Бог создал Тристана. Как тебе такая идея?

Теперь мы обе смеёмся.

— Вы двое — милая пара, — вздыхает Келли, заставляя меня замолчать. — Я серьёзно. Я думаю, ты ему подходишь.

— Ты действительно так считаешь?

— Да, — кивает Келли. — Ему нужен был кто-то, кто помог бы ему остепениться. Сделать его менее мудаком. Кажется, ты неплохо справляешься с этим.

— О, он всё ещё мудака. Не думай, что он сильно уж изменился, — продолжаю я, потому что это правда. Леопард, действительно, не может изменить свои пятна.

— Да, но теперь он твой мудака. И это супер очаровательно.

Мы болтаем ещё полчаса, прежде чем я ухожу и возвращаюсь домой. Келли пообещала, что напишет Стивену, как только тоже вернётся домой. Я сказала ей, что позже вечером ей стоит прийти к нам, но в ответ получила какое-то неопределённое «посмотрим».

Полагаю, она уже мысленно строит планы, как проведёт ночь со Стивенем, и это хорошо. Мне нравится думать о них двоих вместе. Они заслуживают счастья.

Все заслуживают.

Через несколько минут я захожу в дом и нахожу Конрада и Фелишу, прижавшихся друг к другу на диване. Фелиша миниатюрная, с длинными тёмными волосами и такими же

тёмно-карими глазами. Она уютно устроилась на коленях у Конрада, положив голову ему на плечо, пока они смотрят фильм.

— Итак, — улыбаюсь я им. — Теперь вы двое вместе?

— Да, — Конрад поверх головы Фелиши бросает на меня взгляд, говорящий: «Убирайся отсюда к чёрту». — Так что прекрати флиртовать со мной, Алекс. Это неловко.

Фелиша смеётся, и я ухожу, потому что, чёрт возьми, что это было? Ни разу в жизни я не флиртовала с Конрадом.

Мысль о флирте с Конрадом заставляет меня думать о презервативах. В частности, огромный запас презервативов Конрада, который Келли обнаружила в его шкафу... но как?

«Что ты делала в шкафу Конрада, когда нашла его запас презервативов?»

Отправляю сообщение, стоя в коридоре у ванной. Келли отвечает немедленно.

«Целовалась со Стивеном. Просто не хотела тебе говорить. А почему ты спрашиваешь?»

«Ха! Так я и думала!»

Конрад всегда казался мне странным, и это заставило меня задуматься о его презервативах.

«Где ты?»

«Дома.»

«ТОЧНО???»

Я хмурюсь. Почему заглавными буквами?

«Не нужно кричать.»

«Ты уже в своей комнате?»

«Нет.»

Я начинаю двигаться в направлении комнаты, задаваясь вопросом, почему она спрашивает, что она может знать. Дурное предчувствие скользит по моей спине, и я распахиваю дверь, чтобы обнаружить... Тристана. Без рубашки. В моей постели.

Он улыбается.

— Я уж думал, ты никогда сюда не доберёшься. Господи, как долго Келли приседала тебе на уши в «Старбаксе»?

У меня отвисает челюсть.

— Что ты здесь делаешь? Вы это с Келли спланировали? — взвизгиваю я.

Кивнув, он поднимает руку и чешет свою заросшую челюсть. Он выглядит так чертовски хорошо, что не могу поверить, что он здесь, в моей комнате. В моей постели. В то время, когда он должен быть со своими родителями.

— Сюрприз. А теперь иди сюда, ангел. И поприветствуй меня должным образом.

Я закрываю и запираю дверь, прежде чем отправить Келли короткое сообщение.

«Подлая сучка.»

Ответ приходит, когда я забираюсь в кровать и оказываюсь в объятиях своего парня.

«А то ты не знаешь:))»

ГЛАВА 25

Тристан

— Я хочу кое-что спросить, — мы лежим в моей постели в ночь на День благодарения, обнажённые, переплетённые друг с другом. Я снова и снова провожу пальцами по волосам Александрии, отчего она практически мурлычет, словно кошка, ей это безумно нравится. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы ей было хорошо, я обязан.

Значит ли это, что я подкаблучник? Не знаю. Меня это и не волнует.

Я поменял свои планы на День благодарения, отменив встречу с родителями, хотя им было всё равно. Если честно, мне кажется, мама даже почувствовала облегчение. Это означало, что ей не нужно было готовить ужин из индейки со всеми прочими атрибутами. То, для чего она большую часть времени нанимает кого-то другого.

Я бы предпочёл провести неделю наедине с Александрией. Я бы чертовски сильно скучал по ней, пока меня не было. Значит ли и это, что я подкаблучник?

Может быть. Пофиг.

— Что? — сонно спрашивает она. Мы провели вторую половину дня в доме родителей Стивена. Да, даже меня пригласили, как только все узнали, что на этой неделе я здесь. Стивен — порядочный парень — не колеблясь пригласил меня прийти, и я, хоть и неохотно, но могу оценить этот жест. Мы хорошо провели сегодня время. Его родители были милыми, как и его младший брат Джейсон, который просто миниатюрная копия Стивена, только страшно умный. Видимо, он обречён поступить в Гарвард или Массачусетский технологический институт.

Келли и Стивен весь день вели себя как влюблённые подростки, притворяясь, что на самом деле они не вместе, но хватали друг друга за задницу всякий раз, когда думали, что никто не видит.

К несчастью для меня, я видел. Много раз. Я частенько замечал, как они хватали друг друга, когда совершенно этого не хотел. А когда вышел покурить, застукал Стивена, целующим Келли на заднем дворе, и они виновато отскочили друг от друга.

Как будто я собирался их судить. Я просто закурил, не сказав ни слова.

Да, чёрт возьми, я всё ещё курю, но только когда нервничаю, клянусь Богом. И провести день Благодарения с семьёй, которую никогда раньше не встречал, было достаточно, чтобы я занервничал. На самом деле многого и не нужно.

— В моём братстве через пару недель будет какой-то официальный приём, — морщусь, уставившись в потолок. Я никогда не был ни на одном из мероприятий для пар, которые устраивало моё братство. Я не настолько глуп, чтобы вести девушку на что-то подобное. Они сразу же начали бы предполагать, что я хочу добиться с ними чего-то большего, а это последнее, что мне было нужно.

Хотя Александрию хочу взять с собой, не то, чтобы я действительно хотел идти на эту дурацкую вечеринку с ужином, танцами и прочей ерундой. Но думаю, было бы хорошо, если она будет рядом в этот вечер. Своего рода публичное заявление о том, что она моя, хотя никто не поверит, что у меня на самом деле есть девушка. Если это вообще так.

Девушка.

Мне трудно осознать это слово.

Она сдвигается, её колено практически упирается в моё «хозяйство», и смотрит на меня в замешательстве.

— Ты состоишь в братстве? Я даже не догадывалась об этом.

Киваю.

— Я больше не тусуюсь в их доме. Я не был там уже почти год, хотя иногда заглядываю. Посещаю вечеринки, когда могу. Но обычно я слишком занят, управляя казино, или хожу на занятия, или... теперь провожу время с тобой.

— Ну так что? — она выгибает изящную бровь. — Ты просишь меня пойти с тобой?

— Да, — убираю пальцы с её волос и прикасаюсь к её щеке. — Пойдёшь? Со мной?

— Да, — она улыбается, и я наклоняюсь, целуя её всё ещё изогнутые губы. — С удовольствием. Хотя отчётливо помню, как ты говорил мне, что ни о чём не просишь. А просто берёшь.

Эх, мои слова обернулись против меня же. Каждому парню нравится подобное дерьмо.

— Отлично. Ты идёшь со мной на эту дурацкую вечеринку. Конец истории.

Александрия смеётся, прижимаясь губами к моей груди и целуя. Её губы влажные и горячие, и мой член дёргается. Она продолжает в том же духе, и мне снова хочется наброситься на неё.

Кого, чёрт возьми, я обманываю? Мне не нужен повод, чтобы снова наброситься на неё.

— Тебе необязательно надевать бальное платье или что-то в этом роде, — объясняю я. — Это просто предлог для девушек, чтобы нарядиться и выглядеть сексуально, и для всех нажраться до усрачки.

— А им нужен предлог для всего этого? — интересуется она, невинно моргая.

Усмехнувшись, снова целую её. Эти идеальные розовые губы всё ещё играют главную роль в моих ежедневных фантазиях. Что делает жизнь ещё лучше, так это то, что теперь эти губы также стали частью моей реальности. О, какие губки у моей девушки. Она может смеяться, говорить, улыбаться, целовать и сосать мой член, как никто другой.

Грубо, но честно. Словно Александрия была создана для меня. Стоит мне начать думать об этом слишком усердно, тут же начинаю сходить с ума.

Поэтому предпочитаю вообще не думать.

— Когда именно это будет? — уточняет она.

Называю ей дату, и она хватается свой телефон с прикроватной тумбочки, быстро вводя событие в свой календарь.

— Нужно будет обязательно попросить выходной в субботу.

— Вечеринка начнётся не раньше семи часов, — указываю я, зная, что она всегда заканчивает работу самое позднее в шесть, иногда раньше.

— Да, но мне нужно время, чтобы сделать причёску и, возможно, маникюр или что-то в этом роде, — объясняет она, кладя телефон обратно на тумбочку. — А ещё мне придётся выбрать наряд. И туфли.

— Ты действительно собираешься принарядиться только для меня? — поддразниваю я.

— Нет, для твоих товарищей по братству. Чтобы они увидели, насколько горяча твоя половина, — дерзко улыбается Александрия.

Я хмурюсь. Может, мне не хочется, чтобы они знали, какая она чертовски горячая. Тогда они всю ночь просто будут пускать на неё слюни. И мне, возможно, придётся надрать кому-нибудь задницу, потому что я не допущу, чтобы такое дерьмо происходило.

Господи, с каких это пор я превратился в ворчащего пещерного человека?

— Предупреждаю тебя заранее, — бурчу я, убирая её волосы с лица и заправляя непослушные пряди за ухо. — Они все придурки.

— Правда? Какой сюрприз, — сарказм очевиден.

— Я серьёзно. Они ещё хуже, чем я.

Она хлопает ресницами.

— Как такое вообще возможно?

Я отказываюсь обижаться на её слова. Это правда, и я никогда не уклонялся от того, кто я есть. Она это знает. Я придурок. Это она тоже знает. Тем не менее, как-то раздражает то, как она это говорит.

— Детка, ты злая, — сгребая её в охапку и быстро целую в губы. — Без шуток. Зачем ты пытаешься так сильно меня задеть?

— Зачем? Я задеваю твои чувства? — она хмуро смотрит на меня.

— Ну, вроде того. Вопреки распространённому мнению, у меня действительно есть чувства, — я помню, как она говорила это Келли в ту ночь, когда я неожиданно появился у неё дома и в первый раз сыграл в видеоигры с парнями. Такое ощущение, словно это было целую вечность назад. Тогда я был другим парнем. Совершенно и абсолютно другим.

И за перемены я должен поблагодарить Александрию.

— Прости, — её голос приглушён, взгляд затуманен. Она вся такая искренняя, раскаивающаяся красавица. Чтоб меня, мне очень нравится эта девушка. Наверное, больше, чем следовало бы. — Я не хотела ранить твои самые настоящие чувства.

— Хорошо, — я целую её, медленное прикосновение губ к губам. — Мои оскорблённые чувства прощают тебя.

Наши губы снова встречаются, и она вкладывает столько чувства в поцелуй, что понимаю — Александрия молча просит у меня прощения. И даю ей его в виде своих нетерпеливых губ и языка, глубоко целую её, переворачиваю так, чтобы она лежала на спине, и прижимаю к матрасу. Это всё, чем мы занимались всю неделю.

Сексом. Ещё мы ели. Смеялись. Смотрели что-нибудь вместе, может, даже фильм. Пока наши руки не начинали блуждать, а губы не встречались, как будто она магнит, а я сталь — я никак не мог устоять. Затем всё начиналось сначала.

Хорошо, что Шеп и Джейд уехали, Джейд повезла Шепу на каникулы в дом своей мамы. Поэтому мы взяли на себя их роль домашнего блаженства, трахаясь на каждой доступной поверхности, которую можно найти.

Да. Я уже готов жить сам по себе. Ещё несколько месяцев этого дерьма, и я уйду отсюда.

Александрия отработала всего несколько коротких дневных смен, но ей ещё работать завтра и в субботу, её босс полностью подготовилась к Чёрной пятнице и выходным. Нужно использовать свой шанс, когда это только возможно.

Так что сегодня вечером будет праздник траха эпических масштабов.

— Тебе не показались Стивен и Келли сегодня смешными? — спрашивает Александрия, когда я наконец прерываю наш поцелуй.

Я хмурюсь. Какого чёрта мы говорим о них сейчас? Женщины. Они любят посплетничать.

— Они были более чем нелепы. Я думал, что Стивен воспользуется своим шансом и скажет своим родителям — чёрт возьми, всем нам — что он встречается с Келли.

Александрия рассказала мне кое-какие подробности о том, что происходит между Келли и Стивеном. Не то, чтобы меня это особенно интересовало, и она это знает. Я оставлю ей все эти сплетни о взаимоотношениях.

— Знаю. Это было так странно. Я не понимаю их, — она качает головой, её волосы разметались по моей подушке.

— Уверен, нас люди тоже не понимают, — нежно целую её. Её красивые губы, изящный вздёрнутый носик, милый подбородок. Её округлые щёки, веки, когда она закрывает глаза, и, наконец, лоб. Я бы начал всё сначала и поцеловал её точно так же ещё раз, но она, вероятно, оттолкнула бы меня.

А может, и нет.

— Я думаю, это может быть аналогией наших зарождающихся отношений.

— Ты так думаешь? — осторожно спрашивает она.

— Уверен, — как они могли думать по-другому? Я поражён тем, что она хочет остаться со мной. Я поражён тем, что хочу быть рядом с ней. Не то, чтобы она не была удивительной, милой, весёлой и чертовски сексуальной, но проводить время с Александрией, как будто у нас отношения или что-то в этом роде — это противоречит моим убеждениям.

Я иду против всего, что отстаиваю. Я с лёгкостью забыл про принцип «поматросил и бросил». Это чертовски безумно.

— Ну, я понимаю нас, — тихо признаётся она. — А ты?

О, чёрт. Как ответить на её вопрос, не облажавшись?

Алекс

Я жду, когда он что-нибудь скажет, мой подбородок упирается ему в грудь, а взгляд прикован к его лицу. Он выглядит раздраемым противоречиями, словно не знает, как лучше ответить, и я мысленно готовлюсь услышать худшее.

В конце концов, это же Тристан.

Он кладёт руку мне на голову, приглаживая волосы назад, как будто гладит меня. Мне нравится, когда он так делает, мои глаза начинают закрываться, убаюканные этим ложным чувством безопасности. Словно ничего плохого не может произойти, пока Тристан вот так прикасается ко мне.

Пора бы уже привыкнуть. Большую часть своей жизни я прожила с ложным чувством безопасности. Всегда верила, что всё было просто прекрасно, когда на самом деле в течение многих лет весь мой мир был на грани краха. Пока, наконец, он действительно не рухнул, и я осталась в полном одиночестве собирать осколки.

Спасибо, больше не надо. Реальность — мой лучший друг. Так что, если Тристан скажет что-то не то, скажет, что он всё ещё не хочет ничего серьёзного, тогда лучше забыть его. Я пас. Буду двигаться дальше.

Даже если это будет больнее, чем хочу признать.

— Я принял нас, — наконец произносит он, его голос глубокий и мягкий. Он проводит рукой по моим волосам, пока те не ложатся мне на спину между лопатками. — На самом деле не должно иметь значения, что думают другие, верно?

Открыв глаза, я обнаруживаю, что он наблюдает за мной с беспокойством в ярко-синих глазах.

— Тебя беспокоит, что может подумать кто-то другой?

— Я ни о чём не беспокоюсь, — бормочет он, и я щиплю его за бок, заставляя взвизгнуть. — Господи, женщина, за что?

— Тебе не нужно тянуть своё «Я Тристан Прескотт — король этого грёбаного мира и могу делать всё, что захочу», чтобы воздействовать на меня, — делаю паузу, надеясь, что он поймёт, что мне нужно от него. — Будь со мной искренним.

Он убирает волосы с моего лба, проводит указательным пальцем по одной моей брови, затем по другой.

— Когда я с тобой, я самый настоящий, каким только могу быть.

Клянусь, на секунду моё сердце замирает. Может быть, даже две.

— Правда?

Тристан кивает.

— Но я не хочу навешивать ярлыки на то, что происходит между нами.

О. Конечно, он не хочет. То есть, я не его девушка, он не мой парень, так что мы просто... кто? Два трахающихся человека? Разве это не кульминационный момент старого анекдота?

Супер. Меня сделали посмешищем. Моя жизнь не могла стать хуже.

— Ты кажешься разочарованной.

— Потому что так и есть, — я отстраняюсь от него и сажусь в кровати, подтыкая простыню повыше, чтобы она прикрывала мою грудь. Я не в настроении быть открытой, особенно после того, что он только что сказал. — У всего есть ярлык, Тристан, нравится тебе это или нет.

— Неужели? И какой же у меня ярлык? — он тоже садится, от его большого тела отчётливо исходит разочарование. Я злюсь на него, но всё ещё могу оценить, насколько он чертовски хорош собой. Волосы торчат во все стороны, совершенно голый, белая простыня обмотана вокруг бёдер, так что видна только его великолепная грудь, а на лице — явное раздражение. Раздражение так же здорово идёт ему, ублюдку. Ему, наверное, ненавистно, что мы ведём этот разговор, когда могли бы заниматься сексом — его любимым занятием.

Моим тоже, но этот разговор должен состояться. Я не могу вечно плыть по течению. Мне нужны ответы. Доказательства.

То, что я почти боюсь узнать.

Сев прямее, всё ещё плотно укутавшись в простыню, смотрю на него, испытывая искушение наброситься и сказать что-нибудь ужасное.

— Ты красивый. Сексуальная. Богатый. Очаровательный.

Он просто сидит, не говоря ни слова.

— Но ещё ты высокомерный. Заносчивый. Бездушный, — делаю паузу, прежде чем навесить последний ярлык. — Бессердечный.

Его глаза сужаются, но в остальном он по-прежнему никак не реагирует.

— Вот так я подумала, впервые встретив тебя, — я колеблюсь и опускаю взгляд, не желая видеть весь этот гнев, вспыхнувший в его глазах. — Итак. А у меня, какие ярлыки?

Какое-то время он молчит. Так тихо, что мне, наконец, приходится поднять глаза, чтобы посмотреть, дышит ли он ещё.

— Ты действительно хочешь знать, что я подумал в ту ночь, когда впервые встретил тебя? — спрашивает он.

Я киваю, нервы заставляют меня дрожать.

Бояться.

— Красивая. Сексуальная. Язвительная. Недостигаемая.

Теперь моя очередь хранить молчание. Что я могу сказать? Он четырьмя словами точно описал меня.

— Чванливая. Великолепная. Недостигаемая, — продолжает он.

— Ты уже говорил это. Недостигаемая, — бормочу я, особо не вникая в снобистскую ссылку. Хотя я тоже назвала его бессердечным, так что... туше.

— Это был ярлык, который все вешали на тебя. Они все предостерегали меня от тебя.

Я хмурюсь.

— Кто все?

— Шеп. Джейд. Гейб. Люси. Чёрт возьми, даже Келли говорила мне оставить тебя в покое, хотя она также помогла нам сойтись. Словно она не могла удержаться.

— Судя по всему, это только заставило тебя хотеть меня ещё больше, — я отбрасываю

простыню с тела и вскакиваю с кровати, лихорадочно оглядывая комнату в поисках своей одежды. Больше не могу слушать его чушь. Чем больше он говорит, тем хуже становится. На самом деле ему на меня наплевать. Его больше волнует мысль о том, чтобы иметь меня. А это большая разница.

Как разговор может превратиться из такого удивительно хорошего в ужасающе плохой всего за две минуты?

— Что ты делаешь?

— Ищу свою одежду. Мне нужно убраться отсюда, — бормочу я, хватая свои трусики с пола. Я отчётливо помню, как Тристан медленно стягивал их с меня, его рот был повсюду, сводя меня с ума.

Теперь он сводит меня с ума другими способами, и я ненавижу это.

Он хватается меня за руку, останавливая мои поиски, и трусики, которые я сжимала, падают на пол.

— Почему? Из-за того, что я сказал?

Я пристально смотрю на него, желая, чтобы он отпустил меня. И в то же время желая, чтобы он никогда, никогда не делал этого.

— Ты со мной только потому, что думаешь, что я какой-то запретный плод или что-то в этом роде.

Тристан закатывает глаза.

— Ты действительно в это веришь?

— Я это знаю, — я пытаюсь вырваться из его хватки, но он крепче сжимает меня. — Отпусти меня.

— Нет, — он тянет меня на себя, но я сопротивляюсь. — Али, послушай меня.

— Зачем? Чтобы ты мог наговорить ещё больше красивых слов и обманом заставить меня остаться? Тебе на меня наплевать. Тебя волнует только завоевание. Желание иметь то, что не можешь. Всё это чушь собачья, — каким-то образом мне удаётся вырваться из его хватки и убежать, схватив первый предмет одежды, который вижу — одну из фланелевых рубашек Тристана, висящую на стуле. Я распахиваю дверь его спальни и бегу по коридору, резко дёргая рубашку, когда практически спотыкаюсь на лестнице.

Не знаю, куда я бегу. Я почти ничего не вижу, моё зрение затуманено дурацкими грёбаными слезами. Я в ярости. Злюсь на себя за то, что плачу.

Ещё больше злюсь на себя за переживания.

— Александрия, — как чёртов «Стелс», он подкрадывается ко мне, когда я подхожу к входной двери, хватается меня сзади и заключает в объятия. Я сопротивляюсь изо всех сил, упираясь локтями ему в грудь. Откидываюсь назад, так что моя пятка входит в прямой контакт с его голенью. — Блин, это чертовски больно, — бормочет он мне на ухо.

— Отпусти меня! — я практически кричу, колотя кулаками по его предплечьям. Ненавижу его предплечья. Они мускулистые, с гладкой золотистой кожей, слегка покрытой тёмными волосами, и толстыми запястьями. Да. Ненавижу их. Ненавижу его.

Я плачу, слёзы текут по моим щекам, и я падаю на него, признавая своё поражение. Его хватка смягчается, его рука гладит мой живот, пытаюсь успокоить меня, как будто я какое-то вышедшее из-под контроля дикое животное.

— Послушай меня, — шепчет он, убирая волосы с моего уха, его горячие губы касаются моей кожи. — Ярлыки — это чушь собачья, и ты это знаешь. Ты действительно думаешь, что я бессердечный?

Да! Хочется мне закричать, хотя это было бы ложью. Вместо этого я качаю головой, слишком подавленная, чтобы говорить.

— Возможно, поначалу я и увивался за тобой, потому что мне сказали, что не должен, но я всё ещё с тобой, потому что... — он колеблется, и в тишине, которая нас окружает, так много осталось недосказанным. Я слышу, как он дышит. Чувствую, как поднимается и опускается его грудь у моей спины. Его рука скользит по моему животу, его пальцы ласкают мою кожу, вызывая покалывание повсюду. — Ты мне не безразлична, Алекс. — его голос низкий. Грубый. Произносятся слова, которые мне отчаянно нужно услышать. — Не заставляй меня говорить что-то ещё, потому что знаю, что в конце концов всё испорчу, я просто не могу. Ещё пока нет.

Я медленно поворачиваюсь в его объятиях, поднимая лицо так, чтобы наши взгляды встретились. Он касается моих щёк, вытирает слёзы, на его лице не что иное, как ужас.

— Твои слёзы убивают меня, — хрипло шепчет он. — Не плачь из-за меня. Я этого не стою.

Я закрываю глаза, борясь с новыми слезами, которые появляются при его словах. Он не понимает, как много он для меня значит. Он того стоит. Хотела бы я, чтобы он видел, как сильно.

Не могу больше на него злиться. Просто он... такой, какой он есть. Он не лжец. А я ненавижу лжецов. Мошенников. Тристан всегда откровенен, вплоть до того, что ужасно прямолинеен.

Либо я принимаю его таким, какой он есть, либо ухожу.

— Отведи меня в постель, Тристан, — шепчу я, открывая глаза и тут же появляются новые слёзы. Он целует их, его губы задерживаются, из горла вырывается мучительный стон. Его руки сжимаются вокруг меня, и я никогда не чувствовала себя более желанной. — Пожалуйста.

ГЛАВА 26

Тристан

Я подхватываю её на руки и несусь вверх по лестнице, моё сердце колотится в груди, кровь кипит. Страх всё ещё овладевает мной из-за того, что мог её потерять. Александрия почти уже выбежала за дверь. Она, на хрен, чуть не убежала от меня в одной моей рубашке. Какого чёрта? Как я мог так сильно испортить то, что у нас есть? Всего несколькими глупыми словами?

Слова никогда не значили так много, как сейчас, между нами. Одно неверно сказанное слово может привести к тому, что всё рухнет. Я не могу позволить этому случиться. Ещё нет. Конец будет, я уверен в этом, — но не сейчас. Мне нужно держаться за неё как можно дольше.

Александрия обвивает руками мою шею, её щека покоится на моём плече. Я прижимаю её к себе, мы оба голые, если не считать моей рубашки, которую она накинула, хотя она так и не успела застегнуть её. Я вижу каждый прелестный дюйм, и я бы пристально уставился на неё, но боюсь, что споткнусь на лестнице и причиню ей боль. Она такая чертовски красивая.

Моя.

У меня сдавливают грудь, и я с трудом сглатываю, вспоминая то, что мы сказали друг другу. Я был полным придурком. Неудивительно. А Александрия была злой. Но заварил кашу я, упомянув это дерьмо с ярлыками. Она продолжила это, довольно точно охарактеризовав меня. А потом ей пришлось отступить, что привело, в свою очередь, к её

слезам.

Которые чуть не сломили меня. Последнее, что я когда-либо хотел бы видеть, — это как моя девочка плачет из-за того, что я сделал. Моё сердце разбилось, стоило мне увидеть, как эти слёзы наполняют её глаза и скатываются по щекам. Я имел в виду то, что сказал, — я не стою её слёз. Это правда.

Я также имел в виду то, что сказал, когда уверял её, что она мне небезразлична. Это тоже правда. Если бы она стала настаивать на большем, я, вероятно, сказал бы что-нибудь ужасное и испортил момент. Будет лучше, если я буду держать рот на замке.

А вместо этого показывать, как много она для меня значит.

Толкнув ногой дверь спальни, вхожу внутрь и осторожно усаживаю её на край кровати. Она смотрит на меня снизу вверх, её волосы падают на спину золотыми волнами, глаза светятся, пока она наблюдает за мной. Я касаюсь её щеки и наклоняюсь, целую. Вложив весь свой страх и беспокойство в этот единственный поцелуй. Мои губы твёрдые, язык ищущий, обеими руками я обнимаю её лицо. Она запрокидывает голову и хватает меня, тянет вниз, так что я падаю на неё сверху. Я кладу руки на матрас по обе стороны от её головы, не позволяя своим губам оторваться от её.

Нет времени медлить, нет времени для поддразнивания. Мне нужно быть внутри неё. Немедленно. Я ползу вверх по матрасу, увлекая её за собой, рукой обнимая за талию. Александрия обнимает меня за шею, губами касается моего горла и шепчет кучу глупостей, как обычно.

Я проглатываю каждое из этих бессмысленных слов. Как будто она так переполнена желанием меня, что не может говорить связно. Мне знакомо это чувство. А я люблю поговорить. Я знаю, что сказать в любой ситуации. Но с Александрией я двигаюсь по неизведанной территории и большую часть времени умудряюсь эффектно облажаться.

Отстой.

Тянусь за презервативом на прикроватном столике и встаю на колени, разрываю обёртку и надеваю. Александрия срывает с себя рубашку и растягивается передо мной, раздвигая ноги, предлагая мне взглянуть на рай, иначе известный как её идеальная киска.

Чёрт, я превратился в самого банального ублюдка на планете.

— Быстрее, — шепчет она, потирая ногу о моё бедро. — Хочу, чтобы ты был во мне.

Мои руки дрожат, когда я раскручиваю презерватив до конца. Я твёрд, как скала. Я был внутри неё меньше часа назад, и уже настолько переполнен своей потребностью, что едва могу видеть. Она впивается зубами в нижнюю губу, проводит руками по бокам, по животу, а затем обхватывает свою грудь.

О, чёрт. Чертовски возбуждает смотреть, как она трогает себя. Может, я смогу подождать, чтобы войти в неё...

— Продолжай, — прошу я её, кивая, когда она останавливается. Большие глаза встречаются с моими. — Прикоснись к себе. Я хочу посмотреть.

Она колеблется, её руки всё ещё обхватывают грудь. Я вижу крошечный проблеск, просто лёгкое прикосновение, когда она проводит большими пальцами по своим твёрдым соскам.

— Вот так? — спрашивает она дрожащим голосом.

— Именно так, — подбадриваю я.

Её руки скользят вниз, по животу, по бёдрам. Она раздвигает ноги шире, позволяя мне увидеть всё, что у неё есть, и я издаю стон, когда она кладёт руку на лобковые волосы.

— Покажи мне, что ты делаешь, когда ты совсем одна, — шепчу я, мой голос хриплый, мысли дикие.

— Я не зн...

— Пожалуйста, — перебиваю я, заставляя её нахмуриться. Чёрт, почему она хмурится? Я хочу, чтобы она была довольна. Я хочу, чтобы она была возбуждённой. Возбуждённой для меня.

Судорожное дыхание вырывается из неё, когда она скользит рукой вниз, полностью прикрывая свою киску. Александрия остаётся неподвижной, закрывает глаза, делает глубокий вдох, так что её грудь поднимается, задерживается на мгновение, прежде чем выдохнуть. Собирая всё своё мужество, чтобы подготовиться к тому, что она собирается сделать дальше.

Я жду с едва сдерживаемым предвкушением.

Медленно она сгибает пальцы, пока не остаётся только указательный палец, и начинает щупать себя. Ласкать. Она проводит пальцем вверх и вниз, по складкам, по клитору, затем снова вниз, чтобы — о, чёрт, — погрузить его в своё тело. И повторяет всё снова. И снова. Всё в той же последовательности. Ощупывает, ласкает клитор, вставляет палец, вытаскивает, затем начинает всё сначала.

Я восхищён. И не могу оторвать глаз от того места, где она трогает себя. Она нарушает очерёдность и сосредотачивается на своём клиторе, потирая его, её глаза открываются, чтобы проверить, наблюдаю ли я за ней.

Чёрт, да, ещё как наблюдаю. Я не могу остановиться.

— Ты действительно этим занимаешься, когда остаёшься одна? — любопытствую я, удивляясь, что реально могу связать слова в законченное предложение. Мой член, кажется, вот-вот взорвётся, я срываю презерватив, желая свободно погладить себя.

Её взгляд падает на мою руку члене, эти красивые глаза остекленели от вожделения.

— Иногда.

Моё воображение разыгрывается.

— Что ещё ты делаешь?

— Обещай, что не будешь смеяться? — Её взгляд всё ещё не отрывается от моей руки, поглаживающей член.

— Я бы никогда не стал смеяться над тобой, ангел. Надеюсь, ты это понимаешь. — Я сдерживаю стон, когда она облизывает губы. Я бы всё отдал, только бы этот рот был на мне.

— Иногда я использую... вибратор.

Моя рука замирает.

— У тебя он есть?

Она кивает.

— Я получила его в подарок несколько лет назад.

— И ты им пользуешься?

— Ну... да. — Её щёки розовеют.

— И тебе это нравится?

Молчаливый кивок — мой ответ.

— Он большой или это один из тех крошечных, похожих на пулю? — Никогда в жизни не использовал с девушкой вибратор. Но я пересмотрел весь сериал «Секс в большом городе», так что думаю, я довольно хорошо разбираюсь в вибраторах, фаллоимитаторах и других различных секс-игрушках. — Только не говори мне, что у тебя есть вибратор —

кролик.

— Нет! — Теперь её лицо пылает. — Не могу поверить, что мы говорим об этом.

— Детка, ты единственная девушка, с которой я хочу поговорить об этом. — И это чёртова правда. Даже не могу представить себе, чтобы я заговорил о вибраторах с кем-то ещё. Невероятно, что мы можем сделать паузу в том, что делали — и это было чертовски горячо — чтобы начать шутить о вибраторах. Мне нравится это в нас.

— Когда ты в последний раз пользовалась своим вибратором? — спрашиваю я, когда она ничего не говорит.

— Несколько недель назад, — признаётся она.

— Ты пользовалась им после того, как мы встретились?

Неохотный кивок.

— Ты использовала его и думала обо мне?

Вообще никакого ответа.

Я отпускаю свой член и протягиваю руку, чтобы положить свою руку на её, тепло её киски согревает мою кожу.

— Али, это так?

Она вздыхает.

— Хорошо. Да. Так и есть.

Ухмыляясь, я убираю её руку и заменяю своей, позволяя своим пальцам погрузиться в её тёплые, влажные глубины.

— О чём ты думала?

— О той ночи, когда ты поцеловал меня в моей комнате и Стивен прервал нас, — признаётся она. — Я представляла, что было бы, если бы Стивен не постучал тогда в мою дверь.

— О, я могу точно сказать тебе, что бы произошло. — Теперь моя очередь исследовать её складки, вставить указательный палец внутрь её тела, и затем добавить ещё один. Когда я начинаю трахать её, она стонет, её бёдра двигаются, глаза закрываются. Она такая чертовски отзывчивая.

— Расскажи мне, — шепчет она.

Алекс

Его толстые пальцы входят и выходят из моего тела, и, Боже мой, я уже близка к оргазму. Заставляя меня забыть все те дерьмовые слова, что он наговорил, и это приятно. Очень приятно.

Сейчас я могу сосредоточиться на том, как хорошо он заставляет меня чувствовать себя.

— Мы бы ещё долго целовались, — бормочет он, убирая пальцы из моего тела, чтобы изменить свою позу. Мне их сразу же не хватает, но говорю себе, что у нас вся ночь впереди. Он всегда готов подарить мне пару оргазмов.

Всегда.

Он ложится, тесно прижавшись ко мне, возвращает руку к моей киске, большим пальцем потирая клитор.

— Целоваться — это то, что у нас получается лучше всего, тебе не кажется? — поддразнивает Тристан.

И чтобы доказать свою точку зрения, он захватывает мой рот в страстном поцелуе с языком, который заканчивается слишком быстро. Но, по крайней мере, он продолжает говорить.

— Я бы медленно снял с тебя одежду и обнаружил, что на тебе самое сексуальное нижнее бельё, которое когда-либо видел. После того, как я взял бы себя в руки, я бы погладил тебя везде, сделал бы тебя готовой и влажной для меня.

Я становлюсь ещё влажнее, просто слыша, как он это говорит.

— Я бы засасывал твои соски глубоко в рот всё время, пока ласкал твою киску, а ты бы извивалась и умоляла о большем.

Я начинаю извиваться, когда он засасывает один из моих сосков в рот. Его слова, его действия возбуждают меня. И делают мокрой. Его большой палец легко скользит по моему клитору, и сладкая, знакомая боль начинает нарастать. Я зарываюсь руками в его волосы, прижимая Тристана к себе.

— Ты бы в первый раз запустила пальцы в мои волосы, потому что я заметил, ты часто это делаешь. Как и дёргаешь за них, — замечает он, его рот движется по моей груди, горячее дыхание обдувает чувствительный сосок. — Но я не возражаю. На самом деле, мне это даже нравится.

Забавы ради дёргаю его за волосы.

— Я, наверное, набросился бы на тебя. И обнаружил, что у тебя самая сладкая киска в мире. Ничего не было бы вкуснее.

— Умоляю, — саркастически бормочу я, потому что ничего не могу с собой поделать. Он, должно быть, шутит.

— Я серьёзно. — Он скользит пальцами между моих ног, касаясь каждого чувствительного дюйма, затем подносит их ко рту и глубоко всасывает. — Чертовски вкусно, — говорит он, вытаскивая пальцы.

Прерывистое дыхание покидает меня, когда вижу, как его губы блестят от моих соков. О, а потом он их облизывает. У меня внутри всё трепещет. Может, некоторым девушкам противны такие вещи, но не мне. Всё, что делает Тристан, меня заводит.

— Что дальше? — поощряю я его.

Он улыбается.

— Ну, так как я мужчина, то каким-то образом заполучил бы эти идеальные розовые губы на моём члене, и тебе бы это понравилось.

Я улыбаюсь в ответ.

— Мне действительно нравится сосать твой член.

Его улыбка исчезает, сменяясь тёмным, голодным взглядом, который заставляет моё тело напрягаться в предвкушении. Он выглядит так, будто хочет наброситься на меня.

— Женщина, ты не можешь говорить мне такие вещи, не ожидая реакции.

— Какой реакции? — невинно спрашиваю я.

— Дай мне ещё один презерватив, и увидишь.

Я хватаю один из множества презервативов, разбросанных на его прикроватной тумбочке, и отдаю ему, зачарованно наблюдая, как он встаёт на колени и надевает его. Мне нравится смотреть, как он это делает. Его брови сосредоточенно нахмурились, губа зажата между зубами, пальцы скользят по головке члена, отчего тот раскачивается. Он надевает презерватив и, как всегда, хорошенько натягивает его, погладив себя один раз. Ещё раз. И порядок. Он готов.

Это самая горячая вещь на свете.

— Ты готова к большому Ч? — спрашивает он, как только презерватив надёжно сидит. Он снова ухмыляется, выражение его лица такое очаровательное, несмотря на то, что он

только что сказал. Уверена, он ждёт, что я скажу что-нибудь столь же нелепое.

Я сажусь и двигаюсь к нему, его ухмылка сползает, когда он падает на свою идеальную задницу, а я забираюсь к нему на колени. Его член поднимается между нами, я хватаю его за плечи, обхватываю ногами талию и идеально располагаюсь, чтобы опуститься на него.

— Я всегда хочу большой Ч, — улыбаюсь я и опускаюсь на его толстый член, обхватывая его дюйм за дюймом, моё тело поддаётся его вторжению, пока Тристан не оказывается глубоко во мне.

Он большой. Пульсирующий. Наполняющий меня.

— Чёрт, Али. — Он наклоняется вперёд, прижимаясь своим лбом к моему. Я шевелю бёдрами, и он морщится. Я хочу снова приподняться, но Тристан упирается руками мне в бёдра, удерживая меня на месте. — Просто... не двигайся.

— Но разве не в этом смысл секса? — Я снова ёрзаю, чувствую, как он входит ещё глубже, и мы оба стонем в унисон.

— Если ты будешь продолжать в том же духе, я кончу, и быстро. — Он громко выдыхает, в его голосе звучит пытка. — Это последнее, чего я хочу.

Как и я. Я хочу, чтобы это продолжалось, а не закончилось, не успев начаться.

— Не торопись, детка, — умоляет он, и я подчиняюсь, позволяя ему вести, его руки всё ещё на моих бёдрах, когда я приподнимаюсь и опускаюсь. Движение наших соединённых тел ощущается так невероятно хорошо, что я едва могу это вынести. Закрываю глаза, растворяясь в ощущении его члена, проникающего глубоко в моё тело.

Словно я полностью принадлежу ему. Я одержима всем в Тристане. Его большое тело окружает меня, его руки на моих бёдрах, мои ноги обвиваются вокруг него, наши тела так близко, что мы дышим одним воздухом. Я опускаю взгляд, мои волосы падают вперёд, когда я смотрю, как его член исчезает внутри моего тела, а затем появляется снова, толстый, длинный и скользкий от моих соков.

Клянусь, у меня только что был мини-оргазм.

— Ты ощущаешься чертовски хорошо, — шепчет он как раз перед тем, как его рот оказывается на моём. Поцелуй порочный. Неистовый. Ошеломительный. Языки и губы, стоны и шёпот, наши тела становятся скользкими от пота, напряжение в моём животе нарастает.

Он прерывает поцелуй, чтобы осыпать ещё несколькими мою челюсть, вниз по шее. Мягкие, сосущие поцелуи с участием его языка. Зубов. Я крепче прижимаю его к себе, жёстко оседлав его, Тристан хватается за задницу и держит неподвижно, продолжая толкаться во мне. Попадая во все нужные места, в частности, в одно, которое заставляет меня прижимать его ещё ближе, мой рот на его плече. Он открывается в беззвучном крике, пока Тристан врезается в меня, и я разваливаюсь на части, мой живот дрожит, мои внутренние стенки сжимаются, когда я кончаю. С моих губ срывается его имя и другие неразборчивые слова, что я, кажется, всегда говорю, когда меня переполняют чувства. Или кончаю.

А потом он тоже кончает, прямо за мной, его тело дрожит, мышцы напрягаются как раз перед тем, как ослабнуть. Крик покидает его, и он крепко сжимает меня, его член глубоко, его хватка крепкая, собственническая.

Это похоже на заявление.

Парень, который не хочет навешивать на нас ярлыки, который полон решимости разрушить то, что у нас есть, прежде чем оно естественным образом развалится, претендует

на меня. Владеет мной. Его рот на моей коже, член в моём теле, его руки повсюду, требующие моей капитуляции.

И я капитулирую.

Охотно.

ГЛАВА 27

Алекс

— Ты возишься слишком долго, — ворчу я, глядя на своё отражение в зеркале. Мои волосы всё ещё не уложены, а время на исходе. — Поторопись.

— Боже мой, успокойся. Ты такая придирчивая, — бормочет Келли, проводя щипцами для завивки только по кончикам моих волос. После просмотра журналов мод в течение последних двадцати минут, пока Келли сушила мои волосы — она всегда покупает журналы, поэтому я попросила её принести последние купленные — и я нашла причёску, которую хотела на сегодняшний вечер.

Теперь посмотрим, сможет ли Келли воспроизвести её.

— Твоё платье поставит Тристана на колени, — ухмыляется она, выпуская прядь волос, которые падают в самый идеальный завиток из когда-либо существовавших. Такое облегчение, что она оправдывает ожидания. — Оно милое и сексуальное одновременно.

Я выдыхаю, мой взгляд всё ещё прикован к моему отражению.

— Не слишком ли сильно я накрасилась? Кажется, я переборщила с подводкой для глаз. — Я уже приноровилась рисовать «кошачий глаз», но не слишком ли это?

— Не смей ничего менять, — угрожает Келли, размахивая щипцами для завивки перед моим отражением. — Ты выглядишь потрясающе.

Выпрямившись, провожу рукой по переду платья, сжимая губы вместе.

— Платье слишком короткое.

— Сексуальное.

— Кто-нибудь может увидеть мои трусики.

— Тогда не надевай их.

— Келли. — Мой взгляд встречается с её в зеркале.

Она пожимает плечами, продолжая завивать.

— Что? Тристану бы это понравилось.

— Одно неверное движение, и каждому парню на вечеринке это понравится. — Я кладу руку на живот, желая, чтобы мои нервы успокоились. Я до смерти боюсь идти на эту вечеринку сегодня вечером. Я была взволнована с тех пор, как Тристан попросил меня — мне казалось, что его просьба что-то значит, понимаете? Как будто он хочет показать меня своим друзьям, показать, что я с ним. Но как только пришло осознание, и дата приближалась всё ближе и ближе, я начала бояться идти.

Что, если я придаю этому слишком большое значение? Это может не быть чем-то особенным. Тристан — неоспоримый король повседневных вещей. И хотя он был внимательным и милым, и за последние несколько недель мы провели много времени вместе, все может рухнуть из-за одного неверного шага.

К тому же, я мучилась из-за того, что надеть, что очень глупо. Платье, которое я, наконец, выбрала, два года. И если на вечере будет богатая девушка, которая следит за модой, она поймёт это в одно мгновение. Мне должно быть всё равно, но прежняя Алекс съёживается при мысли о том, чтобы носить что-то настолько вышедшее из моды.

Хотя на самом деле это совсем не вышло из моды. Просто во мне заговорила прежняя

Алекс. Платье из мягкого чёрного бархата, с короткими рукавами — колпачками, высоким закруглённым воротником и расклешённой юбкой — юбкой, которая заканчивается высоко на бёдрах, — демонстрируя почти всю длину ног.

Наверное, слишком много ног, но к чёрту всё это. Тристан снова и снова повторял мне, что мои ноги — его любимая часть тела. Пусть они будут выставлены напоказ, пока это возможно, даже если на улице тридцать пять градусов (Прим. пер.: 1,6 градусов Цельсия), необычайно холодно для калифорнийского побережья.

Келли подходит ко мне сзади, всё ещё завивая мои волосы.

— Стивен приглашает меня куда-нибудь сегодня вечером.

— Да? — Сосредотачиваюсь на подруге, устав беспокоиться о проблемах с нарядом. Сосредотачиваюсь на том, что могу контролировать. Так проще.

— Да. Мы собираемся купить рождественские подарки.

Всё равно продолжаю сходить с ума.

— Звучит серьёзно.

— Не совсем. Ему просто нужна помощь в выборе подарков для его семьи, и я сказала ему, что выбираю самые лучшие подарки на свете. Мне понятно, когда меня используют. — Я смеюсь, и она продолжает. — Кто я такая, чтобы отказываться от свидания-забега по магазинам? Это будет весело. Плюс, может, я смогу намекнуть, что я хочу на Рождество.

— А ты ему что-нибудь подаришь? — интересуюсь я.

— Хочу, но не уверена, что именно. Его любимая игра — «Легенда о Зельде». Там есть статуэтка, которую он хотел с детства, но она такая дорогая. Я видела одну на eBay, она стоит более семисот баксов! — Келли качает головой.

— Бред какой-то, — соглашаюсь я, думая, как мило, что она ищет варианты.

— А ты? Ты готовишь что-нибудь Тристану?

Вздыхаю.

— Не знаю. Не хочу раздувать из мухи слона по поводу праздника.

— На этот раз он поедет домой?

— Да. Он даже попросил меня поехать с ним.

Келли кладёт щипцы для завивки на стойку и поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Правда? Это очень круто!

— Думаешь? — Я не уверена. Его так трудно понять, и он сделал это предложение так небрежно. Я рассмеялась, как будто он шутил, но выражение его лица было серьёзным, а слова тщательно подобраны. «Я хочу, чтобы ты поехала со мной, — сказал он. — Мне не нравится мысль, что ты будешь в полном одиночестве во время каникул».

Я призналась ему, что останусь здесь на месячные каникулы, и он не мог в это поверить. Никто не может поверить, когда я говорю это, и я была близка к тому, чтобы признаться в своей жалкой истории бесчисленное количество раз.

Но никогда не могу заставить себя сделать это.

Часть моей проблемы в том, что я никогда не чувствую, что нахожусь на твёрдой почве с Тристаном. Он по-прежнему спокойно плывёт по течению, притворяясь, что наши отношения не являются чем-то серьёзным и волнующим. Потому что это так. В ту ночь, когда у нас был разговор, спор, как угодно, произошёл сдвиг. Однако назвать то спором — это слишком натянуто. Больше похоже на то, что у нас обоих случился небольшой припадок.

Наверное, не стоит пытаться навесить ярлык на то, что произошло, верно?

Всё, что я знаю, это то, что чувствую себя ближе к нему. Чувствует ли он то же самое? Я всё время ловлю на себе его пристальный, такой влюблённый взгляд. Но он быстро прячет его — маска, которую он так хорошо умеет носить, скользит на место, как только он понимает, что я наблюдаю за ним, но я видела этот взгляд. И я его узнаю.

Я чувствую то же самое, что и он.

Томление от любви.

Мой телефон жужжит, вибрируя на кафельной стойке, я хватаю его и вижу на экране текстовое сообщение от Тристана.

«Ты готова? Я уже выхожу из дома.»

— Тристан уже вышел из дома, — сообщаю я Келли, посылая Тристану быстрый ответ, прежде чем положить телефон на стойку. — Поторопись.

— Ты властная избалованная девчонка, — бормочет Келли, быстро проводя щипцами для завивки по моим волосам. — Вот так. Как тебе? — Она пальцами расчёсывает локоны, распуская их, чтобы они выглядели естественно.

— Идеально. Мне нравится. Спасибо. — Я поворачиваюсь к ней лицом и улыбаюсь. — Осталось надеть туфли.

Я выхожу из ванной и иду в свою комнату, сажусь на край кровати, чтобы надеть классические чёрные туфли на каблуках от Лабутена. Келли входит в комнату секундой позже, её взгляд падает на мои ноги.

— Как ты можешь позволить себе такую обувь? Они стоят, как арендная плата за два месяца. — Она бросает многозначительный взгляд на мои ноги. — Я бы узнала эти красные подошвы где угодно.

Открываю рот, и слова просто вылетают из меня.

— Я росла богатой девочкой. В старших классах у меня было всё, о чём только можно мечтать. Пока моих родителей не арестовали — они присвоили деньги своих клиентов. Теперь они в тюрьме. — Сжимаю губы, ошеломлённая тем, что так много выдала.

У Келли отвисает челюсть, глаза расширяются.

— Ты... ты это серьёзно?

— Да. Всё так и есть. — Киваю и надеваю другую туфлю, затем встаю. Я возвышаюсь над Келли, а она среднего роста, так что чувствую себя женщиной-амазонкой. — Но, пожалуйста, никому не говори.

— Не скажу, — сразу же откликается она, и я знаю, что могу ей доверять. — Твои родители оба в тюрьме? Вот почему ты остаёшься здесь во время перерыва в учебе?

— Больше мне некуда идти. — Пожимаю плечами.

— Ух ты, ничего себе, — бормочет она почти про себя. — А ты говорила уже об этом Тристану?

Вот тут-то всё и становится щекотливым. Не хочу, чтобы она злилась на меня за то, что скрываю это от него. Схватив маленькую вечернюю сумочку от Шанель, которую я успела урвать из маминой коллекции, прежде чем нас выгнали из дома, бросаю в неё свой телефон и захлопываю.

— Как-то про это речь ещё не заходила, — признаюсь, потупив взгляд.

— Хм, — слышится в ответ. Я поворачиваюсь к ней лицом. Она смотрит на меня так, словно я окончательно спятила. — Допустим. Я имею в виду, конечно, ты же не можешь так небрежно, мимоходом, просто сбросить бомбу, что твои родители сидят в долбаной тюрьме. — Её слова буквально сочатся сарказмом.

— Прости. — Подхожу к ней и быстро обнимаю. Не хочу, чтобы она испортила моё платье, причёску, макияж, ничего из этого. — Понимаю, что выдала тебе это так, словно ничего особенного, и, уверена, у тебя ко мне много вопросов. Я могу ответить на них завтра. Или в следующие несколько дней. — Психическая нагрузка внезапно становится легче, и отчасти я рада, что поделилась этим с Келли. Теперь, если я только наберусь смелости рассказать Тристану о своём прошлом и покончу с этим...

— У тебя были секреты, Александрия Ашер. — Она мягко улыбается и грозит мне пальцем. — Я надеюсь на полное объяснение в самое ближайшее время.

— И я его тебе дам. Обещаю. — Я целую её в щёку, оставляя на коже след розовой помады. Вытираю его большим пальцем. — Спасибо. За всё. — За то, что помогла мне. За то, что приняла меня, ничего не ожидая взамен.

Этого я ей сказать не могу, независимо от того, насколько сильно слова готовы сорваться с кончика моего языка. Она бы подумала, что я странная. Но она — первый человек, который так легко принял меня и никогда ничего не ждала взамен в качестве какой-то расплаты. Мои старые так называемые друзья использовали меня для собственной выгоды. Во всём этом не было ничего настоящего или искреннего.

Но Джейд и Люси, Шеп и Гейб, милый Стивен и надоедливый Конрад, никогда не появляющийся Джефф и даже Фелиша — все они стали моими друзьями. Настоящими друзьями, которые хотят проводить со мной время, а не пытаться чего-то добиться, будучи моими друзьями. Они втянули меня в свой круг, и мы создали новые связи, все вращающиеся вокруг меня.

И, конечно же, ещё есть Тристан. Парень, в которого я влюблена.

Парень, которого люблю.

Не то, чтобы я ему говорила об этом. Я не сумасшедшая. Стоит мне произнести слово на букву «Л», и он испугается. Нужно быть осторожной. Осмотрительной.

Очень внимательной...

— Алекс! — Кричит внезапно Конрад, и я понимаю, что это сигнал — мне пора идти. Чтобы встретиться лицом к лицу с моим парнем, позволить ему взять меня за руку и отвести к своей машине, в которой он увезёт меня на весёлую праздничную вечеринку, где сможет похвастаться мной, а я им, уверенная в том, что он принадлежит мне. Сегодня ничто не помешает мне.

Я полна решимости хорошо провести время.

Тристан

При первом взгляде на неё у меня пересыхает во рту. Чёрт возьми, я думал, что Александрия была чертовски сексуальна в костюме ангела, когда впервые встретил её на вечеринке в честь Хэллоуина.

Но девушка, стоящая передо мной сегодня вечером, в чёрном платье с самой короткой юбкой, которую когда-либо видел, и на самых высоких чёрных каблуках, которые больше похожи на орудия пыток, я знаю, что никогда не видел её более сексапильной.

Или красивой.

Её робкая улыбка показывает, что она нервничает. Я упиваюсь её лицом — искусно нанесённой косметикой, которая только подчёркивает её черты, волосами, ниспадающими сексуальными волнами вокруг лица и ниже плеч. Взяв её за руку и притянув к себе, целую в щёку и шепчу:

— Ты пытаешься убить меня?

Она отстраняется от меня, её улыбка становится шире. Хотя в ней всё ещё чувствуется нервозность.

— Тебе нравится?

— Чертовски нравится, — заявляю я с энтузиазмом. — Надеюсь, я привёл себя в порядок так же хорошо, как и ты.

— Ты выглядишь потрясающе. — Она отступает назад, чтобы осмотреть меня во весь рост. Я развожу руки в стороны. На мне чёрные брюки и серебристо-серая рубашка на пуговицах, но без галстука. Чёртов галстук — мой предел. — Ты выглядишь великолепно.

Я тянусь к ней и обнимаю за талию, готовый целовать с неё всю эту тёмно-розовую помаду...

— Вы двое чертовски отвратительны, — кричит Конрад из гостиной, отчего мы оба смеёмся, тем самым ослабляя внезапное напряжение. Я нервничаю из-за того, что иду на эту дурацкую вечеринку, хотя и не знаю, почему. Кажется, Александрия тоже нервничает.

— Готова? — тихо спрашиваю я.

Она кивает, я беру её за руку и веду из дома к машине. Холодный воздух впивается в мою обнажённую кожу, заставляя дрожать, и я толкаю её хорошенькую попку по тротуару, практически запихивая Александрию на пассажирское сиденье, прежде чем обхожу машину и забираюсь на водительское.

— Холодно, — говорит она, когда я завожу машину, затем наклоняюсь, чтобы включить обогрев.

— Включи обогрев сидений, — напоминаю я ей, и она делает это, затем протягивает руку и включает также и моё.

Эта девушка всегда заботится обо мне. Присматривает за мной. Кто знал о такой выгоде в отношениях? Наверное, мне стоило догадаться. Для большинства это естественное предположение. Но отношения, которые я наблюдал в детстве, были больше похожи на отношения двух людей, живущих бок о бок, а не друг с другом. Мои родители просто выполняли все формальности. Никогда не видел между ними ни капли привязанности. Вообще никогда.

Но каждая мелочь, которую Александрия делает для меня, будь то принести для меня стакан воды или укрыть одеялом, когда я жалуясь, что мне холодно, — это потому, что ей не всё равно.

Она заботится обо мне.

Мои родители заботятся, потому что они должны — это их обязанность. Моя семья и друзья едва терпят меня. Я это хорошо знал, поэтому намеренно сводил их с ума, практически бросал им вызов оставаться рядом, несмотря на то, что я заноза в заднице.

Но не Александрия. Она заботится обо мне, потому что хочет этого, потому что по какой-то безумной причине я ей нравлюсь. Хочет проводить со мной время, заботиться обо мне, целовать меня, обнимать и позволять мне прикасаться к ней, когда мне этого захочется. Она показала мне настоящую дружбу и настоящую близость, то, чего как я думал, не может существовать, особенно когда вы в паре.

С моим ангелом у меня есть и то, и другое. Я счастливый человек.

Так почему же мне всегда кажется, что я на грани того, чтобы сказать или сделать что-то не то и разрушить то, что у нас есть?

Качая головой, я говорю себе сосредоточиться на здесь и сейчас. Она у меня в машине, она моя пара на этой дурацкой праздничной вечеринке, и мы собираемся хорошо провести

время, чёрт возьми.

Александрия рассказывает о своём рабочем дне, пока я везу нас в отель, где проходит вечеринка. Она хотела взять выходной, но её босс попросила прийти на несколько часов утром, так как со всей этой праздничной суетой в магазине было дел невпроворот. Будучи милой девушкой, Алекс вышла на работу.

Я не очень внимательно слушаю, что она говорит. Скорее, я просто наслаждаюсь мелодичным звуком её голоса. Временами он тихий, но поднимается выше, когда она возбуждена, немного ниже, когда она раздражена. Она рассказывает о раздражающих покупателях, милых старушках и множестве случайных покупателей, заглянувших в их магазинчик в поисках идеального рождественского подарка.

— Ты не слишком устала? — интересуюсь, как только она заканчивает рассказывать свою историю. — Мы можем уйти пораньше, если хочешь. — Я не против, особенно, учитывая, во что она одета. Я хочу поскорее вернуть её домой и уложить в свою постель. Или, может, сначала прижму её к стене и проведу руками по её ногам, под юбкой, узнаю точно, что на ней надето под...

— Нет, со мной всё будет в порядке. — Я бросаю взгляд в её сторону и вижу, что она улыбается мне. — Я нервничаю, но мне не терпится пойти.

— Шеп и Гейб будут там. — Слава Богу.

— Знаю. Джейд написала мне раньше, спрашивая, в чём я пойду.

— Ты сказала ей, что это что-то неприличное? — поднимаю я брови.

Александрия смеётся.

— На мне нет ничего неприличного. Юбка немного коротковата, но не так уж криминально.

— Криминально. Но я фанат коротких юбок. — Протягиваю руку и кладу ладонь на её обнажённое бедро. Её кожа холодна, и она вздрагивает от моего первого прикосновения. — Детка, ты словно ледышка. — Я провожу рукой вверх и вниз по её ноге, обхватывая пальцами внутреннюю поверхность бедра. — Тебе нужно согреться.

— На улице холодно. — Она кладёт свою руку на мою, останавливая продвижение. — Ты пытаешься выяснить, есть ли на мне трусики?

От этого вопроса мой член оживает.

— А они есть? — Я надеюсь на это, потому что её платье чертовски короткое. Ей не нужно демонстрировать свои прелести никакому другому парню на вечеринке. Я единственный, кому позволено видеть их.

С другой стороны, может быть, и хорошо, что на ней ничего нет, потому что, чёрт возьми, это сведёт меня с ума, застрявшего на вечеринке на следующие пару часов. Ведущего светские беседы, всё время зная, что моя девочка ходит по комнате без трусиков.

Дерьмо. Я на самом деле покрываюсь испариной, размышляя о возможностях. Протяну руку, выключаю обогрев сидений, затем полностью выключаю обогрев.

— Келли советовала не надевать.

Чёртова Келли. Я хочу и задушить, и поблагодарить её за это предложение.

— Ты последовала ее совету?

— Нет, — тихо признаётся она. — Ты видел, какое короткое это платье? Это просто смешно.

Я усмехаюсь и неохотно убираю руку с её бедра.

— Говорит девушка, которая утверждала, что её юбка не так уж сильно и коротка.

— Ладно, она очень короткая. Но прикрывает всё, что надо. По крайней мере, я не свечу своими сиськами. Не то, чтобы у меня было чем блеснуть.

— Они идеальны. — Она идеальна. Я бросаю на неё ещё один взгляд и вижу, что она смотрит на свою грудь, разглаживает перед платья, ёрзает на кресле. В постоянном движении, как будто она серьёзно взволнована. — Перестань дёргаться. Ты всем понравишься.

Может, даже слишком. Они будут коситься на неё и говорить что-то неуместное, что выведет меня из себя. Я готов выслушать много дерьмовых разговоров. За эти годы я внёс хорошую лепту. Ничего так не нравилось, как причинять своему собрату по братству бесконечную боль за то, что он связал себя с одной девушкой. Никогда не мог себе представить, что захочу сделать то же самое.

Что ж, всё меняется. Люди меняются. И хотя я не могу классифицировать то, что у нас с Александрией — я не готов дать этому определение, чёрт возьми, — я знаю, что никуда не уйду. Она мне нравится. Я забочусь о ней.

Возможно, я даже мог бы влюбиться в неё.

Что бы это ни значило.

ГЛАВА 28

Тристан

— Ты не танцуешь?

Я пристально смотрю на Александрию. Музыка громкая, и девушке приходится кричать, чтобы её слышали. Мы единственные, кто стоит за одним из этих высоких коктейльных столиков, маленький стеклянный подсвечник со свечой, стоящий посередине, бросает свой мерцающий свет на её лицо. Сегодня её глаза кажутся шире, наверное, из-за макияжа. Всё в ней ярче, интенсивнее, заметнее.

Её красивое лицо. Её очаровательная улыбка. Её заразительный смех. Это сексуальное тело и длинные ноги, которые убивают меня каждый раз, стоит мне только посмотреть на них. Теперь она хочет танцевать. Я вижу это в её глазах. Слышу это в её голосе.

Я, чёрт возьми, не танцую. Никогда не танцевал. Когда меня выбрали королём выпускного бала в последнем классе, я был вынужден танцевать, но это продолжалось всего две минуты, а потом я ушёл. И тот танец был медленным. Я могу шаркать ногами, держась за девушку, и не унижаться. Но быстрые танцы? Ни за что.

Шеп выставляет себя полным идиотом, но кто бы сомневался? Этому парню просто на всё наплевать. Никогда в жизни не видел, чтобы кто-то вёл себя более нелепо, но каким-то образом ему всегда удаётся выглядеть круто. Шеп нравится всем. Он душа вечеринки. Остальным из нас просто повезло, что нас пригласили.

— Тебе стоит попросить Шепу потанцевать с тобой, — увиливаю я, наклоняясь и целуя её в нежную щёчку. — Он согласится. — Шеп и Гейб — единственные, кому я позволил бы танцевать со своей девушкой. Другие придурки рискнули бы остаться с оторванными руками.

— Я не хочу танцевать с Шепом, — тихо говорит она, её большие глаза умоляют. — Я хочу танцевать с тобой.

Вздыхнув, осматриваю танцпол и хмурюсь, когда замечаю Гейба и Люси тоже там. Люси умеет двигаться. Я не удивлён. Гейб выглядит неловко, размахивая руками и локтями, и я едва сдерживаю смех, готовый из меня вырваться.

— Я никогда не был хорошим танцором, — признаюсь я, допивая колу. Сегодня

вечером я остаюсь трезвым, так как на мне ответственность за то, чтобы доставить нас домой. Шеп и Гейб оба забронировали номера в отеле, где проходит вечеринка, и мне жаль, что не сделал то же самое. Когда они предложили это, идея показалась мне глупой. Почему, сам не знаю.

— Может, потому что, когда дело доходит до отношений, половину времени я понятия не имею, что делаю.

— Как насчёт медленной песни? — спрашивает она с надеждой в голосе. Мне так не хочется её подводить. Последнее, что я когда-либо хотел бы сделать, это сокрушить её дух. Всё, о чём она просит, — это немного потанцевать. Я могу с этим справиться, верно?

— Может быть, — сдаюсь я, и улыбка на её лице стоит того, чтобы я уступил. — Тебе весело?

— Да. Даже больше, чем я предполагала.

Как и мне. Учитывая, что я почти не появлялся в течение последнего года, никто не обращает на меня внимания, что меня вполне устраивает. Я представил всем Александрию, и ни один парень не сделал грубого замечания. Ни одного.

Ну, Шеп сделал, но это потому, что он придурок. Он действительно хотел подначить меня или Александрию. Но никто не дал ему той реакции, которую он искал, поэтому он отступил. Ну, это и Джейд заставили его остановиться, прежде чем он зашёл слишком далеко.

Слава Богу.

— Хочешь поскорее уйти? — предлагаю я, надеясь, что она скажет «да».

Она обнимает меня и кладёт голову на моё плечо.

— После нашего танца я согласна уйти.

Вздыхнув, поворачиваю голову и целую её в висок.

— Только один медленный танец, хорошо? А потом мы уходим. Я хочу отвезти тебя домой и побыть наедине.

— Договорились, — её голос такой же мягкий, как и улыбка, и я протягиваю руку, чтобы прикоснуться к ней, провожу большим пальцем по её нижней губе. Не могу не прикасаться к ней: она стала зависимостью, от которой я не хочу избавляться.

Песня заканчивается. Начинается медленный танец, и Александрия хватается за мою руку, вытаскивая на танцпол. Я притягиваю её в свои объятия, и она обнимает меня за шею, откидываясь назад, чтобы улыбнуться мне. Она выглядит такой хорошенькой, такой довольной собой, что убедила меня выйти с ней на танцпол. Это не что иное, как чудо, так что ей лучше наслаждаться этим, пока может.

Я кружу её, заставляя задыхаться и смеяться одновременно, и когда мы дефилируем мимо раскачивающихся Шепа и Джейда, он смотрит на меня так, словно у меня выросло две головы.

— Ты отличный танцор, — уверяет Александрия, затаив дыхание, когда мы замедляемся, её руки сжимаются вокруг моей шеи. — Ты видел, как Шеп посмотрел на тебя?

— Он не может поверить, что я танцую, — заявляю я ей.

— Значит, ты делаешь это только ради меня, — бормочет она, её глаза светятся счастьем.

Я останавливаюсь и прижимаю её к себе в центре танцпола. Мне всё равно, кто за нами наблюдает.

— Я многое делаю только ради тебя.

Она улыбается. Я наклоняю голову, собираюсь поцеловать её, когда кто-то хлопает меня по плечу.

Практически рыча, поворачиваюсь и вижу, что передо мной стоит мой старый знакомый Марк. На первом курсе мы вместе вступили в это братство. Раньше мы часто тусовались с ним, хотя в конце концов отдалились друг от друга. Трудно завязать дружбу, когда всё, что у вас есть общего, это то, что вы оба любите пить пиво.

— Привет, Марк...

— Алекс Макинтош? Святое дерьмо, это действительно ты? — Марк даже не смотрит на меня. Он улыбается Александрии, как будто только что увидел давно потерянного друга.

Она моргает, глядя на него, паника пробегает по её лицу, улыбка дрожит.

— Э-э...

— Только не говори, что не помнишь меня, потому что я прямо в твоё чертовски красивое лицо тут же назову тебя лгуньей, — Марк тянется к моей девушке, заключая её в медвежьи объятия, положив руки ей на спину, слишком близко к её заднице для моего комфорта. — Я не видел тебя со средней школы! Чёрт возьми, девочка, ты повзрослела.

Он отпускает её, прежде чем мне приходится встать между ними, счастливый ублюдок. Марк пристально смотрит на неё, но взгляд Александрии продолжает устремляться ко мне, как будто она хочет, чтобы я что-то сказал. Я даже не знаю, что и думать. Я всё ещё в ступоре из-за её фамилии. Мне она говорила, что её фамилия Ашер. Но Марк назвал её Макинтош.

Какого чёрта?

— Вы двое знаете друг друга? — интересуюсь я.

Александрия бросает на меня умоляющий взгляд.

— Мы вместе учились в средней школе.

— О, конечно, скажи это Прескотту так, словно мы просто знакомые. Как будто мы едва знаем друг друга. Мы встречались, когда я был старшеклассником, а она была в младшей школе, на протяжении... как долго? Весь футбольный сезон? — ухмылка на лице Марка говорит сама за себя. — Веселились за трибунами и всё такое. Ты знаешь, как это бывает — и засранец на самом деле подмигивает мне.

Ага. Знаю я. Он трахал её. А теперь Марк думает, что мы члены одного клуба или что-то в этом роде.

— Ничего серьёзного, — протестует она, как будто это должно как-то улучшить ситуацию.

— А когда это бывает серьёзно, Алекс? Помню, у тебя тогда было много парней, — Марк ржёт, словно рассказал весёлую шутку.

Я сжимаю руки в кулаки. Чёрт возьми, мне хочется изуродовать его грёбаное лицо.

— Нам уже пора... — начинает Александрия, поворачиваясь ко мне, когда Марк снова подаёт голос.

— Кстати, как поживают твои родители? Я слышал, что у них было много неприятностей из-за выдвинутых против них обвинений и всего остального.

Я замираю совершенно неподвижно. Обвинения? Против её родителей?

— Погоди минутку, — Марк щёлкает пальцами, затем указывает одним на Александрию. — Их же признали виновными, верно? И приговорили к тюремному заключению. — он качает головой, его голос полон насмешливого сочувствия. — Полный отстой.

Александрия дрожит, когда делает шаг ближе ко мне.

— Уведи меня отсюда, — шепчет она. — Пожалуйста.

— Что, воссоединение с бывшим не доставляет удовольствия? — спрашиваю я резким голосом. Таким резким, что она вздрагивает, как будто я физически порезал её.

Проклятье, ничего не могу с этим поделать. Этот придурок Марк, похоже, знает о ней больше, чем когда-либо узнаю я, и он занимался с ней сексом. Я знаю, что он это делал, ублюдочный урод. Если бы мне могло сойти с рук избиение его рожи, я бы так и сделал.

Это делает меня ревнивым придурком? Вам лучше поверить в это. И меня это вполне устраивает. Более чем, потому что я бы хотел надрать его жалкую задницу. Одна только мысль о том, что он прикасается к Александрии...

Это невыносимо.

— Не могу поверить, что не встречал тебя в кампусе. Мы должны как-нибудь пересечься. С удовольствием наверстал бы время. Кстати, красивое платье, — он снова дотрагивается до неё. На самом деле, обнимает её за талию, и вот тогда у меня в глазах красная пелена.

Вот тогда я теряю самообладание.

Алекс

— Тристан, нет! — кричу я, когда он так сильно отталкивает Марка от меня, что тот падает на пол. Я наклоняюсь вперёд, чтобы помочь ему подняться, но кто-то другой удерживает меня, когда мы внезапно оказываемся в окружении.

Я оглядываюсь через плечо и вижу, что это Шеп останавливает меня, его выражение лица решительное, и он качает головой.

— Стой тут, — велит он мне низким и смертельно серьёзным голосом. — Тебе не стоит влезать в эту неразбериху.

Джейд спешит присоединиться к нам.

— Мы не хотим, чтобы ты пострадала, — накрыв мою руку своей, теперь и она уговаривает меня. Я киваю, высвобождаясь из объятий Шепа, хотя и не отстраняюсь от него. Вместо этого я жду, от паники у меня сводит желудок.

Шеп и Джейд не хотят, чтобы мне было больно, но мне уже больно наблюдать, как трое парней, включая Гейба, удерживают Тристана, чтобы он не набросился на Марка, который снова на ногах. Его лицо красное, ухмылка на губах уродливая, глаза остекленели от гнева. Узнаю этот взгляд, хотя прошло много времени с тех пор, как я видела его в последний раз. Марк был немного вспыльчив, когда мы были подростками. Видимо, некоторые вещи не меняются.

— Какого чёрта ты это сделал, урод? — рычит он.

А ещё Марк пьян. Я помню, ему всегда нравились вечеринки, ему всегда хотелось накуриться, выпить, что угодно. Мы действительно встречались, как он сказал, даже несколько раз дурачились, но, как я уже подчеркнула, ничего серьёзного не было. Между Марком и мной никогда не было ничего большего.

Он намекнул, что мы занимались этим, как кролики, с момента нашей первой встречи в школе, придурок с самодовольным выражением лица, которому так и хочется влить пощёчину. Не сомневаюсь, что Тристан понял это.

— Ты дотронулся до неё, — шипит Тристан, кивая в мою сторону. — Ты не имеешь права прикасаться к моей девушке.

Моё сердце согревается от того, как он называет меня своей девушкой, но это

превратилось в такую уродливую сцену. У меня дикое желание уйти, просто сбежать и забыть всю эту ночь, когда-либо случавшуюся.

— Сначала она была моей девушкой, мудака, — Марк смеётся, и Тристан снова бросается на него, другие парни удерживают его, говоря, чтобы он успокоился.

А всё, что я могу делать, это стоять там и смотреть на разворачивающуюся передо мной сцену, словно я какой-то статист на съёмочной площадке, которого не используют, но почему-то считают необходимым.

— Марк, прекрати, — начинаю я, но Тристан смотрит на меня, его ноздри раздуваются, рот сжат в тонкую линию.

— Вам двоим лучше уйти, — твёрдо говорит Гейб, положив руку на плечо Тристана и подталкивая его в мою сторону. — Если, конечно, ты не против пойти с ним домой? — спрашивает он с выражением искренней озабоченности на лице.

Вскидываю руки вверх, раздражённая его расспросами. Как будто я теперь должна его бояться?

— Конечно, я хочу пойти домой с ним.

— Тогда пойдём, — Тристан сбрасывает руку Гейба и подходит ко мне с пылающими от гнева глазами. Разочарование. И множество других эмоций, которые я даже не могу определить. — Ты готова, Александрия?

Кивнув, позволяю ему взять меня за руку и вывести из помещения, его хватка крепкая, выражение лица полностью отсутствующее. Всё, что осталось, — это его обычная бесстрастная маска, которую он так чертовски хорошо умеет носить.

Мы ни с кем не прощаемся, и, когда проходим мимо, на нас пялится куча народа, отчего мне неловко. Вот это конец вечера. Такое чувство, будто я всё испортила. Будто этот идиот Марк тоже столько всего не испортил. Почему его не выгоняют? Не то чтобы я хотела остаться, но все автоматически предполагают, что в этой ситуации плохой парень — Тристан.

Это он толкнул Марка на пол...

Но сделал он это из-за меня. Никто никогда раньше не делал для меня ничего подобного.

Мы выходим из отеля, не сказав друг другу ни слова, и, как только нас окутывает тёмная ночь, делаю глубокий вдох, уговаривая себя не плакать. Эта ситуация не стоит моих слёз. Мы с этим разберёмся. Он не сердится на меня. Он злится на Марка за то, что тот столько дерьма наговорил обо мне.

К тому времени, как мы оба садимся в машину, меня трясёт, я безумно нервничаю. Тристан всё ещё ничего не сказал. Он даже не посмотрел в мою сторону, завёл машину, и ничего. Он просто сидит на водительском сиденье, уставившись на руль, его грудь быстро поднимается и опускается — единственный признак того, что он действительно жив.

— Макинтош, — наконец произносит он, медленно поворачивая голову и смотря в упор на меня. — Твоя фамилия Макинтош?

Я смотрю на него, во рту пересыхает, пока я пытаюсь подобрать правильные слова, чтобы всё объяснить. Мне стоило рассказать ему раньше, но это было неважно. Во всяком случае, не для меня. Алекс Макинтош — это прежняя я. Я больше не та девушка.

— Раньше была.

Его рот кривится в гримасе отвращения, как будто он только что съел что-то особенно отвратительное.

— Раньше была? Что, чёрт возьми, это вообще значит, Александрия?

Я вздрагиваю, когда он кричит, в маленьком пространстве его машины звук очень громкий. Но он всё ещё не собирается двигаться, так что, думаю, разговор будет прямо здесь.

— Я сменила фамилию. В конце моего выпускного класса родители были арестованы по обвинению в растрате. Они управляли собственной инвестиционной компанией, и их обвинили в краже миллионов у своих клиентов. Они обслуживали множество крупных счетов с огромными деньгами, и у них это хорошо получалось. Пока, как я думаю, мой отец не стал слишком жадным и не начал воровать, — объясняю я убито, на сердце горько. Я всё ещё не оправилась от того, что они сделали. И не думаю, что когда-нибудь смогу. — Потом присоединилась и мама, и в конце концов их обоих поймали.

— Итак, они в тюрьме, — говорит он ровным, бесстрастным голосом, уставившись в пространство, не отрывая взгляда от лобового стекла.

— Да, — тихо подтверждаю я. Мне бы хотелось, чтобы он посмотрел на меня. Чтобы увидел, насколько я искренна. — После того, как нашу фамилию протащили через суды и средства массовой информации, как только я поняла, что мы потеряли всё и пути назад нет, я сменила имя и уехала. Я хотела начать сначала, начать новую жизнь. Там бы я никогда не смогла этого сделать. Все были в курсе позора моей семьи, моего позора.

Он смотрит на меня.

— Включая Марка.

Я киваю.

— Включая Марка.

Тристан разочарованно выдыхает. По-другому не сказать. Я чувствую его гнев, его раздражение. И я ничего не могу сделать, чтобы это исправить.

— Меня чертовски убило, что он знал такие подробности о тебе и сказал их так небрежно, словно они не имели большого значения, в то время как я умираю от желания узнать о тебе всё и вся. Ты никогда ни хрена мне не рассказываешь.

Ничего не говорю, потому что он прав. Я наклоняю голову и изучаю свои дрожащие руки, сцепленные вместе у меня на коленях.

— Лишь самую малость. Ты всегда говоришь мне ровно столько, чтобы заморочить голову, но так ли это на самом деле? Достаточно ли этого? — я поднимаю голову, когда чувствую, что он смотрит на меня, наши взгляды встречаются. — Мне насрать, богата ты или бедна, Александрия.

— Знаю, — прикусываю нижнюю губу, чтобы не разбиться вдребезги. — Я так долго держала это в себе, что не знала, как сказать это вслух. Иногда я забывала, что это вообще когда-либо случалось. Как только я встретила Келли, тебя, Шепа, Джейд, и... всех остальных, вы все помогли мне забыть. На этот раз у меня есть настоящие друзья, настоящая жизнь. У меня есть работа, учёба и люди, которые действительно заботятся обо мне. У меня есть цель, а я никогда раньше не чувствовала, что у меня есть хоть что-то из этого.

Понимает ли он? Понимает ли, что сделал для меня? Что они все сделали для меня? Я всё ещё была бы той оболочкой человека, одинокого и грустного, и двигалась бы по жизни без них. Мне повезло, что вместо этого они есть у меня. И впервые в жизни я действительно живу. Они мне нужны.

Но Тристан мне нужен больше всех.

— Господи, — выдыхает он, ударяя кулаком по рулю, отчего я подпрыгиваю. Я смотрю, как он снова бьёт по нему, его пальцы сжаты в кулак, костяшки покраснели. — Твоего отца

зовут Дуглас Макинтош?

Моё тело замирает. Откуда он знает?

— Д-да.

Он поворачивается на своём сиденье так, чтобы оказаться лицом ко мне, позволяя мне увидеть ужас и печаль, запечатлённые в его знакомых, красивых чертах.

— У твоего отца был роман с моей мамой. Он украл все её деньги, и она из-за этого пыталась покончить с собой.

Я изумлённо смотрю на него.

— Что? — его слова не доходят до меня. Я знаю, что мои родители украли деньги. Я знаю, что они забирали у людей сбережения и тратили их все, оставляя своих жертв ни с чем. Они опустошали и разрушали будущее. Они брали с нулевыми намерениями когда-либо отдать.

Их истории, хотя и ужасные, никогда не касались меня лично. Мне было плохо, но я ничего не могла для них сделать. В то время я могла сосредоточиться только на том, как действия родителей повлияли на меня. Как это разрушило мою жизнь. Я не думала ни о ком другом. Только о себе.

— У твоего отца был роман с моей мамой, — медленно повторяет он. — Она пыталась покончить с собой после того, как он бросил её и забрал все её деньги. Мама приняла кучу таблеток, но выжила.

Я в ужасе. Неужели это правда? Неужели мой отец действительно сделал это?

— Слава Богу, она выжила, — автоматически говорю я, потянувшись к нему, но Тристан отдёргивает руку, прежде чем успеваю схватить её. Я откидываюсь на спинку сиденья, задетая тем, что он не позволяет мне прикоснуться к нему, когда это всё, что я хочу сделать прямо сейчас. Он даёт мне твёрдую почву под ногами. Заставляет чувствовать себя цельной.

Но сейчас я вижу, как Тристан постепенно отдаляется.

— Как будто тебе не всё равно, — бормочет он, поворачиваясь, чтобы снова сосредоточиться на руле. — Позже она призналась мне, что копила эти деньги, чтобы уйти от моего отца. Они не ладили друг с другом. Их брак, по сути, был лишён любви в течение многих лет. Она хотела сбежать, но твой отец забрал всё и разрушил её планы. Практически, чёрт возьми, разрушил её жизнь.

У меня такое чувство, будто моё сердце разрывается пополам. Не могу объяснить действия моего отца. И я тоже не могу извинить то, что он сделал. Но разве его воровство — моя вина? Его роман с мамой Тристана — разве я сделала так, чтобы это произошло? Нет. А Тристан смотрит на меня так, словно да. Как будто это всё из-за меня.

— Мне так жаль, — шепчу я, не зная, что ещё сказать.

Никакого ответа. Я наблюдаю за ним, изучаю его сильный, знакомый профиль. Его челюсть как гранит, желваки ходят ходуном, и я знаю, что он сжимает и разжимает зубы. Он безумно напряжён. И почему-то считает, что это моя вина.

Я не знаю, как убедить его в обратном.

— Это не я украла деньги твоей матери, — начинаю я, и он поворачивается ко мне с враждебным выражением лица, его глаза пылают гневом.

— Так вот как ты это оправдываешь? Что это не ты их взяла? Разве не деньги моей мамы помогли оплатить всё, что ты надела сегодня вечером? Твою сумочку от Шанель, которая, наверное, стоит тысяч пять долларов? Эти охеренно дорогие туфли? — он кричит, а я съёживаюсь на своём сидении, принимая на себя основной удар его гнева. — Мои

родители чуть не развелись из-за всего этого дерьма. Между ними до сих пор что-то не так. Это, чёрт возьми, разорвало мою семью на части.

— И мою тоже, — шепчу я, моё горло дерёт и саднит.

Он едва смотрит в мою сторону.

— Уверен, это было действительно тяжело, — саркастически замечает он.

Я вздрагиваю от его слов, гнев переполняет меня. Он может злиться. Я могу это понять. Я кое-что скрыла от него, и это было неправильно. Я скрыла нечто такое, о чём он даже не подозревал, и за это он может на меня злиться. Но я отказываюсь брать на себя вину за то, за что не несу никакой ответственности. Это несправедливо.

Но какой дурак сказал, что жизнь справедлива? Это была я? Потому что никто никогда не говорил мне, что жизнь справедлива. Это не так.

Этого никогда не бывает.

— Отвези меня домой, — тихо требую я, когда Тристан всё ещё ничего не говорит.

Он заводит машину, отвозит меня домой и высаживает, ни разу не сказав ни слова.

Так же, как и я.

ГЛАВА 29

Алекс

— Твои страдания разбивают мне сердце, с меня хватит. Сейчас Рождество. Нельзя грустить-и-плакать-в-постели-весь-день, — пальцы с острыми ногтями толкают меня в плечо, и я отбрыкиваюсь, надеюсь, что моя надоедливая подруга не станет тыкать в меня снова. — Ну же, Алекс. Вставай. Пойдём прогуляемся или ещё что-нибудь. Тебе нужно подышать свежим воздухом.

— На улице холодно, — бормочу я в подушку, не желая выходить, не желая вообще никуда идти. — И число самоубийств возрастает до самого высокого уровня, — добавляю я, просто чтобы вывести её из себя.

— Ты сейчас серьёзно? Потому что, если ты подумываешь...

Я переворачиваюсь, свирепо глядя на неё. Ошеломлённое выражение на лице Келли почти комично.

— Я не серьёзно. Просто пытаюсь заставить тебя заткнуться.

Келли пристально смотрит в ответ. Когда она полна решимости добиться своего, то становится почти невыносимой.

— Ты ведёшь себя нелепо.

— Ты тоже.

— Прогулка пойдёт тебе на пользу, — она делает вид, что собирается стянуть одеяло с моего тела, но я крепко вцепилась в него.

— Там чертовски холодно, — напоминаю я ей. Боже, неужели она не может просто оставить меня в покое?

— И что? Сейчас зима, на улице должно быть холодно, — Келли резко хлопает в ладоши, и в тишине дома этот звук раздражает. — Вставай, соня. Ты не можешь весь день валяться в постели и хандрить.

Я пробыла в ней последние пару дней, и все оставили меня в покое. Так почему же Келли так одержима желанием вытащить меня из постели именно сейчас?

— У тебя что-то припрятано в рукаве? Потому что, если это так, то я настолько устала от твоих уловок, что это даже не смешно. Можешь попробовать это дерьмо на ком-нибудь другом.

— О, как мало веры. Никаких уловок или сомнительных делишек, это всего лишь просьба. Я просто хочу, чтобы ты встала с постели и приняла душ. Может, ещё причесалась. Одевайся и пойдём со мной в «Старбакс». Мне одиноко, и я хочу имбирный латте, — она делает паузу, выражение её лица становится серьёзным. — Кроме того, я скучаю по тебе.

Я переворачиваюсь на бок, говоря в стену:

— Разве ты не должна быть на каникулах дома?

— Я осталась на несколько дополнительных дней только ради тебя, ворчунья, — Келли снова хлопает в ладоши, и я посылаю ей убийственный взгляд через плечо. — Иди в душ, и пойдём выпьем кофе с маффином.

Мой желудок восстаёт против предложения кофе и кекса.

— Звучит отвратительно.

— Боже, может, ты больна, — бормочет она себе под нос, суетясь в моей спальне, осматривая всю одежду и разное дерьмо, разбросанное вокруг. С моей удачей она перероет всё и найдёт самую компрометирующую вещь, какую только можно, например, мой вибратор или ящик с сексуальным нижним бельём.

— Я не больна, — цежу я, выползая из кровати. Вчера я действительно позвонила на работу и сказалась больной, из-за чего до сих пор чувствую себя плохо, но я бы ни за что не смогла общаться с клиентами, будучи в таком эмоциональном расстройстве. Следующий рабочий день у меня завтра, и я совершенно точно пойду туда. Нельзя вечно прятаться от мира.

Неважно, как сильно я этого хочу.

Я присоединяюсь к Келли у своего комода, вытаскиваю несколько вещей и беру их с собой в ванную, чтобы принять душ, как она предлагала. Она не отступит, так что я вполне могу сдать.

— С разбитым сердцем — да, — говорю я ей. — Но больна? Нет.

— К чёрту этого парня. В следующий раз, когда увижу его, я убью его, клянусь Богом, — рычит Келли, явно жаждущая крови. Прямо как Стивен ведёт себя, когда играет в Call of Duty. — Кем он себя возомнил, обращаясь с тобой, как с дерьмом, когда в том, что произошло, даже не было твоей вины?

— Он вправе думать, что угодно, — пожимаю плечами. — Ему был нужен кто-то, на ком он мог бы выместить свою ярость, и этим человеком стала я. — И я действительно кое-что утаила от него. Нельзя винить его за то, что он разозлился из-за этого.

— Он придурок, — яростно заявляет Келли. Она познакомилась сначала с ним, но всё же спешит защитить меня. Я люблю её за это. — Я хочу разбить его уродливое лицо за то, что он сделал с тобой.

Вздыхаю.

— Оно не уродливое, — далеко не так. Он самый великолепный парень, которого я когда-либо видела, как внутри, так и снаружи. Он неидеален и иногда говорит глупости, но в глубине души он добрый человек. По крайней мере, я так думала.

Теперь я уже не так в этом уверена.

— Как по мне, он уродливый. И он мудака, — бормочет она. — Он делает больно тебе, значит делает больно и мне.

— Переживу, — её слова трогают меня, и я стараюсь не расклеиться и не разреветься. Она так мила, что принимает мою сторону, даже когда я не на сто процентов права.

— Не должно быть ничего, что тебе нужно преодолеть. Ты не сделала. Ничего.

Плохого. — Келли хлопает по крышке комода, отчего всё на нём сотрясается. «Икеа», может, и производит приличную мебель, но не настолько прочную.

— Видишь ли, в том-то и дело. Я действительно сделала кое-что неправильное. Я не рассказывала ему о своём прошлом, а для него это было равносильно лжи, — указываю я. — Плюс, у моего отца был роман с его мамой.

У меня до сих пор это с трудом укладывается в голове. А мама знает? Сколько романов было у моего отца? Был ли это единственный, или были и другие?

Предполагаю, что были и другие, но точно не знаю. И я отказываюсь разговаривать с ним только для того, чтобы спросить об этом. Наше общение полностью прекратилось. Как будто они совсем забыли обо мне. Что может быть хуже? Я к этому привыкла.

Привыкла к их ужасному поведению.

Так почему же мне так больно, когда Тристан ведёт себя дерьмово?

Прошло три дня после инцидента с Марком. С тех пор я ничего не слышала о Тристане. Ни смс, ни звонка, ни случайного визита домой, ничего. Больше никто о нём ничего не слышал. Он рано уехал домой на каникулы и исчез в клубах дыма.

Видимо, это конец нас. Типично, что он не может официально порвать со мной. Но как разорвать так называемые отношения, которые изначально не были определены?

— То, что он сбежал, как маленький мальчик, и даже не поговорил с тобой обо всём, приводит в бешенство. И о многом говорит. Он не готов к такого рода обязательствам, — Келли издаёт тихий рычащий звук и машет мне руками, прогоняя. — Иди уже в душ. Может, нам нужно пойти и найти бар. Утопить наши печали в алкоголе.

Я смеюсь, и она тоже, но в одно мгновение мой смех превращается в слёзы. И тогда Келли притягивает меня в свои объятия, шепчет слова утешения, прижимая к себе. Повторяя снова и снова, что он этого не стоит, — так уж случилось, что Тристан больше всего любит говорить мне именно эти слова.

Одна мысль о том, как он произносит их, заставляет меня плакать ещё сильнее.

— Не хочу оставлять тебя здесь одну на Рождество, — говорит она, когда я, наконец, успокаиваюсь и высвобождаюсь из её объятий.

Я одариваю её слабой улыбкой.

— Конрад остаётся. И Стивен пригласил нас к своим родителям на рождественский ужин, так что со мной всё будет в порядке, — Стивен оказался хорошим другом.

На лице Келли ясно читается тоска.

— Я завидую. Мне бы хотелось провести Рождество со своим парнем.

— Я буду отбиваться от всех девушек, которые попытаются заигрывать с ним, — торжественно обещаю я.

Она качает головой.

— А как насчёт его двоюродных сестричек на семейном ужине? Если ему нравятся такие вещи, тогда они могут забрать его.

— Ему нравишься ты, — успокаиваю я подругу. — Это я тебе завидую. Стивен надёжный парень. Не боится отношений. — они не теряли времени даром. Келли — его девушка, он без колебаний называет её так.

— Он действительно такой, — тихо соглашается она. — Мне казалось, ты тоже нравишься Тристану.

— Мне тоже так казалось. Но при первых признаках реальной проблемы он срывается и убегает. Я даже удивлена, что он продержался так долго, — теперь я звучу горько, но ничего

не могу с этим поделаться.

Если бы он остался рядом, если бы он действительно выслушал меня, тогда, возможно, я бы достучалась до него. Но он воздвиг стены. Натянул маску, которую он так искусно носит. Ушёл в себя, а меня отправил восвояси.

Очевидно, с ним покончено. То, что он может так быстро отстраняться, причиняет боль. До того, как Марк прервал нас, он был таким милым и весёлым. Кружил меня на танцполе, горячий взгляд в его глазах был только для меня. Я чувствовала связь с ним, уверенность в наших развивающихся отношениях. Как он мог так легко отпустить меня...

— Я в душ, — говорю я Келли, собирая свою одежду и направляясь к двери. — Дай мне тридцать минут. А затем свалим отсюда.

Келли приподнимает бровь.

— «Старбакс» или бар?

— Бар, — решаю я, чувствуя себя пьяницей, но мне всё равно. Мне нужно выпить чего-нибудь покрепче. — Сейчас где-то пять часов, верно?

Тристан

— Где ты, чёрт возьми, мужик? — Гейб звучит так, будто он далеко, как оно и есть.

— Колорадо. Вейл, — я стою у окна своей спальни и смотрю на улицу. У моих родителей здесь коттедж. Как только я переехал, они стали проводить Рождество здесь. Снег идёт как сумасшедший, и чертовски холодно. Но в городе магазины освещены как ожившая рождественская деревня, и моя мама называет их дом площадью десять тысяч квадратных футов «уютным».

Неважно.

— Ты никому не сказал, куда направляешься, — его тон обвиняющий, и от этого мне неловко. — Ты просто взял и бесследно исчез.

— Извини. Я просто... мне нужно было убраться оттуда к чёртовой матери.

Гейб на мгновение замолкает.

— Ты только что извинился?

Закатываю глаза.

— Да, но не придавай этому большого значения, хорошо? Господи.

— Твоя девушка очень расстроена.

Я скрежещу зубами:

— Она не моя девушка, — за последние несколько дней я провёл много душевных поисков и пришёл к осознанию: хотя Александрия, возможно, поступила со мной неправильно, я тоже поступил неправильно по отношению к ней. Мы оба испортили эти отношения ещё до того, как у них появился реальный шанс. Не знаю, сможем ли мы их спасти. Не знаю, достаточно ли я силён, чтобы спасти их, или она закончила со мной. Она может ненавидеть меня за всё, знаю. Должна. Я повторял это снова и снова. Я не заслуживаю её. Даже после того, что она сделала, я знаю, что она лучше меня. Она хорошая девочка, которая пытается что-то сделать в своей жизни. А я плохой парень, который делает всё возможное, чтобы сжечь всё дотла.

— Могу я тебе кое-что сказать? Как мужчина мужчине? — спрашивает Гейб низким голосом. Серьёзным.

Жду неприятностей.

— Конечно.

А что ещё я мог, кроме как согласиться? Он собирается сказать мне, хочу я это

услышать или нет.

— Ты же знаешь, Люси сделала то же самое со мной, — верно. Я забыл. Она действительно обманула его. С момента их знакомства она сохраняла видимость. — Только она мне много чего рассказывала. Сочинила замысловатую историю, на которую я купился. Историю, которую, как ей казалось, я хотел услышать, потому что она решила, что я не приму правду.

— Разве тебя это не разозлило?

— Я был чертовски взбешён. Она столько всего наговорила, но... Я не мог вечно использовать против неё то, что она сделала со мной. Любовь к ней в конце концов победила, — Гейб делает паузу. — Может, тебе стоит позволить своей любви к Алекс одержать верх.

— Я не люблю её, — сразу же начинаю я, но Гейб перебивает меня.

— Отлично. Ты её не любишь. Но ты действительно заботишься о ней. Не отрицай этого, потому что мы все знаем, что это правда, — Гейб говорит параллельно со мной, когда я начинаю протестовать. — Чего ты хочешь больше? Невыносимых страданий, когда ты один без неё? Или присутствия Алекс в твоей жизни, делающее твои дни лучше? Что выбираешь?

Я закрываю глаза, противясь его словам. Как только я приехал в Вейл, я заговорил с мамой о её романе с Дугласом Макинтошем, а она просто отмахнулась от этого, как от пустяка, что, в свою очередь, взорвало мой грёбанный разум.

«Что сделано, то сделано», — сказала она мне. — «Я не могу стереть прошлое, но могу двигаться дальше».

С тех пор её слова не выходят у меня из головы.

— Люди совершают ошибки, — продолжает Гейб. — Мы все идиоты, просто двигаемся по жизни в надежде выжить. Но когда ты встречаешь ту идиотку, которая идеально тебе подходит, разве ты не хочешь пойти за ней? Разве ты не хочешь сохранить её в своей жизни? Разве не лучше быть двумя идиотами, смотрящими на мир вместе, чем сталкиваться с этим миром в одиночку?

— Ты только что назвал себя идиотом? — шучу я, но Гейб не отвечает. Он ждёт, когда я закончу. Резко выдохнув, я смягчаюсь. — Я больше не знаю, что правильно, а что неправильно. Отношения — это отстой.

— Нет, если ты с правильным человеком.

— Откуда мне знать, что то, что было у нас с Александрией, было правильно?

— Если тебе трудно дышать, есть, спать, жить своей обычной жизнью, то я бы сказал, что это всё очень сильные знаки, — говорит Гейб сухо.

Дерьмо. Она — это всё, о чём я могу думать. Печальное выражение её лица, когда я высадил её у дома, её глаза, полные тоски. Я так разозлился, когда узнал, кто её отец. Она не виновата в этом. Она не несёт ответственности за действия своего отца.

Так почему же я винил её?

— С каких это пор ты стал так хорошо разбираться во всём этом дерьме? — спрашиваю я его, раздражённый тем, что он на самом деле раздаёт приличные советы. Знаю, что веду себя чертовски иррационально, но ничего не могу с собой поделать.

— Я узнаю родственную душу, когда вижу её, — отвечает Гейб. — Я был на твоём месте. И это совсем не весело.

— Так что же мне делать? — провожу рукой по волосам и отворачиваюсь от окна. Меня не трогает снег, Рождество или что-то в этом роде. Мне нужно поговорить с Александрией.

Мне нужно всё исправить.

— Поговори с ней. Позвони ей. Иди к ней. Скажи, что чувствуешь.

Моя автоматическая реакция — к чёрту это. Я не пресмыкаюсь. Я не извиняюсь. Я не утруждаю себя попытками всё исправить. Никогда этого не делал.

Но Гейб прав. Я скучаю по ней. Я хочу, чтобы она была в моей жизни. Единственный, кто меня сдерживает, — это я сам. Если я хочу её, то должен пойти за ней.

— Она скорее всего не ответит на мой звонок.

— Напиши ей.

— Это не то.

— А как ещё ты собираешься с ней поговорить? Ты в Колорадо, она в Калифорнии.

Я резко выдыхаю.

— Ты заноза в заднице.

Гейб усмехается.

— Ты поблагодаришь меня позже, обещаю.

— Мне пора, — бормочу я, отчего Гейб смеётся немного сильнее. — Эй, придурок.

Смех прекращается.

— Да, уродец? — весело спрашивает Гейб.

— Я собираюсь поблагодарить тебя прямо сейчас, — тихо говорю я, надеясь, что он понимает, как сильно ценю его и его дружбу. То, что он позвонил мне, когда никто другой этого не сделал.

— Всегда пожалуйста. А теперь разберись, как выбраться из этой передраги.

Позже ночью я сижу в постели, сжимая телефон в руке, и размышляю, как подступиться к Александрии. Разговор по телефону ничего не изменит. Я совершенно уверен, что она всё равно проигнорирует мой звонок. Но сообщение она не может игнорировать, не так ли?

Может, она никогда и не ответит, и это съест меня изнутри, но это шанс, которым я должен воспользоваться. По крайней мере, я могу сказать то, что мне нужно.

Начинаю писать сообщение, нажимая бесчисленное количество раз кнопку «Назад», стирая то, что печатаю. Перефразирую. Мне нужно всё сделать правильно, и это трудно. Не хочу облажаться. Не хочу рисковать потерять её.

Не могу.

Ставить всё на карту — не в моём стиле. Я не говорю цветистых слов. Я не романтик. Я прямолинеен до такой степени, что мои слова, как правило, приносят больше вреда, чем пользы. Я даже не хочу быть мудаком большую часть времени. Просто у меня нет фильтра. Я говорю то, что хочу и когда хочу.

Звучит как оправдание, но это правда.

С Александрией мне нужно быть честным. Открытым. Настоящим. Но не резким. Никогда не быть резким. Я уже был таким раньше и причинил ей боль. Такую сильную, что могу не вернуть её.

А я должен вернуть её.

Решимость наполняет меня, я снова начинаю печатать, мои большие пальцы летают по клавиатуре.

Алекс

Я была на ужине с Келли, где мы обе поклялись, что не будем проверять наши телефоны до конца вечера. Сначала было тяжело, но через некоторое время я была благодарна за это. Я

слишком зависима от своего телефона. И не похоже, что кто-то мне пишет.

Это была последняя ночь Келли здесь: она уезжает завтра, так что мы хотели потусоваться только вдвоём. Напитки, ужин и покупки. Мне не для кого было покупать подарок, поэтому я просто потащила за ней, но на самом деле это оказалось гораздо веселее. Переживание, что подарить, было снято, так что я могла просто наслаждаться шопингом.

Когда мы вернулись ко мне домой, я вручила Келли её подарок от меня — сумочку через плечо от «Louis Vuitton».

— Я совершенно точно не могу принять её, — вздыхает она, поворачивая сумочку так и этак, её рот приоткрыт, счастье сверкает в глазах.

— Совершенно точно можешь, — искренне говорю я ей. — Я хочу, чтобы она была у тебя. Ты была мне такой замечательной подругой. — я призналась ей, когда несколько дней назад она вынудила меня выйти из дома, что продаю все свои дорогие сумки на комиссионных сайтах и что у меня заканчиваются последние деньги. К счастью, большая часть этих денег спрятана в сбережениях для будущих платежей за обучение, но эта прибыльная работа вот-вот должна была закончиться.

— Ты тоже была хорошей подругой. Самой лучшей, — она крепко обнимает меня, прижимая к себе, подпрыгивая вверх-вниз и практически крича мне в ухо: «Счастливого Рождества мне, у-у-у!»

Келли дарит мне корзину весёлых девчачьих мелочей, таких как лосьон и свечи, плюс подарочную карту Starbucks, потому что мы, кажется, там живём. Мы — воплощение белых девушек в штанах для йоги, любящих наши тыквенно-пряные латте, но мне всё равно. Я всем сердцем принимаю это клише.

— Мне пора идти, — говорит она мне после того, как мы закончили охать и ахать над нашими подарками. — Я собираюсь остаться на ночь у Стивена. — Келли действительно начинает краснеть.

— Повеселитесь, — я крепко обнимаю её на прощание, переполненная волной эмоций, которых не ожидала. Клянусь, я сейчас заплачу. Глупо. — Счастливого Рождества!

— Счастливого Рождества! — отвечает она мне, когда я провожаю её к входной двери. Конрад тоже обнимает её, когда она уходит, и шлёпает по заднице, заставляя её ахнуть. Парень очень сильно сбивает с толку. Она толкает его, прежде чем выйти за дверь. — Надеюсь, Фелиша надерёт тебе задницу, Конрад!

Он закрывает дверь и улыбается мне.

— Её так легко вывести из себя.

Я посылаю ему многозначительный взгляд.

— Лучше никогда даже не пытайся шлёпнуть меня по заднице.

— Чёрт возьми, нет. Тристан надерёт мне задницу, если я когда-нибудь прикоснусь к тебе, — он поднимает руки и пятится от меня, направляясь в гостиную.

Моё сердце сжимается, стоит мне услышать имя Тристана. Мы провели последние четыре часа, ни разу не упомянув о нём. Теперь я слышу его имя и возвращаюсь к исходной точке. Несчастливая. Печальная.

Скучающая по нему.

Одарив Конрада слабой улыбкой, направляюсь в свою спальню, закрываю и запираю за собой дверь, прежде чем хватаю телефон с комода и проверяю его.

И обнаруживаю, что у меня есть текстовые сообщения от того самого, кого я пытаюсь

забыть.

От Тристана.

«Я скучаю по тебе. Я не должен был оставлять тебя, не попрощавшись, и уверен, что ты ненавидишь меня. Не могу винить тебя. Я всё время всё порчу. Говорю самые худшие вещи, какие только можно вообразить. Обращаюсь со всеми как с дерьмом, но ты почему-то всё равно хочешь остаться со мной. Но и это тоже мне удалось испортить.»

«Прости, что не позволил тебе всё объяснить. Прости, что винил тебя в том, что твой отец сделал с моей мамой. Прости, что пытался надрать Марку задницу.»

«Беру свои слова назад, за это я не прошу прощения. Я должен был надрать Марку задницу.»

Прижимаю пальцы к губам и смеюсь. Чувствую, как слёзы начинают катиться по щекам, когда я плачу.

«Мне бы хотелось, чтобы ты рассказала мне, что случилось с твоей семьей, но я понимаю, почему ты этого не сделала. Мне тоже неудобно делиться семейными секретами. Мне не легко открыться. Уверен, ты быстро это поняла.»

«Но я хочу открыться тебе. Я хочу поделиться с тобой всем. Я так чертовски сильно скучаю по тебе. Мне не следовало приезжать сюда на Рождество. Я бы предпочёл провести его с тобой.»

Сейчас я уже плачу вовсю. Это всё, что я могу делать в последнее время, и это отстой. Но, по крайней мере, это слёзы счастья.

«Александрия, где ты?»

«Алекс?»

«Али?»

«Ангел?»

ГЛАВА 30

Тристан

Я просыпаюсь от звука звонящего телефона и вслепую протягиваю руку, хватаясь за прикроватный столик, пока мои пальцы не обхватывают его, и я роняю чёртов гаджет на пол.

— Блин, — бормочу я, свешиваясь с кровати и поднимая его. Моё сердце начинает бешено колотиться, когда вижу на экране имя Александрии.

А потом экран потемнел. Телефон перестал звонить. Я пропустил её звонок.

— Чёрт возьми, — сажусь в кровати и выбираю её номер в списке пропущенных звонков, с тревогой ожидая, когда начнутся гудки. Ещё гудок. Ещё один.

— Тристан?

Услышав её голос, испытываю прилив облегчения, вожделения и чего-то ещё, что не узнаю, проходящего через меня. Опускаю голову на грудь подушек позади себя и закрываю глаза, с трудом сглатывая.

— Да. Привет.

Некоторое время мы молчим, и я слышу её дыхание. Крепче сжимаю телефон, желая, чтобы она лежала рядом со мной. Но желания — для дураков, а я самый большой из них, так что нужно быть благодарным, что она, по крайней мере, разговаривает со мной.

— Я получила твои сообщения, — наконец заговаривает она.

— И ты действительно позвонила мне вместо того, чтобы тоже написать? — чёрт, разве не глупо было говорить это? Возможно.

— Я хотела услышать твой голос, — колеблется она. — Я только что увидела твои смс.

Мы гуляли с Келли.

Чёртова Келли. Вечно вмешивается в мои отношения.

Больше похоже на отсутствие их.

— Мы поужинали и обменялись рождественскими подарками. Она уезжает завтра утром, — продолжает она.

Проклятье, моя девочка осталась одна на грёбаное Рождество. Это невыносимо. Мне нужно завтра же сесть в самолёт и поехать к ней.

— Значит ты проведёшь Рождество в одиночестве, — делаю глубокий вдох. Завтра двадцать второе. Я могу успеть вовремя, если погода будет благоприятствовать, и я смогу найти место в самолёте.

— Со мной здесь Конрад, — слабое утешение. — И мы идём к Стивену на рождественский ужин.

Чёртов Стивен. Хотя я не испытываю к нему ненависти. Он хорошо относится к Александрии. И он наполовину влюблён в Келли, так что мне не нужно беспокоиться о нём.

— Я рад, что тебе есть куда пойти.

— Тристан, в своих сообщениях ты написал то, что имел в виду?

У меня пересыхает в горле.

— Я имел в виду каждое грёбаное слово.

На мгновение Александрия замолкает.

— Прости, что не была честна с тобой.

— Это ты прости, что я был таким придурком с тобой той ночью, — возражаю я.

— Я должна была сказать тебе правду с самого начала.

— Я должен был надрать Марку задницу. Он это заслужил, — от одной мысли о нём моя рука сжимается в кулак.

Она раздражается смехом.

— Я скучаю по тебе.

— Я тоже скучаю по тебе. Так чертовски сильно, что это убивает меня.

— Где ты? — спрашивает она.

Я рассказываю ей о так называемом домике моих родителей в Вейле. Она говорит мне, что бывала там раньше — конечно. У нас с Александрией больше общего, чем мы изначально думали. Некоторое время мы болтаем о пустяках, пока, наконец, я не задаю ей вопрос, любопытно посмотреть, как она ответит.

— Ангел, скажи мне, что ты хочешь на Рождество? — шепчу я.

— Я ничего не хочу. Всё, что я хочу, у меня уже есть, — шепчет она в ответ.

— Должно быть что-то ещё, чего ты хочешь. Новую машину?

— Нет.

— Новые туфли?

— Абсолютно нет.

— Новую сумочку?

— Теперь ты просто дразнишь меня.

Я улыбаюсь. Есть такое.

— Скажи мне, ангел. Что ты хочешь на Рождество, что только я могу тебе подарить?

Она вздыхает, и этот звук доносится прямо до моего члена. Я хочу, чтобы она была здесь, обнажённая и обёрнутая вокруг меня.

— Ты уверен, что хочешь это услышать?

Теперь моё любопытство разыгралось.

— Определённо.

— Я хочу любви. Настоящей, умопомрачительной, беспокойной, всепоглощающей, немогу-жить-без-тебя любви, — признаётся она, её мягкий голос проникает прямо в мою грудь и сжимает моё сердце.

Но я узнаю эти слова. Не так давно я их уже слышал.

— Ты только что процитировала мне Кэрри Брэдшоу? — интересуюсь я.

Александрия снова смеётся. Кажется, она ещё и плачет.

— Да. Боже мой. То, что ты даже узнаёшь эти слова, подтверждает то, о чём я думала всё это время.

— Что?

— Что мы созданы друг для друга.

Алекс

Конец света. Признаю. Я играю в Call of Duty с Конрадом. Очевидно, мне уже не доскуки.

Сегодня канун Рождества, и в доме только мы вдвоём. Мы заказали три пиццы примерно в обеденное время, чтобы было что поесть и на ужин, так как на кухне почти нет еды. Конрад сказал мне, что планировал всю ночь играть на фестивале Call of Duty, чтобы не просыпаться рано утром в Рождество и не впадать в депрессию из-за того, что он не был со своей семьей. Он не мог позволить себе билет домой, вот почему он застрял здесь. Мне жаль его, но, эй, по крайней мере, мы вместе.

Я больше не чувствую себя такой подавленной на Рождество. Тристан возвращается двадцать шестого. С той ночи, когда я получила его сообщения, мы регулярно общаемся, хотя сегодня я мало что от него слышала. Он упомянул о семейных обязанностях, поэтому предполагаю, что он отправился в какой-нибудь модный ресторан поесть изысканной еды, которая, вероятно, стоит столько же, сколько весь мой бюджет на продукты в течение двух месяцев.

Я просто рада, что мы с Тристаном снова общаемся. А ещё мы полностью открыты друг с другом. Долгие телефонные разговоры до поздней ночи, признание друг другу в нашем прошлом, в наших секретах. Я рассказала ему о своих родителях. Он рассказал мне о своих. Были моменты, когда наши жизни могли бы пересечься, но почему-то этого не произошло. У нас много общего в том, как мы были воспитаны, Тристан и я.

Но не сейчас. Я бедная девочка, а он богатый мальчик. И это нормально. Я могу легко войти в его жизнь, если мне нужно, хотя... ого, я заглядываю слишком далеко вперёд, но ничего не могу с собой поделать. Теперь, когда мы с Тристаном прояснили ситуацию, я вижу будущее с ним, и мне кажется, что он тоже его видит.

Наши отношения неидеальны, но они наши. Мы работаем над ними вместе. Он целиком со мной. Я знаю, что это так. А я с ним.

В итоге я играю с Конрадом больше двух часов, и он уничтожает меня. До такой степени, что моё зрение затуманивается, а голова кружится. Я, пошатываясь, возвращаюсь в свою тёмную спальню с тяжёлым приступом укачивания и падаю на кровать, закрыв глаза, чтобы отогнать головокружение.

Я так устала. Мне нужно почистить зубы. Умыть лицо. Я снимаю свитер и бросаю его на пол. Стягиваю с себя леггинсы и тоже сбрасываю их на пол. Переворачиваюсь на бок,

погружаясь в сон, когда слышу тихий стук.

Ещё один.

Потом ещё.

Я сажусь прямо, убирая волосы с лица. Снова раздаётся стук, звук чего-то бьющегося о стекло. Например, о моё окно.

Встав с постели, подхожу к окну и отодвигаю жалюзи, выглядывая наружу. Там, по другую сторону розового куста, стоит Тристан, его рука отведена назад, когда он бросает кусок коры в стекло.

Дзинь!

Подняв жалюзи, я стою перед окном и улыбаюсь ему, открывая.

— Что ты здесь делаешь? — интересуюсь я.

Он кивает на меня подбородком. О, он так хорошо выглядит. Одетый в толстую тёмно-синюю толстовку, которую он любит носить, и джинсы, он бросает остатки коры, которую сжимал, на землю.

— Я здесь, чтобы увидеть тебя.

Я прислоняюсь к подоконнику, головокружение грозит взять верх и заставить меня вести себя нелепо. Он вернулся пораньше из-за меня. Он пропустил Рождество со своими родителями из-за меня.

— Почему ты не постучал в дверь, как нормальный человек?

— Мне показалось, что так более романтично, — он пожимает плечами.

Моё сердце вот-вот выскочит из груди.

— Ты называешь себя романтиком?

Выражение его лица становится серьёзным.

— Я романтик только с тобой.

Оу. Вау. Ему нужно попасть в мою спальню. Сейчас же.

— Хочешь, чтобы я впустила тебя?

— Всё, что потребуется, чтобы добраться до тебя, ангел. Я застрял в аэропорту на несколько часов, пытаюсь вернуться сюда. Если мне придётся прорубить дорогу сквозь этот грёбаный розовый куст и пролезть в твоё окно, чтобы заключить тебя в свои объятия, я сделаю и это.

Он уже говорил мне эти слова раньше. И мне приятно слышать их снова.

— Встретимся у входной двери, — я закрываю окно и опускаю жалюзи, затем бегу к двери. Отпираю замки, открываю дверь и бросаюсь на Тристана. Он ловит меня, обхватывая руками и прижимаясь губами к моему лбу, крепко обнимая.

— Так приятно держать тебя снова в объятиях, Али, — шепчет он мне в волосы.

Я сжимаю его, прижимаясь лицом к его твёрдой груди.

— Не могу поверить, что ты здесь.

Он тянется к моему лицу, скользит пальцами под моим подбородком и откидывает мою голову назад.

— Я не смог бы быть без тебя, — говорит он, его пылающий взгляд блуждает по моему лицу, как будто он пытается охватить всю меня целиком. — Я всё-таки не выдержал и вчера поехал в аэропорт.

Я хмурюсь.

— Вчера?

Тристан кивает, убирая мои волосы со лба.

— Мне пришлось ждать в резерве. Это заняло целую вечность. Как только я наконец получил место, рейс был отложен из-за погоды. Началась метель.

— Звучит опасно, — бормочу я.

— И удручающе. К тому времени, когда я наконец добрался до Сан-Франциско, я почувствовал такое грёбаное облегчение. Только чтобы узнать, что из-за задержки они уступили моё место на стыковочном рейсе. Так что мне снова пришлось быть в режиме ожидания.

— О, Тристан, — не могу поверить, что он пошёл на всё это ради меня. Претерпел столько трудностей в пути только для того, чтобы быть со мной на Рождество.

Я помню, как сказала, когда между нами всё только начиналось, что мне бы хотелось, чтобы он показал мне, что он чувствует. Что просто его слова бессмысленны. Он всегда был мастак на слова. Я же хотела увидеть поступки.

То, через что он прошёл, чтобы добраться до меня, говорит о многом. Больше, чем могли бы сказать его слова.

— О, здорово, теперь мне снова придётся иметь дело с вами двумя? — Конрад появляется перед нами, его волосы в беспорядке, выражение лица сонное. Он смотрит на Тристана. — Что ты здесь делаешь? Ты Санта-Клаус или кто?

— Хо, мать твою, хо, — шутит Тристан, хлопая Конрада по плечу. — Спасибо, что позаботился об Александрии для меня.

Глаза Конрада расширяются.

— Да. Э-э, конечно, чувак. Никаких проблем, — он смотрит на меня. — Счастливого Рождества вам обоим.

— Счастливого Рождества, — отвечаю я Конраду, вырываясь из объятий Тристана, беру его за руку и тащу обратно в свою спальню. В тот момент, когда дверь закрывается, я прижимаюсь к ней, руки Тристана оказываются на моей талии, а его губы на моих. Он целует меня долго и глубоко, руки крепко сжимают меня.

Я обнимаю Тристана, и он поднимает меня, обхватив ладонями мои ягодицы, его эрекция трётся о болезненное место между моих бёдер. Когда он, наконец, прерывает поцелуй и проводит губами по моей шее, я задыхаюсь, охваченная желанием раздеть его и уложить в свою постель.

— Ты встретила меня у входной двери в одном нижнем белье, — бормочет он мне в кожу.

Оу. Дерьмо.

— На мне футболка, — еле слышно уточняю я.

— Да, но без штанов. Одни лишь сексуальные чёрные кружевные трусики, — он поднимает голову и улыбается мне. — Ты устроила Конраду настоящее шоу.

— О, Боже, — шепчу я, опустив голову. — Я идиотка.

— Но ты моя идиотка, — он касается моей щеки, и я откидываю голову назад, улыбаясь ему. — Ты выглядишь восхитительно в этих сексуальных чёрных кружевных трусиках.

Я трюсь о его твёрдый член, сводя с ума и его, и себя. На нём слишком много одежды.

— Думаю, без них я выглядела бы ещё лучше.

— Ты так думаешь?

— Уверена, — киваю я. — Наверное, тебе следует снять их с меня и убедиться.

Он приподнимает бровь.

— С удовольствием.

— Да?

— М-мм, хм, — он сжимает мою задницу, притягивая меня как можно ближе к себе. —

Обожаю заниматься с тобой всем, чем угодно, пока ты голая.

— Только если ты тоже голый, — указываю я.

— Это можно устроить, — торжественно говорит он.

— Точно?

— Обещаю.

ГЛАВА 31

Тристан

14 февраля

Я дёрганая, встревоженная развалина, нервный, как чёрт. До такой степени, что все это замечают — и я имею в виду всех, и все они также вываливают на меня бесконечное дерьмо за это.

— Что, чёрт возьми, с тобой не так? Ты ведёшь себя как ненормальный, — не выдерживает Келли.

— У тебя синдром беспокойных ног или что? — это уже Шеп интересуется.

— Если ты не перестанешь ходить туда-сюда, то протопчешь на ковре дорожку, — оригинальная реплика от Конрада.

— Что бы ты ни планировал, всё будет в порядке, — Стивен, этот слишком проницательный ублюдок, успокаивает меня.

Были и другие комментарии, но я воздержусь от того, чтобы делиться ими. Не видел сегодня Джейд или Люси, иначе уверен, им бы тоже было, что сказать, так что лучше всего, чтобы они занимались теми вещами, которые девушки так любят делать в День Святого Валентина — в этот дерьмовый, ненавистный праздник.

Я знаю, что это праздник любви и всё такое прочее, но я никогда не был сильно верующим. Всегда думал, что этот день создан для того, чтобы люди чувствовали себя либо виноватыми, либо нелюбимыми. Я много раз чувствовал и то, и другое, но больше нет.

Теперь, когда в моей жизни появилась Александрия, я без сомнения знаю, что меня любят.

— Где она? — спрашиваю я Келли, засунув руку в передний карман и снова, и снова позвякивая ключами. Она бросает на меня взгляд, как будто хочет надрать мне задницу, прежде чем проверяет свой телефон.

— Она всё ещё на работе, — сообщает она, снова подняв на меня глаза и встречаясь со мной взглядом. — Она заканчивает в пять. И ты об этом знаешь.

Знаю, но я нервничаю. Сейчас четыре сорок две.

— Она не может освободиться пораньше?

— Почему бы тебе не спросить у Алекс, может ли она освободиться пораньше? — бросает Келли.

— Чёрт, нет. Если это будет исходить от меня, то будет выглядеть слишком очевидным.

Она закатывает глаза, но больше ничего не говорит. Просто прижимается к Стивену на диване, пока Конрад и Шеп — да, чёрт возьми, Шеп — играют в Mario Kart.

— Почему ты вообще здесь? — спрашиваю я Шепу, когда гонки заканчиваются и Конрад надирает ему задницу. Снова. — Разве ты не должен крутить шуры-муры с Джейд?

Шеп в отчаянии теряет контроль над собой.

— У меня есть ещё несколько минут, а потом я уйду. Джейд хотела, чтобы я ушёл из

дома на вторую половину дня. Наверное, она что-то печёт.

— Мило, — Джейд показывает свою любовь к Шепу, выпекая для него кексы и печенье. Ему повезло, что у него нет живота, потому что Джейд явно очень его любит.

— Я думаю, она готовит шоколадный торт. Её коронное блюдо, — он похлопывает себя по плоскому животу. — И моё любимое.

— Что ты ей подарить?

— Я уже подарил ей цветы.

— И всё? — я не верю своим ушам. Их первый совместный день влюблённых, и он дарит ей только цветы?

— И кое-что из драгоценностей, — он пожимает плечами. — Ожерелье из белого золота с бриллиантовой подвеской.

Одобрительно киваю. Джейд это оценит. Ей нравится всё, что Шеп делает для неё. У них прочные отношения. Они вместе почти год, и я вижу, что это продлится намного дольше.

С Александрией у меня тоже надолго.

С другой стороны, игорный бизнес постепенно сходит на нет. Мы все слишком заняты учёбой, слишком отвлечены нашими девушками, чтобы даже хотеть держать это дело открытым. С первого марта двери казино закрываются навсегда.

И ни один из нас не сожалеет об этом решении.

— О, она выходит! — визжит Келли, отчего я оборачиваюсь и обнаруживаю, что она наблюдает за мной. Она подпрыгивает на диване, Стивен отодвигается от неё. — Через десять минут она будет дома. Я одолжила ей свой «жучок», чтобы она добралась до работы.

О, чёрт. Пришло время мне начать действовать.

— Спасибо, Кел. Я ценю, что ты держишь меня в курсе.

— В любое время, Ромео. Удачи, — ухмыляется она. Они все ухмыляются мне, и я чувствую себя тупицей, но опять же, мне всё равно.

Я собираюсь сделать самый грандиозный жест в своей жизни, и могу только чертовски надеяться, что всё сработает.

Алекс

Я захожу в дом, сразу же замечая предвкушение, которое практически гудит в воздухе. Иду в гостиную и вижу там Конрада, Стивена и... Шепу? Вовлечённого в интенсивную гонку в Mario Kart. Келли, развалившись на диване, просматривает свой телефон. Сцена выглядит совершенно обычной. Я сталкивалась с подобной картиной много раз. Единственное, что меня сбивает с толку, — это Шеп.

— Что ты здесь делаешь?

— Твой парень только что спросил меня о том же самом, — взгляд Шепы не отрывается от экрана телевизора.

— Тристан здесь? — спрашиваю я, оглядываясь вокруг. Но нигде его не нахожу.

— О. Мой. Бог! — практически кричит Келли. Почему у неё такой раздражённый голос?

— Он написал мне. Несколько минут назад, — торопливо объясняется Шеп, его взгляд всё ещё прикован к телевизору. Хотя на этот раз он выглядит раскисающимся. И его щёки немного покраснели.

Х-мм.

Тристан заедет за мной на ужин примерно через час. Как раз достаточно времени, чтобы принять душ, выбрать какое-нибудь сексуальное нижнее бельё и собраться.

— Я в душ, — кричу я, идя по коридору к своей комнате. — Тристан будет здесь около шести.

— Хорошо, — отвечает мне Келли. — Развлекайся!

Я хмурюсь. Почему она говорит мне развлечься? Я собираюсь в душ. Она такая странная.

Открыв дверь своей спальни, захожу внутрь и обнаруживаю...

Моя кровать покрыта розовыми лепестками роз, которые лежат в форме сердца. Повсюду расставлены свечи, на каждой доступной поверхности, их золотое сияние освещает мою комнату. О, а вот и Тристан, он стоит у окна, по лицу явно видно, что он нервничает, глаза сверкают от сдерживаемых эмоций, когда он наблюдает за мной.

— Ч-что это? — закрываю за собой дверь и прислоняюсь к ней.

— Сюрприз, — Тристан широко раскидывает руки. — С Днём Святого Валентина!

Я ошарашена. Сюрприз — это точно. Это так неожиданно.

— Ты говорил мне, что День Святого Валентина — фальшивый праздник.

— Так и есть, — он начинает приближаться ко мне. — Но я всё равно предложил пойти поужинать.

— Верно, — мой взгляд останавливается на кровати, моё сердце бешено колотится. Должно быть, ему потребовалось много времени, чтобы сделать сердце. Я хочу сфотографировать его на телефон, чтобы запечатлеть этот момент навсегда, но не будет ли это глупо? Навязчиво? Это интимный момент, который я не хочу забывать. — Но всё это?

Он останавливается прямо передо мной. Он выглядит очень хорошо, но, когда он не выглядит очень хорошо? На нём одна из тех рубашек хенли, которые он так любит, на этот раз чёрная, — как его сердце, сказал он мне однажды, что только рассмешило меня.

У Тристана Прескотта самое доброе сердце, которое я знаю.

— Ты стоишь всего этого. Каждую его частичку, — он наклоняется и прижимается своими губами к моим, поцелуй медленный, мягкий. Горячий. Влажный. — Я люблю тебя, ангел.

Моё тело согревается от его слов, его поцелуя.

— Я тоже тебя люблю, — шепчу я.

— Ты изменила мою жизнь, — глубоко дыша, он отстраняется от меня, берёт мою руку в свою и опускается на колени. — Я стал лучше благодаря тебе.

— Тристан, — дрожащим голосом говорю я. Я дрожу, и, клянусь, моё сердце колотится где-то в горле. Что он делает?

О, Боже, кажется, я знаю, что он делает.

— Я никогда не думал, что это случится со мной. Я не верил в отношения. И не думал, что когда-нибудь встречу девушку, с которой захочу серьёзных отношений, не говоря уже о том, чтобы провести с ней всю оставшуюся жизнь.

Я сжимаю губы, чтобы не сделать что-нибудь унижительное. Например, начать плакать.

— Я знаю, что мы были вместе совсем недолго, но мне давным-давно сказали, что, когда ты знаешь, ты знаешь. И Александрия, я знаю, — он достаёт маленькую чёрную коробочку из переднего кармана джинсов, открывает её и протягивает мне. — Я люблю тебя. Ты будешь моей женой?

Слёзы свободно текут по моим щекам, заставляя меня непривлекательно шмыгать носом. Уверена, что выгляжу ужасно, но как ещё я могла отреагировать? Это совершенно неожиданно.

— Да, — шепчу я — Да, я буду твоей женой, Тристан.

Он машет передо мной коробочкой.

— Тебе нравится кольцо?

Оно простое, круглый бриллиант на обычной полоске. Бриллиант — большой. Но, в конце концов, это Тристан, так что я не ожидаю ничего меньшего.

— Оно прекрасно.

Он поднимается на ноги, достаёт кольцо из коробки, берёт мою левую руку и надевает кольцо мне на палец.

— Идеально, — говорит он, его взгляд поднимается и встречается с моим.

— Ты сумасшедший, — я двигаю пальцами, кольцо сверкает на свету.

— Почему?

— Мы встречаемся всего несколько месяцев. Что скажут наши друзья?

— Большинство из них знают о моих планах, поэтому они поздравят меня, — самодовольно заявляет он.

— Ты, — легонько толкаю его в плечо, когда он бросает пустую коробку на ближайший стул. — Серьёзно. Не слишком ли быстро мы движемся?

— Когда дело доходит до тебя, ангел, ничто не происходит слишком быстро. Я не собираюсь вести себя как тот мудака мистер Биг, который потратил слишком много времени впустую, когда ему следовало просто быть с Кэрри.

О, он снова говорит о «Сексе в большом городе». Он точно знает, как добраться до моего сердца. Кроме...

— Тебе не нравится мистер Биг?

— Чёрт, нет, — он выглядит смущённым. — Мне больше по душе Эйдан.

— Фу!.. — я снова толкаю его в плечо, на этот раз сильнее, и он хватает меня, притягивая ближе. — Эйдан — ужас. Слишком скучный. Я предпочитаю дерзких парней.

— Да не может быть! — говорит Тристан, заставляя меня смеяться. — Мистер Биг — мудака.

Я тереблю его рубашку спереди, его пьянящий аромат окружает меня.

— Я в некотором роде равнодушна к придуркам.

— Слава Богу, — бормочет он. — Эй. Посмотри на меня.

Я делаю, как он просит, мой снова наполненный слезами взгляд встречается с его. Этот момент очень важен. Не могу поверить, что он хочет жениться на мне. Не могу поверить, как сильно изменилась моя жизнь за такой короткий промежуток времени — и всё из-за этого человека.

— Я люблю тебя. Ты любишь меня. Мы принадлежим друг другу. Всё очень просто.

Теперь я широко улыбаюсь, смагивая слёзы.

— Может ли это быть нашей свадебной клятвой?

Он наклоняется, его рот близко к моему.

— Чего бы ты ни захотела, Али, я буду стараться изо всех сил, чтобы дать тебе это, — бормочет Тристан перед тем, как поцеловать меня.

Я в этом и не сомневаюсь.

Конец.

Notes

[

←1

]

Пария — лицо, лишенное необходимых социальных контактов и возможности вхождения в другие социальные группы.

[

←2

]

A — соответствует «5» или другой наивысшей оценке.

[

←3

]

Кларк Кент — настоящее имя Супермена.

[

←4

]

C+ — тройка

[

←5

]

B- четверка

[

←6

]

Tupperware — продажа ёмкостей для кухни и быта через дистрибьютеров.

[

←7

]

Рейтинг X означает, что на сеанс не допускаются лица, не достигшие 17-летнего возраста.

[

←8

]

СМИ (в это конкретном случае) — Слишком Много Информации.

[

←9

]

Zip, zilch, nada! — дословно с испанского переводится как «Молния, пшик, ничего», но по отдельности слова можно перевести как «ничего».

[

←10

]

Эль-Ниньо — колебание температуры поверхностного слоя воды в экваториальной части Тихого океана, оказывающее заметное влияние на климат.